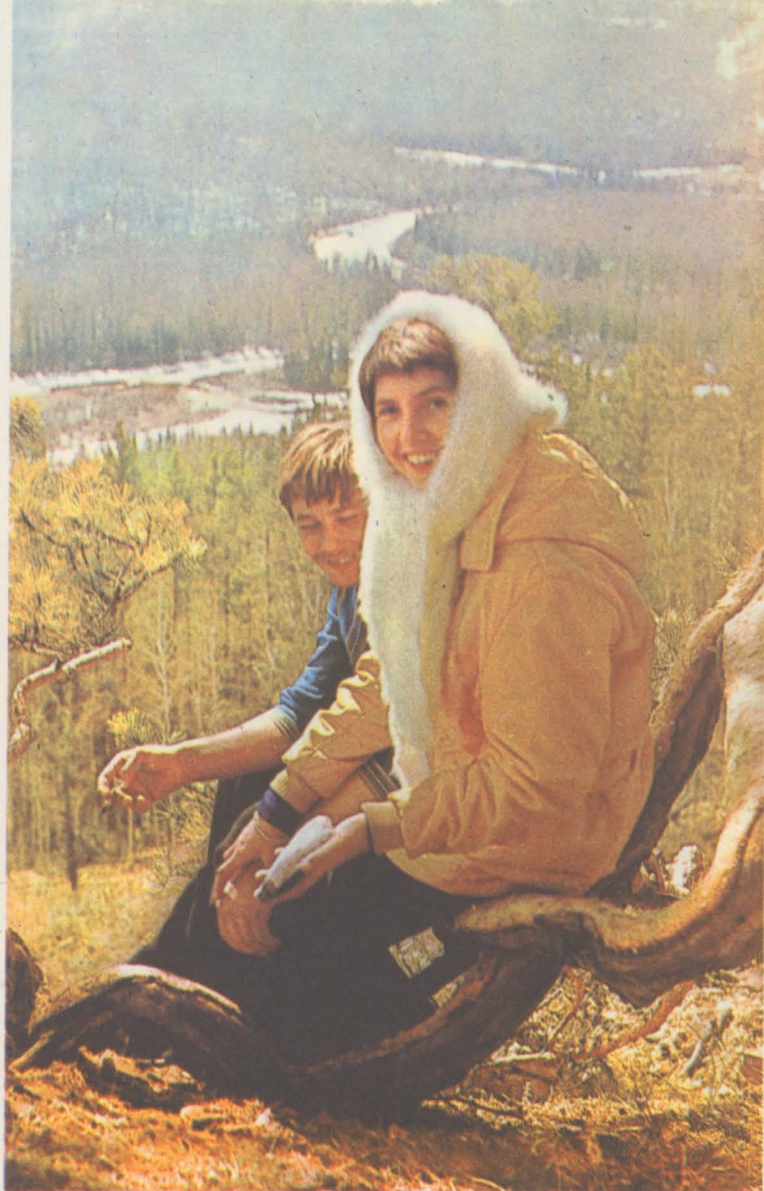

РАБОТНИЦА

№ 8 1974.

Издательство «Правда»

**ПОСЕЛОК ЗВЕЗДНЫЙ —
ПЕРВЫЙ
НА БУДУЩЕЙ ТРАССЕ
БУДНИ СТРОИТЕЛЕЙ БАМа.**

«Здравствуйте, дорогие мои мама, папа и сестренка Таня. Пишу вам свое первое письмо с нового места жительства, из поселка Звездного.

Во-первых, сообщаю, что у меня все хорошо. Из Саранска мы уехали 23 апреля. 24-го были в Москве, где жили 4 дня. Были на XVII съезде ВЛКСМ. Встречались с А. Маресьевым, космонавтами, спортсменами. Ходили в Мавзолей В. И. Ленина. Вообще увидели столько, сколько не видели за всю жизнь.

27-го выехали из Москвы. Останавливались в Кирове, Перми, Новосибирске, Красноярске, Братске. Всюду — митинги, оркестры, цветы. Конечная станция была Усть-Кут. Отсюда нас в Звездный забросили на вертолетах. Иного пути к нам пока нет. Кругом тайга. Очень красиво. Живем в палатках. Палатки большие, утепленные. В центре — печь. Спим на кроватях.

Всего населения в нашем Звездном — 400 человек. Одна молодежь. Из Мордовии нас приехало 15 человек. Ребята нашего отряда будут работать лесорубами и строить дома. А девочки — кто будет кашеварить, кто пойдет в строительную бригаду. В общем, будем покорять тайгу.

Мама, я тебе тогда сказала, что мне предложили поехать сюда. Извини, это было не совсем так. Мне сказали, что организовывается комсомольская стройка по строительству Байкало-Амурской магистрали. Просили подобрать с завода хорошего, надежного парня. А я решила поехать сама. Почему? Ведь у меня была хорошая работа и теплое место в общежитии. Все очень просто: мне хочется быть там, где я нужнее, где мой труд будет заметнее.

Сюда мы приехали на необжитое место, сами дали название нашему палаточному городку — «Звездный». В будущем — крупный город. Это будет память о нас, о первопроходцах.

Сюда я ехала с намерением работать, как все, в тайге. Но на первом же собрании меня избрали заместителем секретаря комсомольского комитета ВЛКСМ всего отряда и заместителем командира отряда. Трудно-

Тоня Голянова пишет первое письмо домой.

домой. И я попросила у Тони Голяновой разрешения прочесть письмо. Ведь это так важно — первые впечатления! Познакомилась я с Тоней на митинге в Тайшете.

Трое суток ехали мы до Тайшета. И по всей дороге — на вокзалах больших городов и на маленьких станциях — нас ждали сотни людей.

Перроны, трибуны, улыбки, слова. С каждым километром это волновало все больше. И ответственность, о которой ребята много слышали и столько же говорили сами, становилась просто обязанностью оправдать надежды этих незнакомых людей.

В Тайшет эшелон въезжал из темноты позднего таежного вечера — на ярко освещенную прожекторами вокзальную площадь.

образовали два сдвинутых грузовика с откинутыми бортами, — герои сибирских строек, руководители города и двое из нашего отряда — юноша и девушка. Им вручили символический ключ, разрезанный вдоль на две половины. Одну половину должны были увезти с собою те, кто ехал к Амуру, на станцию Шимановск, на восточный участок строительства БАМа. Вторая предназначалась строителям западного участка.

Шел митинг. И поэтому никто не заметил, как между восьмым и девятым вагонами комсомольского эшелона образовался неширокий просвет. Произошла расстыковка состава. Эшелон, как и символический ключ, разделится надвое. Через несколько минут попрощаются друг с другом бойцы отряда и проводники. Головная часть поезда (8 вагонов — триста бойцов) пойдут дальше по

БАМ. СТАРТ

А. ДИХТЯРЬ

вато будет. Людей пока знаю не всех. Но это — дело времени.

Погода у нас ночью минусовая, а днем тепло. Есть магазин. Размещен в палатке. Есть буквально все. Даже апельсины.

Извините, что написала немного неаккуратно. Пишу, сидя на пеньке. Вокруг все то и дело отвлекают.

Мама и папа! Не сердитесь, не обижайтесь, что я уехала. Я иначе не могла. Вы просто поймите меня. Домой приеду не раньше следующей осени, только в отпуск.

Ну, пока до свидания.

Целую вас крепко.

Ваша дочь

Тоня ГОЛЯНОВА».

Как попало ко мне это письмо? Когда я улетала из Звездного, поселка первостроителей БАМа, многие ребята поручили мне опустить в Москве их письма

По тайшетскому времени был двенадцатый час ночи, а народу собралось от края до края площади.

Тайшет — земля легендарных железнодорожных трасс: дороги Тайшет — Лена, после пуска которой возник крупнейший Тайшетско-Братский энерго-промышленный район, и трассы мужества Абакан — Тайшет, увековечившей трудовой подвиг комсомолии 60-х годов.

Прокладывались эти дороги ангарстроевцами, так называют сами себя работники треста «Ангарстрой». Именно этому знаменитому тресту доверили начать работы и на западном участке Байкало-Амурской магистрали.

В том и заключалась особенность митинга в Тайшете, что на нем ангарстроевские ветераны как бы принимали бойцов Всесоюзного ударного комсомольского строительного отряда имени XVII съезда комсомола в свою семью. На трибуне, которую

старой Транссибирской магистрали в Шимановск. А спустя полчаса двинется на станцию Лена вторая половина ударного отряда. Тоже триста человек.

Отряды разделят 3 144 километра — длина рельсов будущей дороги. Двигаясь с запада и востока навстречу друг другу, строители уложат их на полотно будущей магистрали. А когда встретятся...

Я подошла к девушке, которой вручили ключ.

— Тоня Голянова, — представилась она. Потом осторожно достала из футляра половинку стального, в полметра длиною ключа. На ключе — гравировка: «Дорогие друзья! Когда вы закончите строить западный и восточный участки Байкало-Амурской магистрали, соедините обе половины символического ключа и вручите государственной комиссии вместе с рапортом об окончании строительства. Президиум Дорпрофсоюз». Через несколько лет бамовцы соединят

Строители БАМа.

Фото Ю. Садовникова и А. Лехмуса.

Комсорг ленинградской бригады Нина Филатова.

ключ и отправят его в Музей Революции. А в руках у народа, у страны будет Байкало-Амурская магистраль. Дорога к подземной кладовой медных руд Удокана. К Нижнеангарскому медно-никелевому месторождению. К Чульманским и Ургальским угольным

бассейнам. К черной руде и молибдену, свинцу и олову. Дорога к колоссальным лесным богатствам.

БАМ — второй, более короткий и удобный путь к океану.

БАМ называют магистралью века. При этом имеют в виду не только огромное экономическое значение дороги. Но также — сложность и грандиозность стройки. Если трасса Тюмень — Сургут трудна была своими болотами, а Абакан — Тайшет — горами, то весь путь от Байкала до Амура — это и болота, и горные хребты, и вечная мерзлота, и непроходимая тайга, и безлюдье. Горы будут прорезаны тоннелями. И один из них станет самым длинным в мире. Трасса встретит на своем пути множество водных рубежей. Лена и Киренга — Тайшет — Олекма, Зeya и Селемджа. Через реки будут перекинута десятки больших и малых мостов.

Шестьсот бойцов вез на стройку века комсомольский эшелон. За первым эшелонном отправились и другие. «Правда» сообщила, что двести иркутских комсомольцев по Лене и Киренге спустились на баржах к новой точке магистрали — к селу Казачинскому. Скоро на БАМ выедут сотни московских добровольцев. А в разгар строительства БАМ потребует около 100 тысяч рабочих.

Но всегда люди будут вспоминать первый эшелон. В музеях будут храниться стихи, сочиненные в пути, протоколы комсомольских собраний, стенные газеты. Будет там среди газет «СтавРиТа». Помню, меня удивило: «СтавРиТа»? Увидела надпись: «Вагон № 5». Поспешила туда. Мудреное слово расшифровывалось просто: Ставрополь, Рига, Ташкент. Но, оказывается, не только коллективной газетой был примечателен пятый вагон. В нем ехало 14 девушек. Тогда как во всем эшелоне их было 67.

Ставропольская и латышская группы направлялись в Амурскую область, в поселок с энергичным и по-северному резковатым названием — Тында. Через несколько лет это будет крупный железнодорожный узел. Сейчас там больше всего нужны строители. И рижанка Леночка Соболева, молодой инженер, едет в Тынду с нетерпеливым желанием поскорее окунуться в работу, живым делом оправдать свой диплом строителя.

А посланцы Узбекистана едут в Шимановск, где создается индустриальная база строительства магистрали.

— Мы сами себе завидуем, — белозубо улыбается Людмила Цой. — Мы трое — Тома Тарасенко, Минслу Куанчина и я, — из одного города — Андижана, из одного строительного техникума. Первая запись в трудовых книжках будет: «Байкало-Амурская магистраль».

— Может быть, это странно звучит, но там, где труднее, там легче определиться в жизни. Найти себя, свою судьбу, — подхватила разговор Надя Черноусова, еще недавно слесарь-сборщица Ташкентского электромеханического завода.

— Просто хочется, — продолжил мысль Нади Дмитрий Мельник, — чтобы в твоей жизни было большое и значительное дело. Думаю, мне будет о чем рассказать своим детям.

Я вспомнила вчерашнюю беседу с Феликсом Ходаковским, Героем Социалистического Труда, человеком, который строил трассу Абакан — Тайшет и Хребтовая — Усть-Илимск, вырос от мастера до заместителя начальника треста «Ангарстрой». Опытный организатор, он уже во время пути формировал строительные бригады, чтоб, прибыв на место, не тратить на это время. Ходаковский обошел все вагоны, познакомился, пожалуй, с каждым, с каждым поговорил.

И отметил для нас, журналистов, что людей интересует главным образом место работы, фронт работ, оснащенность техникой, и лишь изредка кто-то спрашивал о надбавках к зарплате или северном коэффициенте.

Наш разговор неожиданно прервал Николай Ярунин, кудрявый насмешливый парень с гитарой, шофер из Ангрена.

— Девчата, Машраб Хаджаев и Насим Мулинов хотели нам завтра сюрприз преподнести — весь пятый вагон в честь Первого мая узбекским пловом угостить. Так выяснилось, что у поваров казана нет.

— Шутки шутками, а вы, девушки, готовить умеете? — поинтересовалась я.

— У них по сварке — первый разряд, а по варке — вроде как университетское образование, — польстил землячком Николай.

— Образования кулинарного у нас, конечно, нет, — серьезным тоном ответила Лилия Шнайдер. — Но если вдруг пекарь заболит, мы хлеб испечь сумеем.

— Я вот что хочу сказать. — Это впервые подала голос Валя Картушина. — От нас, девушек, зависит, каким будет наш новый дом. Если уютным, теплым, красивым, значит — родным...

...В Тайшете мы распрощались с девушками из Узбекистана. Я ехала на западный участок трассы.

Наконец, долгожданный Усть-Кут. Работники Центрального Комитета комсомола — командиры «западного десанта» — Виктор Карнюшин и Михаил Тетерин — отправляют срочную телеграмму: «Москва. Цекамол. Тяжелникову. 2 мая отряд имени XVII съезда ВЛКСМ прибыл станцию Лена — конечный пункт — первый пункт будущего БАМа. Начиная высадку десанта вертолетами тайгу, верховье реки Таюры. На митинге палаточный городок отряда назван «Звездный». Все здоровы. Настроение отличное. Задание партии выполнить готовы. Штаб отряда».

Сразу вношу поправку. Для будущих историков БАМа. Второго мая с заброской десанта на Таюру ничего не получилось. Капризный ветер внезапно нагнал тучи, и они до самого вечера сыпали холодным, колючим дождем.

И под таким же дождем в 64 километрах от Усть-Кута, на узкой полосе свежей вырубки, у хлопавших на ветру мокрых флажков, означавших квадрат вертолетной площадки, таюры ожидали бойцов строительного отряда.

Елена Ивановна Прищепа, работник отдела снабжения, хозяйка этого таежного дома, сберегала от дождя хлеб-соль. Соль не намочила, а хлеб успели испечь свежий на рассвете следующего дня. И ясным утром 3 мая первыми отломали хрустящую горбушку теплой, ароматной буханки посланцы Украины. Вертолет за вертолетом садился на полосу. И, наверное, не флажки стали ориентиром для летчиков, а высокая фигура заместителя начальника строительного-монтажного поезда Александра Бурасова, ни в завтрак, ни в обед не покинувшего площадку, пока не приземлился последний МИ-8.

20 минут летит из Усть-Кута вертолет. Самое большее — час будет идти тепловоз. 33 дня, пробивая в тайге зимнюю дорогу, шел сюда Александр Бурасов с отрядом строителей «Ангарстрой». 17 человек и 4 бульдозера. В иные дни фиолетовый столбик градусника бился между отметками — 45—50.

По зимнику прошли трактора и машины, перебросили инструмент и строительные материалы, контейнеры сборно-щитовых домов, вагончики и палатки, продукты и одежду.

Мы пошли в ту часть «Звездного», где стоят палатки и вагончики «старожилов». «Май встречают новоселы на Тауре в первый раз.

В этот день веселья, счастья просто вспомните о нас».

Девочка читала стихи. Брезентовые стены палатки не могли удержать звонкий детский голос, и он четко звучал в предвечерней тишине тайги.

Двери палаток не запираются на засов. Я вошла без стука и остановилась. Женщина, хлопотавшая у длинного, от печи до печи, стола, уловила мое замешательство.

— Не видели, наверное, что и так живут люди.

Признаюсь, не видела. Вся палатка, справа и слева от стола, разделялась на шесть отсеков байковыми одеялами и кусками драпировочной ткани. В каждом отсеке — семья. Всех тринадцать человек.

— Здесь у каждого свой район. Зато стол общий. И чайник один на всех.— В тихих словах женщины улавливалась гордость.— У нас в Игирме (это на ветке Хребтовая — Усть-Илимск) квартира неплохая была. Да вот на горячее место потянуло. Должен же кто-то первые сваи вбивать. Ведь муж мой, Борис, строитель, а я здесь на свиноферму устроилась. Меня Полиной зовут. Фамилия? Да стоит ли записывать? Таких, как мы, много.

— Наша фамилия — Коптяевы,— серьезно ответила за мать девочка лет десяти, поправляя и без того аккуратные голубые бантики в косичках-крендельках.

— А комсомолцы, которые сегодня приехали, мне значок подарили. На нем «Ленинград» написано. И еще они сказали, что к первому сентября построят школу. И детский сад они тоже будут строить.

Именно в этот момент, как бы в доказательство актуальности нашей беседы, из-за байковой перегородки с кровати на скамейку шагнул человек в рубашонке цветочками и уселся рядом с девочкой. У детей были одинаковые, ясные и синие, как сибирские подснежники, глаза.

— Сестрица Аленушка и братец Иванушка,— радостно улыбнулась Полина.

— Это ты читала стихи?— спросила я у Аленушки.

— Да. Их написал мой папа. Он много стихов написал. И про Игирму. И про станцию Ельники. И про маму. И про нас с братом. Мой папа — плотник. Бригадир.

Папа — плотник. А каркас палатки сбит из не очищенных от коры сосновых стволов. До того ли было зимой? Зато для палаток первого отряда комсомольцев каркасы отделявали куда тщательней. Работали даже Первого мая. Старались. Потому что знали: ребята едут не любоваться природой, а валять лес под дорожное полотно. Среди комариного ада. В болотах и ледяных водах вечной мерзлоты... И лишь ненадолго будут возвращаться они в свою палатку, в свой дом.

...А сегодня — новоселье. Грузинские ребята елками обсаживают палатку и уже успели нарисовать у входа виноградную гроздь. Литовцы сооружают из березовых веток замысловатую арку. Парни из Армении водрузили над палаткой красное полотнище с четким силуэтом Арарата и большим круглым солнцем, похожим на футбольный мяч.

— Девочки! — весело кричит осетинка Людя Гутнова, одна из обитательниц палатки № 4, единственной девичьей.— А что напишем мы?

— Как что? — доносится из глубины палатки голос Вали Гирько,— Ясное дело — «СССР».

Третья советско-американская встреча в верхах завершилась. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВ и Президент США Р. НИКСОН на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

ПОВОРОТ КОРЕННОЙ, ПОЗИТИВНЫЙ

Так определяет характер советско-американских отношений, сложившихся за последние два года, документ «Об итогах третьей советско-американской встречи на высшем уровне», принятый Политбюро ЦК КПСС, Президиумом Верховного Совета СССР, Советом Министров СССР. Полностью одобрена деятельность делегации Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем

Л. И. Брежневым и политические результаты переговоров с Президентом Соединенных Штатов Америки Р. М. Никсоном.

Со времени первой советско-американской встречи в верхах минуло всего два года. В короткий этот срок в отношениях двух крупнейших стран сделаны решительные шаги в направлении мира и сотрудничества во многих областях международной и экономической деятельности. И это сот-

рудничество благотворно сказывается на климате всей планеты. Призрак ядерной катастрофы явно уступает место добрососедскому сотрудничеству государств с различным общественным строем.

Мы знаем: эти глубокие перемены не пришли сами собой. Целенаправленная неутомимая деятельность нашей партии, нашего государства, настойчивое проведение в жизнь Программы мира изменили к лучшему международную атмосферу.

Советско-американские переговоры на высшем уровне стали установившейся практикой, определено время новой, четвертой встречи.

За ходом недавно заверщенного советско-американского диалога с пристальным вниманием следили люди всей земли. С огромным удовлетворением узнавали об успехах переговоров мы, граждане Страны Советов, понимая историческое их значение.

Обе стороны признали необходимым прочно выдерживать и проводить в жизнь главную линию, намеченную на двух предыдущих встречах, линию, закрепленную совместными документами — Соглашением о предотвращении ядерной войны, Договором об ограничении систем противоракетной обороны и Временным соглашением о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений.

В совместном Коммюнике участники новой встречи заявили о решимости продолжать совместные усилия — прежде всего в устранении опасности войны, особенно с применением оружия массового уничтожения. Объявлена и конечная цель — всеобщее и полное разоружение под международным контролем.

На завершившихся переговорах Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорного, А. Н. Косыгина, А. А. Громыко с Президентом США Никсоном сделаны новые конструктивные шаги для укрепления всеобщего мира. Достигнута договоренность о новом ограничении систем противоракетной обороны обоих государств; о дальнейшем ограничении не только наступательного, но и оборонительного стратегического оружия.

Повсюду на земле получил поддержку Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Теперь две самые могущественные ядерные державы решили ограничить, а затем вовсе прекратить и подземные испытания такого оружия выше определенного порога мощности. А в перспективе — полное прекращение всех подземных испытаний ядерного оружия. СССР и США договорились также о совместных мерах, которые способствовали бы запрещению применения в

качестве оружия наиболее опасных, смертоносных химических средств.

Разрядка напряженности, прогресс в решении международных проблем требуют активных, целенаправленных действий. Обе страны взяли на себя обязательство уважать права и интересы всех государств и отметили, что создание прочной безопасности во всех районах мира на коллективной и индивидуальной основе, устранение существующих и предотвращение новых конфликтов — первостепенная цель всех государств и народов.

Обстановка в Европе развивается в направлении прочного мира, чему весьма способствует происходящее сейчас Совещание по безопасности и сотрудничеству. И Советский Союз и Соединенные Штаты Америки высказались за успешное завершение Совещания в ближайшее время. Они полагают возможным завершить Совещание на высшем уровне, что будет соответствовать его исторической значимости для будущего Европы и придаст большой авторитет его решениям.

Как задача первостепенной важности и срочности рассматривается устранение опасности войны и напряженности на Ближнем Востоке. Советский Союз всегда отстаивал законные интересы всех народов Ближнего Востока, включая палестинский, признавал право на существование всех государств этого района. СССР и США договорились оказать всякое содействие в установлении прочного и справедливого мира в этом тревожном районе земного шара.

Новое, долгосрочное — на десять лет — Соглашение о содействии экономическому, промышленному и техническому сотрудничеству имеет большое значение для обеих стран. Оно предусматривает закупку и продажу машин и оборудования, сырья, сельскохозяйственной продукции, потребительских товаров. Открывается возможность покупать и продавать лицензии, патенты, применять у себя промышленную технологию, проекты и производственные процессы другой страны. При заключении этого соглашения был отмечен, в частности, существенный рост товарооборота, хорошие перспективы превысить запланированный общий объем торговли на 1973—1975 годы. Продолжает налаживаться долгосрочное сотрудничество американских фирм и советских организаций.

Советско-американские документы справедливо утверждают, что наши отношения развиваются по восходящей линии. Простое перечисление подписанных на третьей встрече документов, кроме уже упомянутых, подтверждает это. Таковы соглашения о сотрудничестве в области энергетики, жилищного и других видов строительства, о научных исследованиях и разработке искусственного сердца. Станут совместно

изучаться проблемы транспорта будущего и новые проекты сотрудничества в космосе, охраны окружающей среды и расширения культурного обмена.

Все это неоспоримо свидетельствует: оздоровление обстановки в мире продолжается. Даже те представители буржуазной пропаганды, которые пророчили поначалу «скромные» успехи новой советско-американской встрече, вынуждены признать крупные результаты переговоров. Но в те самые дни, когда на московской встрече, по признанию ряда американских газет, царил исключительно «теплая и дружественная атмосфера», сенатор Г. Джексон, этот любимец Пентагона и заправил военной промышленности, по приглашению китайских властей находился в Пекине с официальным визитом. Этот визит был еще одной демонстрацией откровенно антисоветской позиции противников разрядки, яростных слугителей политики «холодной войны», не оставляющих попыток помешать улучшению отношений между СССР и США. Однако сегодня даже у себя дома, в Америке, воинствующий сенатор и его единомышленники все больше оказываются в изоляции.

Общий смысл целей, которые ставят перед собой Соединенные Штаты и Советский Союз, заявил по возвращении домой Президент Р. Никсон, — добиваться, чтобы улучшение отношений было не недолговечной сенсацией, на один день привлекающей к себе внимание газет, а непрерывным, необратимым процессом. Отвечая тем, кто хотел бы спекулировать на сближении двух великих держав, которое якобы угрожает другим народам, вся прогрессивная печать делает единодушно верный вывод: крепнущее взаимопонимание в отношениях между СССР и США — прежде всего на пользу миру на земле.

Политика деятелей, не желающих либо неспособных правильно оценить реальности современного мира, идет вразрез с интересами народов. «Мы, однако, убеждены, — заявил в дни последнего советско-американского диалога Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — что народы поддержат тех, кто стремится обеспечить их мирное будущее, спокойную жизнь миллионов людей, а не тех, кто сеет вражду и недоверие».

Поддержка советскими людьми политики нашей партии, чья высшая цель — все во имя человека, для его блага, — такая поддержка обеспечена. Свидетельство тому — многочисленные письма наших читателей, полученные редакцией в дни переговоров. В каждом из этих писем — взволнованные, выстраданные слова о мире. О мире как фундаменте всех наших планов и свершений.

А. КРЫЛОВ

«ОФИЦИАЛЬНО ДИСКРИМИНАЦИИ НЕТ»

Знакомый парижский журналист из иллюстрированного издания как-то заметил: «Нет, что ни говорите, но Франция — это страна, созданная для женщин...»

Слов нет, француженки — прекрасная половина 52-миллионного населения Франции. Они разные по облику и характеру, по социальному положению и образованию. Во французских семьях, как правило, двое-трое детей (по статистике на 100 семей — 230 ребятишек). Малышу еще в коляске внушается почтение к старшим, в особенности уважение к представительницам женского пола. Француз не войдет куда-либо впереди женщины; всегда оглянется и попридержит хлопаящую дверь в метро или магазине; встанет из-за стола, если к нему обратилась женщина; не закурит, будучи шофером такси, не спросив разрешения пассажирки; снимет головной убор, оказавшись с соседкой в лифте; уступит дорогу автомашине, управляемой женщиной.

Для француженок издаются десятки журналов, для них ведутся радиопередачи, телевизионные программы. В гигантских универсальных магазинах женщинам отведены целые этажи. Демонстрации мод в начале и середине года в основном тоже рассчитаны на женщин. К чести француженок нужно отметить, что они почти никогда не наденут на себя то, что им не идет, хотя бы этого и требовала мода. Впрочем, известно, что парижские модели рассчитаны не только на национальную, но и на зарубежную клиентуру. То же самое относится и к знаменитой французской парфюмерии, которой француженки, кстати, пользуются гораздо умереннее, чем это представляется. Парфюмерия чрезвычайно дорога.

Но почему же недовольство положением женщины в обществе имеет столь острый характер, что стало предметом жарких сражений в предвыборной борьбе за пост президента республики?

...Вспоминается инициатива Союза девушек Франции — одного из отрядов Движения коммунистической молодежи, распространившего среди юных соотечественниц анкету с вопросом: «Как ты понимаешь счастье?» Ответы составили более 500 объемистых тетрадей. «Счастье — это возможность учиться и получить специальность», — писала 19-летняя работница Розалина Канэ. «Для меня счастье — это возможность быть уверенной в будущем», — мнение Клэр Марииво. «Я буду счастлива, если снова найду работу и не буду бояться увольнения», — мечтает бывшая работница парижского магазина «Прэнтан». «А разве капитализм может простого человека сделать счастливым?» — задается вопросом Николь С., студентка из Нантерра.

Тщетно искать на страницах красочных буржуазных изданий репортажи, скажем, о текстильнице, нормандской крестьянке или служащей парижского магазина. А ведь профессиональной деятельностью занято 7 миллионов 850 тысяч человек — более трех четвертей трудоспособных женщин. Они составляют около 40 процентов всей рабочей силы страны. Но «...несмотря на все возрастающую роль в жизни общества, — подчеркивается в выдвинутой французскими коммунистами Программе демократического правительства народного единства, — женщины сегодня по-прежнему остаются в приниженом положении...».

Как это выглядит на практике? Например, возможность учиться. С 1959 года введено обязательное бесплатное обучение детей в возрасте от 6 до 16 лет. Однако далеко не все девушки оканчивают школу. Причина — нехватка школьных помещений и учителей, необходимость идти работать. Во Франции официально установлен принцип смешанного обучения и «одинакового доступа для юношей и девушек» в профессиональные училища. Но на дверях профессиональных учебных заведений нередко можно прочесть табличку «Для мальчиков». Не удивительно, что каждые три девушки из пяти начинают свой трудовой путь без профессиональных знаний.

В торговых вузах, сообщает журнал «Авангард», насчитывается 5380 студентов и 710 студенток. На каждые сто мужчин-инженеров приходится лишь три женщины.

Но иметь диплом — это, оказывается, еще не все. В правилах Политехнического института, одного из редких вузов, где происходит распределение на работу выпускников (в остальных специалисты определяются сами), существует такая оговорка: «В случае успешного окончания института учащиеся женского пола имеют доступ к тем же вакансиям, что и учащиеся мужского пола, при условии соблюдения специальных правил приема на определенные должности». «Действительность такова, — пишет французская журналистка Жозетт Алиа в буржуазном еженедельнике «Нуэль обсерватер», — что при помощи различных оговорок утверждение на работе, повышение квалификации женщины и продвижение ее по служебной лестнице задерживают на определенном уровне, который всегда бывает ниже уровня мужчин... На государственной службе продвижение женщин тормозят при помощи внутренних конкурсов, открытых только для мужчин. Официально во Франции нет дискриминации. Но женщинам предоставляют деятельность, которая зачастую ниже их реальных знаний. Для них закрывают доступ на ответственные посты, и вообще

им платят меньше». Около 96 процентов работающих женщин — это работницы, продавщицы, канцелярские служащие, мелкий административно-технический персонал. Немногим более 2 процентов француженок занимают какие-то руководящие должности. Чрезвычайно мало женщин (в основном от Союза левых сил) в составе французского парламента.

Большинство женщин занимается низкооплачиваемым физическим трудом.

На многих туристов производят впечатление парижские магазины. Здесь работает много женщин. Изнурительный, многочасовой труд (Франция вообще занимает ведущее место в Европе по длине рабочей недели), суровый надзор и произвол администрации, низкая зарплата.

— Мы все время находимся под страхом наказаний и штрафов, — рассказывают продавщицы одного из крупнейших магазинов столицы, «Галери Лафайет». — Нельзя разговаривать, нельзя присесть. В парфюмерном отделе даже завели учет пребывания работниц в туалете...

Многие занятые в магазинах работницы получают 900—1200 франков. Много это или мало? Вот зарплата продавщицы мадам Б., получающей на руки 942 франка. Больше трети — 335 франков — уходит на оплату квартиры и коммунальных услуг. Столько же — на весьма скромное питание. Надо еще оплатить купленную в кредит швейную машинку (вечером, чтобы свести концы с концами, приходится брать заказы на дом). Отпуск? За последние десять лет — никакого. Развлечения, досуг, воскресный отдых? Люди ее категории лишь несколько раз в год посещают кино, почти никогда не ходят в театр — слишком дорого. Книги тоже бешено дороги. Более половины французов, по грустному свидетельству официальной статистики, книг не покупают.

Лечение недешево. Визит к врачу, пребывание в клинике, операция — это десятки и сотни франков. Правда, если вы член кассы системы социального страхования, то большая часть суммы платится из этой кассы. Но не все охвачены такой системой, да и медицинский фонд — взносы, вычитаемые ежемесячно из зарплаты трудящихся. Очень остра проблема устройства маленьких детей. По данным Национального совета Союза французских женщин, сегодня требуется 200 тысяч мест в яслях, а их всего 32 тысячи.

На одной из встреч французской молодежи меня познакомили с девушками, работающими на предприятиях текстильной и легкой промышленности. Мари-Пьер трудится с 14 лет, сейчас ей 21. Она шьет костюмы. В ее рабочем дне вы-

верен каждый жест, норма определена хронометристом ателе. Норма напряженная. Невозможно отлучиться даже к автомату с едой.

На фабрике по производству спортивной одежды «Фюзальп» в Аннеси 180 рабочих, 90 процентов из них женщины. Вот список запретительных мер, введенных администрацией во внутренний распорядок фабрики. Работницам нельзя: утолять жажду во время работы, смеяться, разговаривать, вставать с места, смотреть в зеркало, задерживаться в туалете.

Анни работает на рубашечной фабрике. Темп работы вызывает нервное истощение, общее ослабление организма. Замер выпуска продукции происходит каждые два часа, и, если выработка падает, у рабочих требуют объяснений. «Количество девушек, которые заболевают на производстве, быстро возрастает, — свидетельствует французская печать. — Работницы страдают от искривления позвоночника, ломоты в пояснице. У них частая рвота, боли в желудке и кишечнике. В результате наступает нервная депрессия».

Существует дискриминация и в оплате труда женщин по сравнению с оплатой труда мужчин. В среднем, пишет журнал «Нуviel критик», заработная плата, получаемая женщинами, на 33,6 процента ниже заработной платы мужчин.

— Меня, — рассказывает одна из сотрудниц агентства Гавас, — приняли на должность служащей рекламного отдела, хотя место начальника этого отдела было вакантным. Мне тогда прямо сказали: «Несмотря на вашу квалификацию и способности, вас не назначат начальником потому, что вы женщина».

Иные адвокаты капиталистического общества пытаются оправдать такое положение тем, будто роль женщины на производстве второстепенна, эпизодич-

на, ее зарплата — лишь «дополнение» к семейному бюджету. Но какое же это «дополнение» для 3 200 тысяч работающих незамужних француженок, разведенных женщин и вдов!

Особенно сильно страдают женщины от безработицы. Пенсионный возраст для них установлен в 60 лет при условии определенного стажа работы и постоянных взносов в кассу социального страхования, а 40-летний работник уже считается «на закате», от него стараются под любым предлогом избавиться. По сообщению Национального института статистики и экономических исследований, из 800 тысяч безработных 64 процента — женщины.

Научно-техническая революция в условиях капитализма ведет не к повышению доходов и облегчению работы трудящихся, а к сокращению рабочих мест и увеличению безработицы.

К 1985 г. во Франции предусмотрено ликвидировать таким образом 135 тысяч рабочих мест в производстве готового платья, упразднить 170 тысяч мест в текстильной промышленности, то есть там, где большинство рабочих — женщины. В связи с автоматизацией службы связи лишатся работы 25 тысяч телефонисток, почтовых работниц.

Потому-то в острых социальных сражениях с капиталом французские работницы действуют все активнее. На фирме «Ля Редут» (здесь 80 процентов работниц — девушки от 16 до 25 лет) хозяева за четыре года в шесть раз увеличили свои прибыли. Взрыв был неизбежен. Однажды утром через проходные фирмы на работу не прошел ни один человек. Забастовка. Не сразу девушки пришли к этому решению. Раньше здесь никогда не бастовали. Но родилась и окрепла профсоюзная организация. Появилась первичная организация компартии. Активистки Союза девушек Франции не-

мало поработали, чтобы выросла сознательность работниц, понимание ими своих прав и возможностей. В результате организованного выступления зарплата была повышена. Работницы поняли, что сообща можно заставить хозяев пойти на уступки. И когда дирекция фирмы, стремясь наверстать упущенное, в первый же день возобновления работы попыталась увеличить скорость движения конвейеров, эта попытка была тут же сорвана.

С каждым годом возрастает роль женщин в национальной жизни Франции. Все более видное место занимают прогрессивные женские организации — Союз девушек Франции, Союз французских женщин. В рядах Компартии Франции около 30 процентов женщин. Каждая пятая из них занимает руководящий пост, и это лучшее свидетельство доверия партии к женским кадрам. Многие француженки именно в компартии видят своего лучшего защитника. Парламентская группа французских коммунистов разработала и внесла более двух десятков законопроектов, призванных защитить права работающих француженок. Среди них законопроекты о действительном применении закона, предусматривающего равную плату за равный труд, о финансировании строительства и работы яслей. Однако правящее буржуазное большинство отказывается даже обсуждать предложения коммунистов в Национальном собрании.

Борьба продолжается, и новым свидетельством ее стало выдвижение французскими коммунистами Программы демократического правительства народного единства. В ней указывается, что «демократическое правительство создаст условия для продвижения женщин по работе или службе, будет способствовать участию женщин в экономической, социальной, культурной и политической жизни страны».

Программа предусматривает сокращение рабочего времени и предоставление двух выходных дней в неделю, расширение сети предприятий бытового обслуживания и сети детских учреждений, а также специальные меры, касающиеся работающих женщин: увеличение отпуска по беременности при сохранении заработной платы, предоставление оплачиваемого отпуска по уходу за больным ребенком.

Программа одобрена миллионами француженок, всем трудовым населением страны. Лучшим тому свидетельством является 13 миллионов голосов, поданных на президентских выборах за Ф. Миттерана, кандидата левых сил. Никогда еще союз рабочих, демократических и национальных сил не добивался результатов такого масштаба и такого политического значения. Французская компартия, говорилось в заявлении Политбюро ФКП по поводу результатов выборов, будет и впредь продолжать в атмосфере доверия и роста своих сил упорную борьбу в защиту интересов трудящихся и народных масс, за политические перемены, позволяющие осуществить коренные реформы, которые способны вывести страну из состояния кризиса.

Ю. ПОЛЯКОВ

«Мы хотим работать!» С таким лозунгом вышли жители департамента Па-де-Кале (Франция) на массовую демонстрацию.

К 30-летию освобождения Белоруссии от немецко- фашистских захватчиков

В ШЕСТНАДЦАТЬ ДЕВЧОНОЧЬИХ ЛЕТ

— Стой! Куда идешь?!— крикнул немец, увидев нищенку, вынырнувшую из темноты.— Ты кто есть?— спросил он, рассматривая ее удостоверение.

Клаве Шинкевич можно было дать лет тринадцать, хотя в ту осень 41-го года ей исполнилось шестнадцать. Она выглядела жалкой. Большие впалые глаза на худом лице смотрели просительно. Немец, брезгливо поморщившись, швырнул ей помятую бумажку.

— Быстро отсюда!

Девочка поспешно подняла удостоверение. Октябрь на Витебщине стоял холодный, и Клава мерзла в большом, не по росту кожанке и разбитых отцовских сапогах.

Первое большое, удачно проведенное дело воодушевило юную партизанку. Когда в Браславе пылал склад горючего, Клава видела зарево за много километров. Теперь предстояло взорвать военный телеграф в Глубоком. Объект охраняли эсэсовцы: прямая связь с Берлином. Несколько раз партизаны, переодетшись в форму полицейских, пытались туда проникнуть. Не удавалось. Начальник разведки партизанской бригады «За Родину» Ким Евсеевич Антипенко познакомил Клаву с новым планом операции.

— А теперь покажись, какая ты будешь?— попросил Клаву Антипенко.

Она надела свое единственное платье в цветочках. Туфли-лодочки. На шее бусы «под жемчуг»— старенький дешевый туалет деревенской девушки, старающейся походить на городскую.

— Ну и ну! Да ты невеста уже!

...В доме Коли Бресского, участника той же диверсионной группы, была вечеринка. Справляли его «день рождения». Собрались приятели, несколько девушек, два немецких офицера и телеграфист. Телеграфист, бледнолицый, с вытянутым носом и светлыми глазами, обхаживал соседку. Клава была оживлена, но старалась не выходить за рамки того естественного поведения, которое предназначалось ей, как двоюродной сестре Коли.

— Оставайся на денек-другой,— упрашивал ее телеграфист.— Погуляем, с отцом познакомлю. Он видный здесь, немцы его уважают.

— А вдруг отцу твоему не понравлюсь?

— Что ты! Он только и думает, как бы женить меня. Немцы и земли дадут больше. Свое поместье будет, как у отца до Советов было. Вечером приходи ко мне на телеграф, там никого не будет. Приходи, а?

Поломавшись еще немного, Клава приняла предложение. Они вышли из-за стола потанцевать. Клава, положив голову на его плечо, что-то мурлыкала под медленное танго. «Вот гад,— думала она,— надо же, с Колькой в одном классе учился! А теперь мечтает выслужиться, помещиком стать».

— Никуда я отсюда не уеду,— сказала она телеграфисту.— Буду с тобой. С первого взгляда понравился.

К «свиданию» Клава готовилась тщательно. Финский нож надежно запрятала за голенище. Мину с часовым механизмом привязала к ноге, выше колена. Уже вечерело, когда они подходили к телеграфу.

Клавдия Аполлинарьевна Шинкевич-Ермолаева.

— Пройдем через подвал,— сказал телеграфист.— Там есть люк с выходом на второй этаж.

Кабина — небольшая комната с окном на улицу. Он сел у аппарата, а ее посадил на табуретку возле себя. Пока он рассказывал, как работает, она искала взглядом, куда установить мину. Потом стала думать, как проводить ухажера. Заметила на подоконнике пустой графин.

— Сходи за водой...

Залпом выпив стакан, она немного пришла в себя.

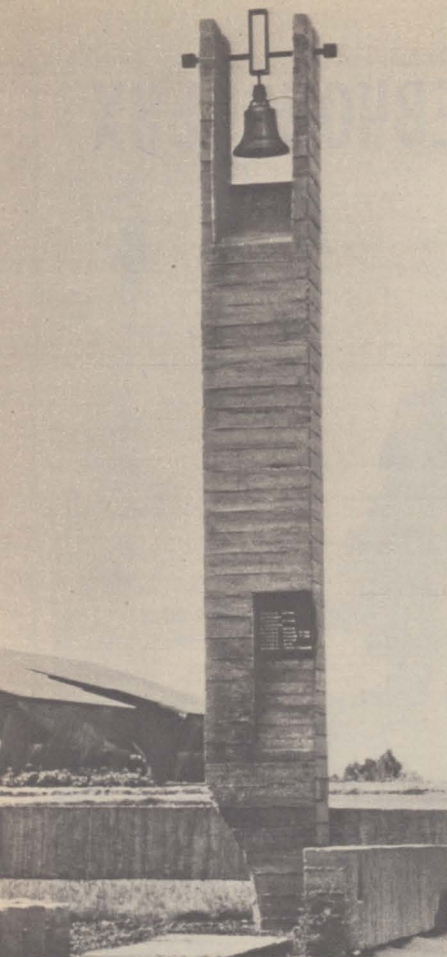
— Чего ты такая бледная?— испуганно спросил телеграфист.

— Душно. Устала, видно. Проводи меня и скорее возвращайся обратно. А то влетит тебе от немцев.

...Она была уже в километре от места свидания, когда вздрогнула земля. Телеграф пылал.

«Почерк» разведчика-диверсанта был известен фашистам, но напасть на его след они не могли. По делам своим диверсант представлялся фигурой значительной, и гестаповцы не допускали мысли, что им может быть девочка-подросток. Узнали, правда, что есть у диверсанта кличка «Стрелка»...

Шинкевич получила очередное задание: найти связного в Браславе и разведать обстановку в городе. Сначала все шло гладко. Но вот мимо прошли два полицейских. Она их видела раньше и хорошо запомнила лица. У одного на щеке крупная сизая бородавка. Он уставился на Клаву, шагнул, схватил за рукав.

Хатынь. Памятник скорби и гнева.

В полиции ее били смертным боем: «Сознавайся, ты партизанка?!» Когда начальник полиции Козырь пришел на помощь своим исполнителям, Клава лежала полумертвая, потеряв сознание. Всмотриваясь в лицо девочки, Козырь не мог предположить, что она та самая партизанская разведчица, которую ищет гестапо: «Занимаемся избиванием младенцев вместо того, чтобы по-настоящему искать преступника!» От этой мысли он пришел в ярость.

— Как фамилия девчонки?

Полицаи развели руками.

— Идиоты! — вопил Козырь, тупым носком сапога ткнул в тело арестованной. — Выкинуть! Она мертва!

Шинкевич выбросили на пустырь, на кучу мусора. Ночью она пришла в сознание и поползла.

Подобрала ее какая-то женщина, привела домой, обмыла и перевязала раны, накормила. Утром, когда хозяйка ушла, Клава оделась. День был базарный, и она пошла на рынок. Из города выехала на чьей-то подводе и к ночи была в штабе партизанской бригады.

А вскоре Антипенко давал ей новое задание — доставить медикаменты в аптеке вражеского гарнизона, где работала подпольщица Нина. Опять она нищенка, да еще болящая чесоткой. Часовой, которому Клава протянула было бумажку, шархнулся в сторону: «К черту!» Клава знала: как чумы, бояться немцы чесоточных. Иначе ничем бы и не пройти этот пост. Вскоре она вернулась в штаб, снабдив бригаду нужным количеством лекарств и перевязочного материала.

...В местечке Слободка, что в восьми километрах от Браслава, на секретное совещание должно было съехаться большое фашистское начальство. Задача Клавы — устроиться в комендатуру и подготовить ее взрыв, когда там соберутся участники со-

вещания. Направляясь в дом связного, она неожиданно натолкнулась на... Козыря. Изумленный взгляд полицая впился в нее: «Выжила!» Он надел на нее наручники и повел теперь уже в гестапо.

Когда Клаву ввели в кабинет начальника контрразведки полковника СС Мюллера, он попытался подкупить Шинкевич. Вынул из сейфа груды награбленных золотых вещей, обещал отдать ей, если она признается во всем и расскажет, с кем связана. Но Клава упорно твердила, что о Стрелке впервые слышит.

Ее пытали с изощренностью садистов. Пытали шесть суток. Перерывы Мюллер делал лишь для того, чтобы разведчица могла прийти в себя. И всего лишь два вопроса: «Кто такая Стрелка?», «Где эта Стрелка?»

На шестой день ее, бесчувственную, поволокли в камеру. Прошла ночь. Утром не беспокоили. В середине дня загремели заставы, отворилась дверь. Поняла: ведут на расстрел.

Она шла с двумя незнакомыми парнями, тоже в кровоподтеках, в изорванной одежде. Конвоиры — несколько автоматчиков, офицер. Привели на окраину Слободки. «Вот и конец. Знают ли наши, что сорвалось задание?» — мелькнуло в голове.

Их остановили около ямы. Приказали подойти к самому краю. Конвоиры еще не успели выстроиться в шеренгу, как внезапно грянули выстрелы, а до слуха донеслось: «Ребята, прыгайте в яму!»

Оказывается, в отряде узнали день и час расстрела и подготовили засаду.

Учитель Антон Филиппович Борисенко и его жена, Анна Васильевна, долго выжидали Клаву. Ее увезли партизаны из хутора, когда по доносу предателя в дом учителя нагрянули немцы и забрали его и жену за укрытие партизанки.

Едва зажили раны, Шинкевич снова вста-

ла в строй бойцов диверсионной группы. Восемь взорванных железнодорожных эшелонов, семнадцать мостов, три завода — в этих операциях есть и ее доля. Она выследила полицая с сизой бородавкой на щеке. Тот получил повышение и доставлял важные документы в штаб немецких гарнизонов. Клаву интересовало содержимое его планшета. Она подкараулила предателя у дома его любовницы. Когда полицай вышел на крыльцо, вонзила финку ему в спину. Документы, доставленные ею, уточнили обстановку в районе и раскрыли намерения карателей против партизан.

Однажды Клава возвращалась в штаб бригады с добытыми сведениями о вражеском гарнизоне. Прошла полпути и услышала цоканье копыт. Оглянулась — вдали два всадника. Притаилась в густом кустарнике.

Полицаи ехали не спеша, разговаривали. Один высокий, плотный... Учащенно забило сердце, пистолет дрогнул в руке: «Козырь!»

— Стой! — громко крикнула она из засады. — Бросай оружие! Отряд, без команды не стрелять! — Первый огрел коня плетью, пригнулся к седлу и пустился наутек. Но Клава держала его на мушке. Он рухнул на землю после первого же выстрела.

— Бросай оружие, — повторила она другому. К кустам полетел пояс с пистолетом. — Слезай с лошади, руки вверх! — Стрелка вышла из-за кустов. — Узнал? — Лицо полицая стало белым, на лбу выступил пот. Его рука потянулась к карману. Но грянул выстрел.

* * *

Клавдия Аполлинарьевна и сейчас кажется много моложе своих лет. Трудно поверить, что у нее два взрослых сына. Оба — офицеры Советской Армии. Над письменным столом младшего, Саши, висят две ее фотографии: 41-го года и сегодняшнего дня. Первая отмечена жестокой печатью войны.

Член научно-методического совета по пропаганде военных знаний при правлении Всесоюзного общества «Знание», лектор-пропагандист, Клавдия Аполлинарьевна Шинкевич (Ермолаева) ездит по стране с рассказами о героизме советской молодежи, сражавшейся в тылу врага в годы Великой Отечественной войны.

У нее большая почта. Пишут школьники, молодые рабочие и колхозники, ветераны труда и минувших боев.

«Дорогая Клавдия Аполлинарьевна, — пишет руководитель клуба «Родина моя» М. М. Гринзайд из Кишинева. — Почти год прошел с тех пор, как вы у нас были. А все помнятся слова о днях битвы нашего народа с фашистскими оккупантами. В каникулы мы планируем посетить Минск, Брест, Хатынь. И ваши рассказы о мужественной борьбе молодых патриотов на белорусской земле дадут нам возможность полнее почувствовать и представить то героическое время.»

«Очень хочется видеть вас, дорогая Клавдия Аполлинарьевна, в нашем молодом городе Волгодонске на берегу Цимлянского моря, — пишет завуч средней школы № 7 Л. П. Емельянова. — Вы столько принесете радости детям, пользы нам, учителям и всем взрослым.»

Пропагандистская деятельность К. А. Шинкевич отмечена Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны, Почетным знаком ЦК ВЛКСМ. Совсем недавно ей была вручена медаль имени М. В. Ломоносова за успешную работу среди советских и иностранных студентов МГУ.

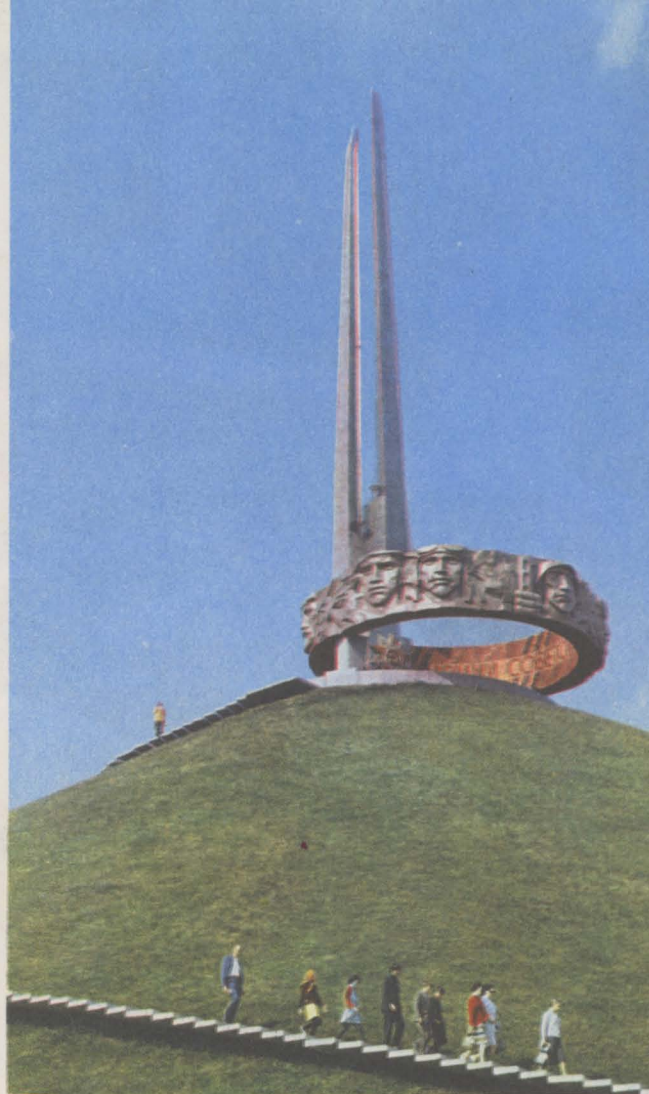
Г. БАКШЕЕВА

Таким был Минск в день освобождения.

Фото Н. МАТОРИНА.

- Ленинский проспект сегодня.
- Курган славы.
- На площади Якуба Коласа.
- Новое кафе.

ГОРОД- ГЕРОЙ МИНСК.

Герой Социалистического Труда Г. П. МЯГКОВА.

ПРИЧАСТНОСТЬ

О ТОВАРИЩАХ И О СЕБЕ

На вопросы «Работницы» отвечает Герой Социалистического Труда, электросварщица Минского ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции тракторного завода Галина Павловна МЯГКОВА.

— Чем запомнилась вам первая встреча с вашей профессией и что бы вы хотели рассказать о ней сейчас?

— В этом году у меня двойной юбилей: двадцать лет назад пришла я на Минский тракторный и вот уже десять лет работаю электросварщицей. А за первые десять лет на заводе в моей трудовой книжке полдесятка записей о перемене работы. Была сверловщицей, фрезеровщицей, расточницей... Меняла профессии во все не потому, что искала, где полегче, просто так было нужно производству. Правда, и характер у меня такой — люблю новое дело осваивать. Не хвастаясь, скажу, что мне как-то удивительно легко давалась любая работа станочника. Начальство цеховое быстро это учло и, чуть где узкое место намечалось, меня туда: «Ты же понимаешь, Мягкова, надо». Но однажды я сама попросила начальство о переводе. Это когда услышала, что на участке сварки не хватает людей. Меня отговаривали и даже пугали: «Не женская это работа». Действительно, женщин среди электросварщиков не было, но там работал мой муж, и я частенько забегала к нему. Нравились мне смотреть, как из нескольких кусков металла рождается единая деталь.

— Что тут удивительного? — отмахивался мой Григорий. — Проще простого, как будто карандашиком рисуешь.

Он надеялся таким ответом остудить мой интерес, а получилось наоборот — только разжег его. Сварщик мне действительно стал казаться художником...

Начальство мое не выдержало осады, дало «добро», а мужа уговорить оказалось труднее, Гриша, наверное, целую неделю со мной не разговаривал ни дома, ни на работе. А я в первые дни приду в свою кабинку и плачу потихоньку. Обидно: и с мужем поссорилась, и с новой работой, как нарочно, ничего не получается. Включу аппарат, начну варить — и проволока электрода намертво прикипает к детали, капли расплавленного металла рассыпаются и тут же застывают. Хватаю зубило и бью, бью. «Как будто карандашиком рисуешь». От обиды да со злости часто по рукам попадала. Но злость и помогала. Возьму ушибленный палец в рот и думаю: «Быть такого не может, чтобы не вышло. Научусь».

Сейчас, рассказывая молодежи о своей профессии, в которой для меня, кажется, не осталось секретов, я все же не говорю, что она проще простого, — сложная это работа. Сложная, но интересная. И есть в ней что-то от искусства, потому что варишь, «как будто карандашиком рисуешь». Да, пришло и ко мне это ощущение. Два года назад мне присвоили звание «Отличник качества». Звание это не вечное, его надо подтверждать ежегодно и подтверждать, естественно, работой.

— Кто ваш учитель и есть ли у вас ученики?

— Когда я только постигала азы электросварки, участок наш был в большом прорыве, план «горел», поэтому и постоянного наставника мне не дали. Но помогли многие. Больше всех я обязана тогдашнему мастеру, а ныне начальнику нашей смены Илье Исааковичу Эльперину и своему мужу Григорию Ивановичу Мягкову.

— Что ты палец сосешь, проголодалась? — спрашивает мастер.

— Ошиблась немножко, — прячу я за спину руку с разбитым пальцем.

— От спешки все. Не торопись. Работа наша такая — суеты не любит. — И как ни был занят мастер, а иногда полсмены в моей кабинке проводил, показывал, как аппарат настроить, как лучше ту или иную деталь варить, как электрод вести...

Потом и муж, зная мой характер, понял, что не отступлю, и сдался. Зашел однажды ко мне, будто за ключом, посмотрел, посмотрел и говорит: «Мне тут некогда возле тебя рассиживаться, переходи ко мне, вприглядку быстрее научишься».

Официально ученический период тогда три месяца длился, а я уже через три недели выполняла норму.

Учеников у меня на заводе немало — сверловщики, фрезеровщики, расточники. Только на контактной сварке сейчас пять моих воспитанников работает. А сколько электросварщиков, и сказать трудно. Существует при нашем заводе профессионально-техническое училище, не раз я вела там занятия с будущими сварщиками.

Мой последний ученик Леонид Леодолько служит сейчас в армии, но собирается возвратиться на родной завод. Сварщик он, что называется, «от бога», а ведь поначалу я его даже в ученики брать боялась. Парень он был, как принято говорить, «трудный». Только ради матери, которая на нашем же заводе работает, и согласилась учить Леню сварочному делу. А потом присмотрелась к нему и вижу: парень он хороший, трудолюбивый, только слишком много на нем шелухи разной да ржавчины. Вот и приходилось человека из него лепить. И ведь не один он такой был.

Растут у меня трое детей, и к слову «мама» я, конечно, привыкла, а получила недавно письмо от одного своего «трудного» ученика, прочитала «вы мне, как мама» и, поверьте, расплакалась.

— С кем вы соревнуетесь и как! Какие у вас обязательства? Как помогает соревнование росту вашему и тех, с кем вы соревнуетесь?

— Мы работаем с мужем в разные смены: специально так договорились, чтобы кто-то из нас постоянно был с детьми. А кабинки наши рядом. Хотела я его вызвать на соревнование, да он отказался: «Опоздала ты, я уже договор со сменщиком подписал». Тогда я вызвала на соревнование своего сменщика Владимира Лавренюка. А через несколько дней другой сварщик, Ана-

толий Федорович, предложил мне подписать совместный договор.

Я часто подхожу к рабочему месту Толи Федоровича. Кажется, совсем недавно пришел он в наш цех, а поучиться у него есть чему. Движения экономные, рассчитанные, ни одного лишнего.мотришь и любишься — настоящей виртуоз. Недаром его на участке «жонглером» прозвали. И хожу я на участок Анатолия не только затем, чтобы полюбоваться, но чтобы поучиться расчету движений, их экономии. Надеюсь, и Анатолий может кое-что перенять у меня, у других опытных рабочих. Недаром же он иногда появляется в моей кабинке.

Главный пункт обязательств сварщиков — качество работы.

В этом году я обязалась сдавать продукцию только отличного качества и с первого предъявления, сэкономить на триста рублей сварочной проволоки, углекислоты, электроэнергии, повысить производительность труда на восемь процентов по сравнению с шестью плановыми и, главное, завершить свою личную пятилетку. Примерно такие же обязательства приняли все мои товарищи по участку.

Где бы я ни увидела «Беларусь» — на заводском дворе или на колхозном поле, радуюсь: наш он, мой! Поэтому и присвоение государственного Знака качества нашему трактору я поняла как награду за свой труд и за труд моих товарищей.

— Какие трудности встречаются в вашей работе? Что, по вашему мнению, мешает другим рабочим на вашем предприятии добиться таких же успехов?

— Что-то я не припомню ни одного случая, чтобы по вине нашего участка хотя бы на минуту остановился главный конвейер завода. А вот нам простаивать приходится. И даже если не стоишь, все равно много времени зря пропадает: иногда детали на сварку поступают несвоевременно, и сварщики вынуждены идти в другие цеха подталкивать, выбивать себе работу. Пусть не часто такое бывает, но каждый подобный случай должен рассматриваться как чрезвычайное происшествие. Плохая организация труда расхолаживает людей, а порой и развращает их, дает повод к нарушениям технологической и трудовой дисциплины.

На нашем участке свыше сорока сварщиков, все вместе мы изготавливаем около шестидесяти узлов и подузлов трактора. Мои основные детали — опора и рессора переднего крыла. Когда изо дня в день варишь одну и ту же деталь, можешь приспособиться, добиться в какой-то момент наивысшей производительности труда. Но однообразная, словно на конвейере, работа в конце концов приедается, и тогда производительность труда падает. Поэтому на участке стремятся разнообразить работу сварщиков, а это, в свою очередь, дает возможность при необходимости в любой момент заменить заболевшего или ушедшего в отпуск товарища.

Итоги социалистического соревнования у нас подводятся ежемесячно. Не всегда мне достается место среди первых — классных сварщиков у нас много. Есть, конечно, и молодые ребята, неопытные, им-то и стремимся мы передать свои знания, свое мастерство, свое отношение к труду. И не случайно большинство рабочих нашего участка, в том числе и молодые, взяли обязательство выполнить пятилетку в четыре года. А рабоче слово твердое, раз пообещали — выполним.

Записал А. БАРАНОВ.

Фото Н. МАТОРИНА.

а деревянных мосточках маленький мальчик и толстая собака стоят тесно рядом, не шевелясь, и озабоченно следят за тем, как среди играющих по воде солнечных всплесков на середине реки плывет, перевортывается на спину и ныряет мама мальчика.

Мальчик еще совсем маленький — в это жизни это второе лето с того дня, когда он овладел искусством вполне свободно ходить, поворачиваться в любую сторону и даже бегать, семеня короткими, пухлыми ножками. Подстрижен он под домашнему, мамиными ножницами — челкой, ровно настолько, чтоб соломенные волосы не падали на глаза. Точно так же подравнивают на лбу челку всем малышам: мальчикам, девочкам и маленьким лошадам-пони.

Мама издала помахала сыну, высоко подняв над водой тонкую загорелую руку, и, повернув к берегу, подплыла, ухватилась рукой за мокрые перильца лесенки, ступила в воде на нижние, пухлые и скользкие от зеленых водорослей ступеньки и легко выбралась на мостки.

Собака, толстая, длинная и приземистая, убедившись, что все обошлось благополучно, приветливо, но флегматично замахала хвостом, раза два переступила с одной короткой лапы на другую и невнятно буркнула, что при ее толщине и лени означало радостное повизгивание и подпрыгивание.

Мама схватила со спинки скамейки широкое мохнатое полотенце, промокнула им, пошлепывая ладонями, мокрое тело и, накинув полотенце на плечи, завязала узлом на груди.

Мальш ухватил ее за руку, и они все вместе побежали по длинным мосткам на берег, на «ничейный» зеленый лужок, окруженный густыми деревьями, за которыми едва видны крыши рыбацких домиков. Там сейчас же, как всегда у них, начинается игра в мяч.

Мальш еще плохо умеет играть, ноги его слушаются, но медленно, да и внимание то и дело отвлекается, так что играет больше мама. После купания ей неудержимо хочется бегать, она часто нарочно поддает мяч на другой конец лужайки и мчится за ним вдогонку, быстро мелькая легкими голыми ногами, смуглыми от загара. Полотенце развеивается за ней на лету, как короткий плащ. Она пригоняет мяч обратно, медленно подкатывает его малышу, тот заранее готовится, далеко замахивается, брыкает и не попадает, бежит и пинает снова...

— Она похожа, — вдумчиво выбирая слова, медленно произносит гость. — Такие бывают мальчишки-пажи... Всегда вот такие: короткий плащ. Ножки у них в трико. Правильно?

Хозяйка всматривается еще, проверяя его слова, и соглашается:

— Пожалуй, да!.. Правда... «Двенадцатая ночь, или что угодно»? — Хозяйка всматривается еще и соглашается уверенно: — Пажики? И локоны по плечам. Правда, она сейчас похожа.

Они сидят за круглым столиком на веранде второго этажа, откуда хорошо видна «ничейная» лужайка. От лужайки, через заросли прибрежных кустов, спускаются к воде короткие тропинки к мосточкам с причаленными разноцветными лодками.

Изредка, невидимая за зеленью листвы, проносится моторка с нарастающим гудением, точно обозленный шмель. Слышно, как поднятые ею мелкие волны торопливо шлепают снизу о доски мостков. Верхушка мачты маленькой яхты у причала беспокойно начинает чертить по синему небесному полю кончиком своего желтого карандаша.

Мальш на лужке, удачно брыкнув ногой, попал по мячу и захохотал от радости.

За деревьями на реке косые белые паруса яхт скользят неслышно, как облака.

— Утро сегодня какое-то детское? Похоже, как будто все взрослые ушли и вот оставили все это... им играть, правда?

— Может быть... Может быть, так и есть? — неуверенно, в уме прикидывая ее слова и так и эдак, кивает гость.

Хозяйка со странной, несмелой полуулыбкой опять внимательно разглядывает его лицо, чуть искоса следит, как он аккуратно закуривает.

— Кто бы мог это подумать?

Вывув изо рта сигарету, он, помолчав, точно проверив ее слова, наклонив голову, подтверждает:

— Да, кто бы мог подумать... тогда?

...Ко всему, оказывается, может привыкнуть человек, разве кроме самой смерти. А к постоянному страху ее привыкнуть можно. Утром идешь, покачивая пустыми ведрами, за водой к роднику, на полдороге от дома к опушке леса, потому что колонки далеко, ближе к центру городка, и вода там красноватая, железистая, а в роднике чистая; и вот идешь, а навстречу тебе шагают двое патрульных солдат с автоматами или полицаи. Они на тебя смотрят, а ты стараешься не глядеть и не отворачиваться

«ЛЮДИГ»

Ф. КНОРРЕ

Рассказ

Рисунок О. ВУКОЛОВА.

стараешься, а сама думаешь: а вдруг к ручью с ведрами уже нельзя? А может быть, где-нибудь на площади вывешен новый приказ комендатуры, и вот сию минуту приподнимется ствол вот именно этого автомата, и в тебя вот сейчас ударит пуля, и всей холодеющей кожей лица, груди, живота ждешь, предчувствуешь, угадываешь, куда она ударит.

Покачивая ведрами, ступаешь, как во сне, чужими ногами идешь, проходишь, и теперь холодеет спина в ожидании — беззащитная спина.

Но вот оказывается, сегодня к ручью ходить еще можно, и у тебя медленно теплеет кожа, ты замечаешь, что вдруг тебя отпустило, ты вздохнула, стала опять дышать.

И с полными ведрами возвращаешься в дом и думаешь: значит, не сегодня; доживем до ночи, может быть, и ночь проживем

до завтра, а завтра ты опять проходишь мимо автоматов и на улице встречаешься с людьми, которые еле волочат тяжелые ноги в разбитых, рваных сапогах, окруженные сытыми конвоирами все с теми же автоматами навзготовку. Они проходят через городок по главной улице и медленно уходят за поворот шоссе, куда-то за пригорок, мимо палисадников, где шумят, суетятся скворцы. И собаки не лают на проходящую колонну, потому что дети, хватая их в охапку, тащат и прячут в комнатах или женщины увлакивают за шиворот, чтоб не залаяли и их не пристрелили, а на вымершей улице прохожие не смеют обернуться, и сквозь щели занавесок чьи-то глаза жадно смотрят, надеясь и ужасаясь узнать кого-нибудь своего.

Живешь только надеждой. Надеждой пережить день и ночь, дожить до утра. Прожила неделю — опять надежда протянуть еще неделю, месяц до весны, дотянуть до лета, а летом надежда, что наконец все изменится, ход войны, уже сломавшейся под Сталинградом, сломится еще раз, уже совсем, и может, ты сама до этого доживешь.

Дом двухэтажный, на отшибе, с краю старого городка. От каменного крыльца из прихожей — лестница вверх, делит его на две неравные части — комнаты с угловыми окнами, балконом, приличной мебелью и кухня с комнатой для прислуги, со своим черным выходом на задний двор.

Кто были хозяева, куда они девались, бежали, убиты, в лагерь загнаны? Никто не знает. В их креслах сидят немецкие солдаты, растопырив ноги в сапогах, курят, дымят, роняя пепел на коврики. Это немолодые солдаты — не те молодцы с засученными рукавами первых месяцев войны; это те, кому посчастливилось попасть временно в войска охраны, в гарнизоны оккупированной Прибалтики, в тихий район.

Почти все уже немолоды, многие прошли не один раз через госпитали, глаза их повидали такое, после чего они стали старше на двадцать лет, чем были в сорок первом году.

Но и в эти дни, полные предчувствия надвигающейся безнадёжности, общего проигрыша всего, усталости, они службу несут исправно.

Медленно нарастает в них тягостная тревога и страх будущего, но этот еще они могут терпеть. Это дальний, долгий страх. А ближний страх — тот, как рубашка, ближе к телу, — страх угодить из тихого прибалтийского городишки прямо на кипящую, огненную кромку переднего края. Вот они и стараются не проштрафиться сегодня, а только пьют: шнапс, самогон, пиво — сколько только можно достать.

Марии казались все они на одно лицо. Теперь они как будто становятся разными.

Собачонка, уличная, ничья, которой почмокал солдат, подбежала, поднялась на дыбки, заскребла передними лапами по солдатской штанине, выгибая спину, терлась носом, когда он ее поглаживал. Наверное, думала: «Вот нашла себе хозяина, не отойду ни на шаг, будем с ним жить», — и, замирая от восторга, прильнув мордой, нежилась, потягивалась, и солдат улыбался, гладил ее, приговаривая: «Ты глупый парень...»

А через несколько дней другой какой-то солдат почему-то вдруг эту собачонку пристрелил.

Первый солдат долго ходил, посвистывая, звал, искал и нашел: на дне мокрой канавы валялась тряпочка сбившейся рыже-белой шкурки — остывший, облезлый, грязный комочек горячего восторга и преданности.

Мария приставлена была мыть лестницы и сортиры в комендатуре, а к вечеру мыла ступени и паперти церкви.

Каждый день, уходя на работу, Мария шептала своей четырехлетней Маньке:

— Сиди, играй на кухне, на постели играй, на крылечке, на задний двор выйди, а к ихнему крыльцу и близко не подходи. Поняла? К проклятым фрицам не подходи. Ты лучше дурочкой притворись, не отвечай, если станут заговаривать. Поняла?

— Сама знаю, проклятые фрицы!

— Да ты им так-то в глаза не скажи!

— Нет, я скажу: гут морген, шпрехен зи дейч.

Мария уходила на весь день, а Манька оставалась одна. Дверь из кухни, где они с матерью жили, на парадную лестницу во второй этаж и жилые комнаты первого была заколочена наглухо. Ей только слышен был топот ног солдат, ходивших по их непонятным и страшноватым делам, хлопанье дверей.

Она изо всех сил старалась усидеть на кровати, задвинутой за холодную плиту. Потом старалась как можно дольше сидеть, глядя в окошко.

Солнце блестело в лужах. Комок серебряной бумажки кувыркался, катился и застрял в кустике травы. Щеку сквозь стекло пригревало солнце, на огорожке в черной земле какие-то зеленые росточки высунулись, их вчера не было. Ветер шевелил ветви, по лужам побежали морщинки, и прошлогодний лист поплыл на тот берег лужи, задрав сверху сухой хвостик, сел на мель. Нет, доплыл...

Манька, не выдержав, вылезла на крыльцо.

Долго стояла, прежде чем спуститься на одну ступеньку, потом еще на две, но зато не выпуская из руки перил. Пока за них держишься, ты «в доме», значит, это еще можно. И долго держалась. Опомнилась уже на середине двора, подбирая серебряную бумажку.

Немецкие солдаты привыкли к ней, как к дворовой кошке. Проходили мимо, не замечая. Сначала ее окликали по-немецки, прищелкивали языком, подмигивали на ходу. Пробовали погладить даже или потрепать щечку. Она бессмысленно смотрела, разинув рот, не отвечала, пятилась.

— Как твое имя? — по-русски спрашивали. Она не отвечала, низко нагибала голову, молчала.

Однажды ей протянули конфету, она заплакала, повернулась и убежала.

Наконец все признали ее дурочкой и вовсе перестали обращать внимание.

Вечером она рассказывала все матери, и та целовала ее, хвалила: умница, так и надо, дурочкой лучше всего.

Притворялась ли она? Она сама не знала, и никто в точности не может этого знать. Пожалуй, она действительно становилась почти дурочкой с солдатами. Но, кроме того, она где-то твердо знала, что ей и надо быть дурочкой. И все это в ней так мешалось, что, проживи она так подольше, пожалуй, чего доброго, навсегда бы такой и осталась.

Но время было такое, что надолго вообще-то ничего не могло оставаться, не меняясь.

Мать работала весь день, а утром и вечером еще ходила за водой по тропинке, по открытому месту к роднику. Дома тут на окраине были редки, ихний был крайний, и луг с ручьем были все время на виду у солдат, поэтому, наверное, ей и не мешали ходить за чистой, нержавеющей водой. Ходила она по несколько раз, надо было налить большой солдатский умывальник и оставить ведро для питья. В роднике вода была чистая, вкусная — это солдатам нравилось.

Ополаскивая ведро, Мария выплескивала воду по-разному: в сторону дороги прямо перед собой, в сторону станции железной дороги направо или медленно сливала обратно. И те, кому надо, откуда-то издали, из лесу, это видели.

Что это обозначало, Мария сама не знала. Сегодня к дороге, налево, говорил ей мальчик Янка, шмыгая носом. Иногда она случайно замечала колонну грузовиков, уходившую вдоль шоссе. Иногда ничего не могла заметить.

Она выполняла все, понимала, для чего это, и все равно боялась. Засыпала в страхе, и ей снилось, что приводят избитого Янку, спрашивают ее, а Манька лепечет, рассказывает то, чего она сама даже не знает, и просыпалась в холодном поту... Нет... Еще не сегодня, еще ночь прошла, прожита, Манька спокойно спит, уткнувшись носом ей в плечо.

С каких-то пор Манька вдруг ожила, повеселела и попалась на лжи — изо рта пахло конфетой, а говорит: не брала.

Что-то стала от матери скрывать, но долго-то, конечно, не выдержала, мало-помалу проболталась, и Марии ясно сделалось: ею тут кто-то начал интересоваться, кто-то Маньку терпеливо спрашивает, подкупает конфетками, шутит с ней, играет и нет-нет про нее, про маму, невзначай спросит, с кем она дружит, куда заходит. И Манька сама не заметила, как среди шуточек, болтовни ему доверилась и теперь ждет не дождется, когда он к ней заглянет, этот ее приятель: долговязый, рыжий, немолодой немецкий солдат с глазами навывкат.

— Дурочка, ты молчи с ним, он же фриц, проклятый фриц!

— Я знаю. Я ему сама сказала.

Мария за голову схватилась:

— Что сказала?

— Ты проклятый фриц!

— Боже ты мой, что натворила!.. А он тебе что?

— А что ему?.. Так, смеется.

Это было уж совсем плохо: не разозлился, не ударил, не обругал. Смеется. Значит, свою какую-то цель имеет.

— На каких же языках вы с ним объясняетесь?

— Мы по-русски.

Еще хуже: по-русски! Конечно, такому-то и поручили.

— Значит, по-русски? Фашист этот? Умеет по-русски?

— Ой. Пло-о-о как!.. — насмешливо сморщила нос Манька.

Да мы же не все говорим-говорим!.. Мы песни поем. У него гармошка есть. С дырочками, в нее дуть надо... Вот так: блым-блым!..

Мария на все лады внушала, уговаривала, грозила, пугала, умоляла ни с кем не разговаривать, сторониться этого солдата пуще всех.

Манька слушала, как слушают дети про неинтересное: соглашалась, обещала и забывала.

Через несколько дней, обнимая мать перед сном, с торжеством похвасталась:

Наша информация

СОРОК
ЛЕТ
СПУСТЯ

О Ванде Эдмундовне Маркер журнал «Работница» уже рассказывал своим читателям сорок лет назад. В те годы она, молодой химик-лаборант фабрики «Трехгорная мануфактура», предложила новый способ крашения фланели. Тогда фамилия Ванды Маркер была занесена в Красную книгу изобретателей города Москвы.

Как же сложилась ее дальнейшая судьба?

Сегодня Ванда Эдмундовна Маркер — старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института крахмалопродуктов, автор 78 научных трудов, нескольких книг, брошюр. Ей принадлежат восемь ценных изобретений в области крахмало-паточного производства, четыре из них уже внедрены в производство. Одно только изобретение «Способ производства модифицированного крахма-

ла», внедренное на Климовском крахмальном заводе, дает экономии свыше миллиона рублей в год. Этот новый продукт позволяет заменить при производстве мороженого и кондитерских изделий дорогостоящий агар-агар, который добывается из морских водорослей.

Мороженое, приготовленное на новом крахмале, выдержало все испытания: структура его хорошая, а вкус даже лучше прежнего.

За большую изобретательскую деятельность Ванде Эдмундовне Маркер присвоено почетное звание «Заслуженный изобретатель РСФСР», а за успехи в восьмой пятилетке она награждена орденом Трудового Красного Знамени.

С. ЕМЕЛЬЯНОВ,
инструктор
Центрального
совета ВОИР

Фото Е. СУСУНИКАШВИЛИ.

Опыт — друзьям

Телевизионные передачи о Монголии с особым интересом ждут в семье Ламига Бариевна Мавриной. Не так давно она, работница Кукморской фабрики валяной обуви, в составе группы советских специалистов была направлена в МНР для обмена опытом.

Шесть месяцев находилась Ламига Бариевна в Монголии. Обучала монгольских рабочих всему, что сама знала, делилась секретами своей профессии валяль-

щика. А дело свое она знает и любит. В валяльном производстве нет такой операции, которую бы она не освоила.

За время работы в Монголии Ламига Бариевна помогла наладить технологический процесс в двух основных цехах фабрики. Когда работа была закончена, ей вручили Почетную грамоту Монгольской Народной Республики.

Ламига Бариевна вернулась домой, но монгольские друзья не забывают ее, пишут об успехах своих коллегивов, а она им — о своей фабрике. Писать ей есть о чем. Сейчас она работает старшим мастером ОТК. По итогам первого квартала Кукморская фабрика удостоена почетного звания «Предприятие высокой культуры производства».

Ламига Бариевна — депутат Верховного Совета Татарской АССР. Она гордится доверием товарищей, своей фабрикой, ее трудовыми победами.

Ш. МУСТАФИН

п. Кукмор,
Татарская АССР.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, МАМА!»

В одном из новых районов Москвы есть улица имени Героя Советского Союза Ивана Архиповича Докунина. С завода «Калибр» ушел на службу в Советскую Армию Иван Докунин. Он успешно окончил летное училище и в грозный час начала Отечественной войны одним из первых поднялся на своем самолете в небо, чтобы преградить путь вражеским бомбардировщикам.

Белорусский небольшой городок Лида... Здесь в 1943 году в неравном воздушном бою погиб капитан Иван Докунин. Обелиск, утопающий в цветах, хранит вечную память о герое минувшей войны.

На заводе «Калибр» за три десятилетия сменилось уже не одно поколение рабочих, но имя Ивана Докунина здесь помнят и чтут. Комсомольско-молодежная бригада токарей-расточников, которую возглавляет Владимир Федоров, два года называется Докунинской.

Пять молодых парней решили работать за шестерых, а деньги, полученные на имя Ивана Докунина, переводить в Фонд мира.

В квартире девятиэтажной башни по улице Докунина живет мать героя Ирина Семеновна. На стене висит большой портрет Ивана в форме военного летчика, написанный маслом.

Вот раздался звонок, и «ватага сыновей» (так теперь называет Ирина Семеновна бригаду) перевалила через порог. Матери — алые гвоздики и именной торт, горячие поздравления с 78-летием. Они сидят за столом, пьют ароматный чай и, словно самые близкие люди, доверительно говорят о делах житейских. Каждый праздник ребята навещают Ирину Семеновну Докунину, да и в будни нередко звучит по телефону голос Володи Федорова:

— Здравствуйте, мама!

А. ЕЛАНЧУК

Гости из Конго

По приглашению Комитета советских женщин в нашей стране находилась делегация Революционного союза конголезских женщин — Мари Пуатье, вице-председатель союза, Генриета Мпара, постоянный секретарь, и Ребекка Бабела, член руководства союза.

Посетив редакцию «Работницы», гости расспрашивали о работе журнала, проблемах, которые поднимаются на его страницах. Особенно заинтересовал их рассказ об участии женщин в общественном производстве, о той заботе, которой окружены в Советском государстве матери и дети.

Мари Пуатье объяснила: одна из главных задач, которую ставит перед собой Революционный союз, — привлечение конголезских женщин к общественному труду. И именно поэтому так ценен для них опыт Советской страны. Она рассказала

о том, какое внимание уделяет союз борьбе с неграмотностью, обучению женщин правилам санитарии и гигиены, навыкам ухода за детьми.

Свою работу союз ведет среди разных категорий женщин. Крестьянон обучают элементарным агрономическим правилам ведения сельского хозяйства («Очень важно для страны увеличить производство сельскохозяйственных продуктов»); женщинам, занятым мелкой торговлей, разъясняются преимущества объединения в кооперативы («Только в кооперативах женщины добьются подлинного равноправия»); девушкам рекомендуют заканчивать школу, получать профессию («Народной Республике Конго нужны кадры»).

На снимке (слева направо): Мари Пуатье, Генриета Мпара, Ребекка Бабела.

Хозяйка чума

По итогам работы за 1973 год Наталья Дмитриевна Воробьева заняла первое место среди работниц чумов в Паланском оленеводческом совхозе да и по всему Тигильскому району.

Что это за должность — работница чума? По просторам тундры кочуют оленеводы со стадами оленей в поисках лучших пастбищ. На новое место вместе с оленеводами передвигается и чум: меховая палатка в зимнее время и легкая — летом. Как важен этот дом для пастухов! Представьте себе, тундра, метель или беспрерывные дожди, половодье, чум — единственное место, где оленевод может обогреться, обсушиться, отдохнуть и вы-

спаться. Обо всем этом и заботится работница чума.

Труд ее нелегкий. В каждой оленеводческой бригаде у пастухов дневная и ночная смены, а работница в чуме одна. Наталья Дмитриевна должна встать в 4—5 утра, чтоб вовремя приготовить завтрак. Ей и лепешки приходится печь самой — хлеб в кочующую бригаду поступает редко. Об одежде и обуви оленеводов заботится тоже она. Все сама делает — от выделки оленьих шкур до шитья.

Довольны оленеводы хозяйкой чума: всегда в их доме порядок.

В прошлом, 1973 году бригада — ее возглавляет Анатолий Ивтагинович Иччев — на 97,5 процента сохранила взрослое поголовье оленей, стадо увеличилось на 750 голов молодняка. Все члены бригады, в том числе и Наталья Дмитриевна, получили премиальные от 1,5 до 2 тысяч рублей.

В. ЛЕТУНОВ,
начальник
Тигильской станции
по борьбе
с болезнями животных

Камчатская область.

ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ

Фотокорреспондент В. Капустин запечатлел на снимке гостей редакции: Илону Поч (слева) и Саммель Белане. Они приехали из Венгрии. Илона Поч — директор Центральной школы русского языка имени М. Горького в Будапеште, а Саммель Белане — инспектор.

Гости рассказали, что русскому языку в их школе обучаются люди самых разных профессий — рабочие и инженеры, врачи и учителя, школьники и гимназисты — всего 2 500 человек. Два-три раза в неделю, после рабочего дня, приходят они на занятия. Фонетика, морфология и синтаксис русского языка, разговорная речь, первое знакомство с подлинниками русской литера-

туры, чтение стихов, исполнение русских народных и советских песен, беседы по прочитанным статьям, очеркам из советских газет и журналов — все это входит в программу обучения. Курс рассчитан и на два и на три года. К концу срока слушатели участвуют в конкурсе: пишут сочинение или изложение, переводят тексты, отвечают на вопросы. Победители конкурса получают право на туристскую поездку в Советский Союз.

Школа имеет филиалы и в других городах Венгрии — в Сегеде, Мишкольце, Эгере и Солноке, где обучаются русскому языку еще 2 500 человек. Открыты курсы для тех, кто слабо владеет русской разговорной речью, для начинающих и для тех, кто преподает русский язык в школах и гимназиях.

— Интерес к русскому языку постоянно растет у нас в Венгрии, — говорит Илона Поч. — Ведь все теснее дружеские связи между нашими странами, нашими народами. Общество венгеро-советской дружбы сегодня объединяет сотни тысяч искренних друзей Советского Союза. Они хотят ближе познакомиться с советскими людьми, с вашей страной. Наша школа создана по инициативе Общества венгеро-советской дружбы и работает при нем.

З. ТИМОФЕЕВА

И СМЕШНО И ИНТЕРЕСНО

Представление открывает Варя. Уверенной медвежьей походкой выходит она на арену и выкатывает разноцветный дилижанс с замысловатым инвентарем. Дрессировщица Людмила Чугунова и ее брат Валерий быстро разбирают поклажу, и перед восхищенными зрителями Калининского цирка разворачивается медвежий аттракцион. Бурные медведи — акробаты, эквилибристы, танцоры, музыканты — охотно разыгрывают свои роли.

Два года назад в вольерах Калининского цирка появились медвежьи ясли. Будущие артисты весили тогда по 700—800 граммов, а сестра и брат Чугуновы были для них и воспитателями, и няньками, и врачами. Позже, когда медвежатам исполнилось по два-три месяца, Людмила и Валерий начали вводить в игру с малышами элементы дрессировки. Они старались, чтобы медвежата росли добродушными, незлобивыми и на всю жизнь сохранили привязанность к человеку.

Конечно, способности у четвероногих питомцев Чу-

гуновых разные. Дрессировщицы рассказывают, что одни «артисты» легко кувиркаются, зато не дается им баланс на бочке, другие ни за что не соглашаются лечь на спину, чтобы поиграть поленом...

Я спросил у Людмилы Чугуновой, почему среди артистов медвежьего аттракциона преобладают девичьи имена — Ева, Лиля, Тата, Настя, Машенька, Варя. По наблюдениям дрессировщицы, медведицы легче преодолевают «курс наук», они смелее, спокойнее, чем медведи-самцы, которые нередко бывают несговорчивы, сердиты, раздражительны.

Аттракцион молодых калининских артистов необычен. Людмила Чугунова не просто дрессировщица. Она поет, танцует, и танец и песня в ее исполнении органически входят в аттракцион. Родился новый, непохожий на другие цирковой номер, а в искусстве это всегда праздник.

Ал. ЛОНГИНОВ

Фото А. КОМАРОВА.

ПОД ПАРУСОМ

Второй день соревновались яхтсмены.

— 541-й финиширует! Впереди тетя Катя! — услышал я разговор болельщиков и удивился:

— Почему «тетя Катя»?

— Так ведь это старейшая яхтсменка города Екатеринбург Алексеевна Мамонова, — ответили мне.

Вскоре я познакомился с Екатериной Алексеевной. Тридцать пять лет занимается она парусным спортом. Еще с довоенного времени, когда работала чертежницей на заводе имени Масленикова. В войну четыре года служила красnofлотцем Черноморского флота. А после победы вернулась на родной завод. И снова — спорт. Шестьдесят три диплома, почетные грамоты. Тринадцатый год подряд Е. А. Мамонова была чемпионкой

РСФСР. Участвуя в «Поволжской регате», она, уже пенсионерка, опередила молодых и сильных мужчин.

Екатерина Алексеевна продолжает ходить под парусом. Рядом с ней молодые яхтсмены, которым она передает свой опыт, мастерство.

В. ГОМЕЛЬСКИЙ
г. Куйбышев.

Три плюс три

У 24-летней жительницы хутора Князево, Воронежской области, Зинаиды Беленовой 11 марта заметно пополнилась семья — родилось трое близнецов: Юрий, Александр, Евгений. Теперь у Беленовых шестеро детей: две дочери и четыре сына.

Коллектив Воронежского экскаваторного завода имени Коминтерна, где работает маляром отец детей, принял горячее участие в судьбе семьи. Пона мама лежала с малышами в роддоме, им предоставили благоустроен-

ную квартиру, обставили ее, помогли переехать на новое место жительства, приобрели приданое для новорожденных. Комиссия по связям с семьей и школой цехкома малярного цеха во главе с Раисой Григорьевной Шиловой взяла шефство над семьей Беленовых. Шефы — частые и желанные гости дома.

Малыши чувствуют себя прекрасно, хорошо развиваются.

Л. БРОХОВЕЦКАЯ

«...Уважаемый товарищ! Пензенский исполком горсовета приглашает Вас принять участие в семинаре технических секретарей предприятий, организаций и учреждений города...»

Такое приглашение получили 9 апреля нынешнего года все технические секретари города Пензы. Наверное, они перечитывали его взволнованно не раз... Почему перечитывали? Да потому, что сами часто печатали приглашения на семинары, совещания, а вот получать их не приходилось. Это был первый семинар технических секретарей. Цель его — профессиональная учеба, обмен опытом работы.

...Есть профессии звонкие, яркие. Такие профессии имеют даже свои праздничные дни, отмеченные в календаре. Про них девчата пишут в редакцию по веснам взволнованные письма: «Где выучиться?»

Но если мне не изменяет память, никогда не приходило письмо: «Я мечтаю стать техническим секретарем!»

Традиционно считается: секретарь — должность обыкновенная, второстепенная. Идут в секретари часто, как в «зал ожидания»: пока не придет твой «скорый», пока не умчит к той, другой — звонкой, яркой...

А справедливо ли такое мнение?

Мы живем в век научно-технической революции. Многообразие форм хозяйственной и культурной жизни страны, резкое увеличение объема информации вызывают необходимость в совершенствовании управления народным хозяйством. Повысился уровень требований к кадрам управления. А значит, и к техническому секретарю. Работа с документами стала наукой, требующей определенных знаний, оперативности, четкости; телефонная, селекторная связь, стенографирование, печатание на машинке — интенсивный, напряженный труд.

Но не менее важно и другое — выдержка, такт, душевная отзывчивость: ведь секретарь первый, к кому обращаются люди с просьбами, жалобами, предложениями. С приемной начинается учреждение, предприятие. Деловой его ритм невозможен без налаженного делопроизводства.

Мыслими обо всем этом делились на семинаре в Пензе руководители, специалисты архивного дела, связи, участницы семинара, много лет проработавшие секретарями, накопившие запас знаний, опыт. Подчеркиваю: **накопившие** запас знаний, ибо людей со специальным образованием на эту должность приходит чрезвычайно мало. Хотя профессия эта на современном предприятии требует от человека много разнообразных знаний и умений.

Расскажу о работе одной только участницы семинара —

«ВАС СЛУШАЕТ СЕКРЕТАРЬ...»

технического секретаря Пензенского отделения Куйбышевской железной дороги Майи Порфирьевны Токаревой.

...Она ушла из школы после восьмого класса и окончила курсы машинописи и стенографии, чтобы помочь маме. Отец погиб в сорок третьем под Гомелем, старший брат — весной сорок пятого в Венгрии. Матери было трудно: Майя, младший братишка. Девятый и десятый кончала, уже будучи секретарем. Думала: поднимем братишку, пойду в институт. И вдруг поняла — так полюбила свою работу, что к другой не тянет. Не ушла и тогда, когда у нее родился второй ребенок, хотя муж уговаривал: «Ведь трудно тебе, не по силам — дети, работа, — уходи!»

Двадцать третий год работает Майя Порфирьевна техническим секретарем. Отделение дороги — большой, сложный организм. Несутся составы с хлебом, цементом, машинами, людьми днем и ночью, днем и ночью. Пенза — крупный железнодорожный узел, почти тысяча километров железнодорожных путей, восемьдесят шесть линейных станций, двадцать семь предприятий!

Нити огромного хозяйства сходятся в приемной начальника отделения, в небольшой приемной, где встретила меня сбранная, внешне спокойная, приветливая Майя Порфирьевна. Три телефона на столе, рядом — пишущая машинка. Несколько удобных стульев для посетителей, свободный стол — тоже для них. Направо — дверь кабинета начальника отделения Михаила Денисовича Воропаева, напротив — его заместитель. Если выйти в коридор и свернуть налево — еще одна дверь, главного инженера.

— Фильтрую все, что адресуется в кабинеты за этими дверьми, — сказала Майя Порфирьевна, кивнув на стопку бумаг, лежащих перед ней.

За три дня, которые я провела вместе с ней в приемной, я поняла, какое емкое это слово «фильтрую», каких требует знаний, находчивости, оперативности.

Документы — приказы, прось-

бы, распоряжения — поступают из министерства, области, управления дороги — о предоставлении вагонов, о приемке нового подъездного пути к складированию грузов... И телеграммы — требовательные, неотложные, срочные.

«Станция Белинская. Просим один большой вагон отгрузки картофеля Болгарию...» «Станция Танеевка. Простаивают под выгрузкой два вагона цемента прибывшие адрес совхоза Лопатинский. Примите меры...» «Хлебокомбинат Башмаковского райпо просит разрешения переадресовать вагон угля, прибывший наш адрес на станцию Соседка».

Телеграммы адресованы начальнику отделения. Но если он на линии или занят, Майя Порфирьевна не будет дожидаться, пока у него «дойдут руки». Она отлично знает, какого отдела касается та или иная телеграмма. Берет телефонную трубку, набирает номер:

— Валерий Григорьевич, примите, пожалуйста, телеграмму...

Конечно, она регистрирует ее в аккуратной и толстой книге, а затем передает телеграмму начальнику отделения. Но на станции Соседка уже получают необходимый вагон угля, начнут разгружать цемент для совхоза Лопатинский.

«Может, и называется должность Токаревой невысоко — технический секретарь, а только она своей партийной ответственностью, знаниями, оперативностью очень помогает нам в выполнении плана», — сказали мне в отделении дороги.

Телефоны звонят непрерывно.

— Отделение дороги, вас слушает секретарь Токарева. — Голос приветливый, негромкий. — Начальник отделения занят, изложите, пожалуйста, ваш вопрос.

И тут же советует обратиться в отдел движения.

Звонки из Москвы, со станций и других объектов — половина рабочего времени секретаря Токаревой уходит на телефонные переговоры. Отвечает она четко, быстро, редко заглядывая в телефонную книжку,

нужные телефонные номера держит в памяти.

— Отделение дороги, слушает Токарева. Начальник отделения проводит планерку. Закончат в девять тридцать. Без четверти десять — селекторная связь. Постарайтесь позвонить в эти свободные пятнадцать минут (значит, вопрос важный).

Михаил Денисович Воропаев, по-моему, даже не подозревает, сколько времени сохраняет ему технический секретарь.

Очереди в приемной у Майи Порфирьевны никогда нет, хотя за день по разным вопросам заходит сюда множество людей.

Вот она поднимается навстречу группе посетителей. Трех быстро дает нужные справки, одного направляет в отдел движения, двух в пассажирский отдел и только одного посетителя просит подождать. Прошло несколько минут — приемная опустела.

— Если бы вы приехали к нам летом, вы бы поняли, какой она у нас профессор — наша Майечка! — улыбаясь, рассказывала мне Екатерина Павловна Коншина, старший инженер пассажирского отдела. — Пассажиры, если билетов в кассе нет, идут прямо к начальнику отделения. Майя тогда словно регулировщик на перекрестке. Прошлым летом наш отдел увеличил составы на 402 прицепных вагона. Начальника отделения по этим вопросам секретарь старается не беспокоить.

...В приемную вошли двое: депутат райсовета и женщина, у которой случилось несчастье — пожар. День был неприветливый. Но женщины приехали издалека, со станции Канаевка. Я видела, как решительно толкнула Майя Порфирьевна дверь кабинета начальника, ревностно оберегаемого от мелких дел. Прошла минута, а потом показалось ее довольное лицо: «Пожалуйста, Михаил Денисович ждет вас...»

Как ценно это умение отличить второстепенное от важного, подумала я. Разве не важно — принять к сердцу чужую беду, уметь выслушать, ободрить, объяснить, помочь? Пожилая женщина положила на стол синий букетик сон-травы:

— Спасибо, Майя. Выдали мне в топливном отделе талоны на уголь.

— Да за что же мне-то? — Рассказали в отделе, что звонила ты, напоминала...

В старательно разграфленной книге регистрации заявлений и жалоб я нашла фамилию женщины. В последней графе значилось: «Положительный ответ дан». И дата. С момента подачи жалобы прошло два дня.

Приходится ли сомневаться, что работа технического секретаря Токаревой, работа любого квалифицированного секретаря на современном предприятии — сложная, требующая немалых

специальных знаний, организаторских способностей, душевных сил. Написала слово «квалифицированного», а оно обернулось проблемой. Ведь как получается: и девушка, лениво тянущая в ответ на любой ваш вопрос «не знаю», и секретарь, давно ставший правой рукой руководителя предприятия, именуются одинаково — технический секретарь. Никак не учитывается профессиональный рост! И зарплата одинаковая.

Не одна ли это из причин текучести кадров технических секретарей? Не потому ли молодежь часто не принимает секретарские обязанности как серьезное дело на всю жизнь?

Эти вопросы я задала в Государственном комитете Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. Мне показали новый квалификационный справочник, где впервые вводятся должностные характеристики: секретаря-машинистки двух категорий и секретаря-стенографистки тоже двух категорий. От категории зависит и зарплата. Квалификационные требования к ним таковы: специальные курсы машинописи по установленной программе и индивидуальное обучение по ведению делопроизводства.

В десяти техникумах страны открыты отделения по специальности «Организация делопроизводства», где учащиеся получают как раз тот комплекс знаний, который необходим сегодня техническому секретарю. Но техникумы все вместе в прошлом году выпустили всего... 570 человек. Мало, ничтожно мало! Такие отделения создаются только в техникумах, которые находятся в ведении Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Отраслевые же министерства в своих техникумах подобных отделений не имеют. А скорее всего необходимо именно отраслевое обучение профессии: обязанности технического секретаря отделения железной дороги во многом иные, чем, скажем, на текстильном комбинате. Значит, иной должна быть и ориентация будущего специалиста. А профессионально-технические училища? Пока что и они готовят мало таких работников.

Для тех же секретарей, которые работают, нужны, вероятно, курсы переподготовки, вечерние и заочные отделения в техникумах, которые дадут им возможность освоить сложную профессию, и, конечно, семинары по примеру устроенного в Пензе, как скорая и действенная помощь.

Работа технического секретаря — важная и интересная, достойная того, чтобы приходило в редакцию по веснам взволнованные письма: «Как стать, где выучиться этой профессии?»

З. ИЛЬИНА

орогая «Работница»! Работаю я водителем в Вильнюсском троллейбусном управлении. В январе мне и моим товарищам по работе было присвоено звание «Ударник коммунистического труда». Какое радостное было настроение, когда мы, водители, узнали об этом: мы боролись, мы победили и будем побеждать! И все мы ждали с большим нетерпением, когда нам вручат удостоверения и награжденные значки. Но наша радость и хорошее настроение были недолгими. Вы не представляете себе, как было обидно получать удостоверение ударника коммунистического труда через руки почти посторонних лиц и вдобавок без значков. А могли хотя бы начальники маршрутов — каждый на своем маршруте — вручить и поздравить по-дружески.

Мы чувствовали себя победителями, а нам, если можно так выразиться, «обрезали крылья». И это когда у нас есть еще люди, которые недооценивают это звание. Говорят: «Что, удостоверение, этот «кусочек картона» даст мне прибавку к зарплате, что ли?»

Возможно, я пишу не по адресу, но мне больше не с кем поделиться своей тревогой. Так же, как я не могу назвать свою фамилию, потому что меня потом засмеют, скажут: «Погналась за пустяком, которому здесь не придают значения».

А для меня это не пустяк! Потому что на этот «пустяк» должно посмотреть с высокой точки зрения. Тогда, возможно, не пришлось бы начальникам маршрутов уговаривать иных водителей писать социалистические обязательства. Тогда люди бы видели, что победителя уважают, а не так, как у нас. Простите меня, что между этих строчек просачивается горечь: мне и моим товарищам по работе обидно. И я считаю, что тут есть над чем подумать.

Водитель троллейбуса».

Да, есть над чем подумать! Есть на что посмотреть с разных точек зрения, в том числе и с высокой. Можно еще встретить людей, у которых эта «высокая точка зрения» вызывает ухмылочку: «Субботник? А что я буду с этого иметь?» И так думают не только те, кто говорит об этом открыто. В глубине души так думают и некоторые из тех, кто вслух произносит совсем другие речи. Иначе чем можно объяснить поступок руководителей троллейбусного управления, которые вместо того, чтобы вручить удостоверение ударника прилюдно (сколько слов, наверное, сказано ими же на собраниях «о силе примера!»), передают их через третьих лиц. Значит, и они не придают значения красной книжке ударника.

Да, верно, красная книжечка ударника коммунистического труда отпечатана на картоне. Но ведь и деньги, которые для иных все еще единственная мера их отношения к труду, всего лишь кусочки особым образом обработанной бумаги. Правда, на них напечатано: «Обеспечивается золотом, драгоценными металлами», а на каждом рубле: «Обеспечивается всем достоянием Союза ССР». Но разве у красной картонной книжечки ударника нет такого обеспечения, разве не обес-

ВЫСОКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

печивается она всем прошлым и будущим нашего алого стяга? И не измерить ее ценность никакими драгоценными металлами, ибо она сродни тем картонным, пробитым пулями книжечкам, в которых взносы были плачены «не рублями, а собственной жизнью и кровью».

Но та была война, дни героические. А тут — будни. Подумаешь, вождение троллейбуса: остановка «Площадь», следующая «Лаздинай». Что они, архитекторы, которые строили этот самый Лаздинай и удостоены за это Ленинской премии? Нет, они не архитекторы, а всего лишь водители троллейбусов. Так что какие уж тут особые «крылья»! Тут не летать нужно, но витать в облаках, а пассажиров перевозить. Но нельзя ли и на перевозку пассажиров посмотреть «с высокой точки зрения»? Можно! Должно! И лучшее доказательство этому — другое письмо из нашей почты:

«Дорогая редакция! Я хочу написать о хороших людях, которые дарят другим радость. Это проводники поезда Москва — Владивосток «Россия» супруги Козловы — Ирина Николаевна и ее муж Михаил.

Я человек пожилой, живу в Амурской области. В октябре 1973 года я решила поехать в отпуск поездом «Россия», который следовал на Москву. Когда зашла в вагон № 1, я огорчилась, потому что свободным было только боковое место наверху. Но Ирина Николаевна видела, что мне неудобно, и всогоре, учитывая мой возраст, устроила меня внизу. И я так хорошо доехала до Новосибирска, что даже не хотелось выходить из вагона. Ирина Николаевна со своими пассажирами как родная. Вежлива, внимательна, в любое время суток есть у нее горячий чай, в вагоне идеальная чистота, порядок, всегда тепло. Пассажиры чувствуют себя как дома. Через сутки, где-то за Читой, в вагон пришла бригадир поезда и вручила Козловым вымпел за образцовую работу. Мы, пассажиры, дружно аплодировали. И так было хорошо, что вот прошло полгода, а я все о них помню. Я хочу пожелать супругам Козловым большого счастья, крепкого здоровья, успехов в их веселой и трудной работе. И очень прошу редакцию пропустить мою заметку в журнал. А еще лучше, если бы вы напечатали их фото, чтоб все посмотрели на этих замечательных людей.

С уважением Ядвига Брониславовна БУЕВИЧ.
Амурская область, ст. Магдагачи».

Пишет человек, для которого вымпел (подумаешь, кусочек материала!) — совсем не пустяк! И, видно, не одна она такая, Ядвига Бувевич, а все пассажиры вагона № 1 поезда «Россия», которые дружно аплодировали при вручении вымпела.

Да, мы знаем, как важна материальная заинтересованность — премии, поощрения, тринадцатая зарплата. А все же доброе слово «спасибо», и красная книжечка ударника, и алый вымпел передовика безмерно дороги людям труда. И высокая точка зрения на труд существует и будет существовать, сколько бы ни клевали ее «галки» формалистов, которым лишь бы обязательства в папку сложить — для «галочки», сколько бы ее ни принижали, ни «заземляли» шкурническими ухмылками обыватели. Есть и будут люди — и их подавляющее большинство, — для которых именно высокая точка зрения на труд — точка опоры в жизни.

Я с радостью вглядываюсь в лица проводников Ирины Матвеевой (она носит свою фамилию) и Михаила Козлова, фотографию которых мы печатаем по просьбе их пассажирки Я. Бувевич. И я очень жалею, что вы, дорогая водительница троллейбуса из Вильнюса, не назвали свою фамилию. Вы испугались тех, кто вздумал бы посмеяться над вами. Но я уверена: большинство наших читателей с удовольствием узнали бы имя человека, для которого «это» — не пустяк!

Ада ЛЕВИНА

— А он вовсе и не фриц, а... как это? — с трудом выговорила: — Людиг!

— Ты опять на тот двор ходила?

— Не ходила... Он сам ко мне приходил!

Мария тяжело перевела остановившееся было в груди дыхание, тихо прошептала:

— Ну, спи, детка, спи!..

Ничего невозможно сделать, будь что будет, все пойдет, как идет, остановить она ничего не может.

Бежать некуда. Надо ждать. Терпеть страх. И с ведрами к роднику ходить надо до последнего, пока еще позволяют ходить.

...Губная гармошка играла танго. Подходя к дому, Мария даже приостановилась, пошла медленнее. Очень хорошо получалось танго на гармошке, и играли хорошо.

Светлое небо, тлеющая полоса чистого заката, весенний влажный ветерок играет на лугу, налетает, точно балуясь, с разных сторон, — она отмечала все это с громадным удивлением.

«У людей весна, — подумала она, — где-то у людей начинается весна». И в первый раз за долгие месяцы ей захотелось упасть ничком на землю и в голос зареветь. Она совсем забыла и верить перестала, что бывает на свете какая-то весна. Забыла, что она ведь совсем молодая, сама поверила, что она сгорбленная, измученная старостью, горем, нуждой баба без возраста, какой она хотела казаться и казалась.

Немецкий солдат, тот самый, стоял, привалясь плечом к углу дома, и играл на губной гармошке танго.

А за углом у него за спиной Манька на своем крыльчке притопывала в такт, мотала головой, веселилась.

Солдат увидел Марию и, продолжая наигрывать уже что-то бессвязное, пошел к своему «парадному» крыльцу, а Манька от матери полезла прятаться за дверь, сама себя стараясь убедить, что ее не заметили.

Мария подхватила ее на руки, оттащила в дальний угол за плиту, на постель:

— Это что было? Говори!

Манька, неуклюже, неумело притворяясь, что ничего не понимает, даже разозлилась от собственного упрямого лганья и заревела. Успокоившись, дала утереть себе нос, помолчала, сосредоточиваясь.

— Ну тогда ты слушай! — и, плавно взмахивая в такт грязной лапой в засаленном рукаве кофтенки, мышиным голосенком запищала довольно похоже, по-детски фальшивя, мотив танго:

Мартышка к ста-арости
Слаба глазами ста-ала!..
А от людей, бум-бум, бум-бум,
Она слыха-ала!..

— Это я ему слова придумала... Только я дальше позабыла, как...

Потом Мария стала невольно примечать этого солдата среди других, когда они, гремя по ступенькам сапогами, выходили куда-то по своим делам в город.

На себе она ловила тоже его короткий, мельком брошенный взгляд. Кольнул и метнулся в сторону.

Весна была в разгаре, станция и городок оживились. По ночам ревели моторы грузовых машин, танков. У станции два раза слышны были серии каких-то взрывов.

Тревога глухо нарастала, точно воздух менялся, но жизнь шла прежняя.

— Хочешь, тебе покажу? — спросила Манька. — Вот смотри. Подала глянцевитую фотографию.

В каком-то садике мужчины в пиджаке и женщина с кружевным воротничком стоят, посторонившись, чтоб не загораживать вида на входную дверь домика. Рядом стоят пучеглазый мальчик и голенастая девочка, опустив длинные руки по швам.

Вглядеться — это фотография дома, а люди, не очень уже молодые и усталые люди, на память снимались, чтоб запечатлеть вот этот день или дни вершины долгого дела своей жизни: дом, красивую дверь с накладными под старину петлями, железным над ней фонариком с окошечком, с шершавой штукатуркой, дорожкой, полоской тюльпанов и вот этого пучеглазого мальчика и голенастую смирную девочку с ее прилежным прямым пробормом.

— Зачем он тебе дал? Зачем ты взяла?

Манька пальцем показала на карточке:

— Это Людиг. Вон стоит. Видишь? А это его дети. Вот мальчик, вот девочка. Видишь? Он тебе дал посмотреть. Ты посмотри, потом надо ему отдать обратно, ты не забудь, слышишь?

Мария молча долго разглядывала. Может быть, этот, в пиджаке, и есть тот рыжий солдат, а может, нет... А вот мальчик, лупоглазый, похож, кажется... да, похож на этого рыжего...

— Зачем она мне? Отдай ты ему поскорей!

Чего он добивается? К чему подъезжает? И так все нарастает страх ожидания надвигающейся последней беды. А тут еще этот, проклятый, привязался. Опять ждать, ждать, жить под прицелом...

Но ждать пришлось недолго.

Исчез, пропал мальчишка Янка. Мария встретила его бабу, та прошла мимо деловито, озабоченно, едва кивнув. Нет, ничего там не случилось у них страшного. Исчез, и все.

Все как будто оставалось на своих местах, но все уже сдвинулось, пошло, неслось куда-то...

По вечерам солдаты, как всегда, пили в трактире и орали песни, но как-то не так: громче, торопливей, разухабистей.

Гудели тяжело груженные грузовики, уходившие колоннами, — их стало гораздо больше.

Гнали в спешке толпы людей — иногда одних мужчин, а то женщин, детей и стариков.

Между собой жители городка почти не разговаривали, но все каждый день узнавали, что фронт покотился, ушел на запад, а они здесь остались пока в стороне.

Самолеты («Это советские!» — радостно шептались люди) пролетали высоко над городом и уходили на запад, точно им дела не было до этого городишки.

Рано утром пригнали толпу женщин с детьми и стариков, повели к станции железной дороги. На другой день к вечеру их пригнали обратно, на площадь у церкви. Конвоиры были злые и усталые как черти. — они надеялись, что всех отправят на поезде и они, наконец, отвяжутся от этого еле живого, спотыкающегося люда.

Командант, которого только что, не повышая голоса, монотонно, оскорбительно-бесстрастно отчитали по телефону за то, что он пропустил «стадо каких-то угоняемых жителей» на железнодорожную станцию, в то время когда ему должно быть известно: вагонов не хватает для армейских перевозок, — и которого отнюдь не бесстрастно, на все голоса ругали командиры колонн, потому что «эти идиоты конвойные загородили проезд и

А. КУПРИЯНОВА

И откуда это во мне?
О войне пишу, о войне.
Вдовьи ночи... Чужое счастье...
Первый послевоенный день...
Но откуда мое причастье
К этой давней большой беде?
Про друзей и про пыль-дороги
Кто во мне вспоминает вдруг?
И откуда мои тревоги
И такая боязнь разлук?
...Мой любимый, мой вечный воин,
Что же нам суждено с тобой?
Пыль-дороги... Кружится ворон...
Шепчет мама: «Не дай-то бог!..»

Кто-то весел, кто-то плачет,
Кто-то крестит: в добрый час.
Вот и все. Прощайте, Мгачи!
Мы расстанемся сейчас.
Я скачусь по склону сопки —
Здесь тропинка чуть видна.
Вон моя река в осоке,
Беспокойна и мутна, —
Разлилась, забыла русло,
Рябью утренней горит...
Слов растерянных и грустных
Я не стану говорить.

1 Поселок на Сахалине.

И себя не пожалею:
Навсегда так навсегда.
Станет к полудню светлее
Эта желтая вода.
Вон опять из кроны русской
Сыплет сладкий вербный пух.
Под ногою звонко хрустнул
Новорожденный лопух —
Лета будущего вестник.
А в кустах лесной межи
Паутинка тихой песни,
Чуть заметная, дрожит...
Вот мы как с тобой расстались —
Торопливо и легко.
Понеслась мальчишья стая
К морю за грузовиком.
А потом по сопкам долго
До больших чужих домов
Вился леса молодого
Светло-пепельный дымок.

место стоянки на площади», взбешенный, вышел на крыльцо. К нему подбежал бургомистр, вскидывая на ходу руку к козырьку штатской фуражки.

— Ключа, к сожалению, еще пока нет! — отрапортовал бургомистр. — Он у сторожа, это точно, его видели только что, он копал могилу, а сейчас его нету, сию минуту найдут, приведут.

— Четверть часа! Больше не жду. Стойте здесь.

— Слушаю, господин комендант. Может быть, взломать?

Комендант ничего не ответил, только заметил время по часам. Что будет через четверть часа, он и сам не знал.

Он дал этот срок потому, что был уверен: в таких случаях именно так и делается и это выглядит внушительно. Он стоял у всех на виду, как надо было стоять, бесстрастно, неумолимо, непоколебимо и с презрением думал о начальнике, который его отчитывал по телефону.

Он давно уже жил своим презрением. Он презирал русских, евреев, латышей, поляков. Он презирал своих солдат. Свое начальство. Презирал удачливых выскочек. Презирал неудачников, каким был сам. Только одних он презирал с завистью, других с отвращением, некоторых равнодушно, а иных презирал яростно. Самого себя он тоже презирал, но терпимо, снисходительно, как раз настолько, насколько нужно, чтоб еще можно было жить.

Он стоял и ждал ключей, хранившихся у церковного сторожа, который в эту минуту смиренно лежал в выкопанной им самим могиле, куда со страху залег, едва увидев полицая, с криком бегущих по кладбищенским дорожкам.

Наконец показался полицай, он тасил за собой какого-то человека.

— Вот он!.. — закричал, подбегая, полицай. — Я привел!

— Так точно!.. — перебивая и вырываясь, кланялся человек. — Я сейчас же поспешил!

Бургомистр мгновенно объяснил: этот человек, слесарь, предлагает свои услуги открыть оба замка от церковных дверей — что с паперти и от внутреннего входа в саму церковь. Инструменты при нем.

Замки гулко звякнули железными щелчками по два раза и сдались. Слесарь, щеголяя своим мастерством, приоткрыл двери и приглашающе поклонился.

Его отпихнули в сторону и окриками начали загонять толпу в церковь, освобождая тесную площадь с ее старинным, еле брызгающим фонтаном.

Люди поднялись с мостовой и потянулись к широко распахнутым церковным дверям, стали подниматься по ступенькам.

Грязь, обрывки бумаги, две-три кучи тряпья, плоские и пыльные, остались на площади. Когда на них надвинулись с руганью конвоиры, разглядевшие седые волосы и ситцевые платья лежащих, те не испугались, не встали, безмятежно остались лежать, как лежали, их уже нельзя было никуда загнать, запереть, вести.

Комендант стоял и бесстрастно наблюдал, как, зацепив железным крюком, трупы уволокивают.

А на площадь сейчас же стали въезжать грузовые машины с солдатами.

Мария добралась до дому боковыми переулками, через чужой, заброшенный сад, по лугу. Захлопнула, заперла за собой дверь.

Манька ждала ее с нетерпением, чем-то озабоченная до того, что не отвечала на поцелуи, даже отталкивала от себя мать...

— Детка моя, родная, Манечка, тут! Цела, здорова, невредима.

А детка сердито отпихивается:

— Ты погоди, а то я забуду... Вот чего: ты никуда отсюда не уходи. Не смей уходить. Поняла? Ну вот, сказала.

— Кто это тебе сказал?

— Сиди тут со мной, а то плохо будет. Очень плохо, вот и все.

— Нам нельзя выходить?

— Сказала тебе. А чего поесть принесла?.. Давай скорей, есть хочу!

Мария медленно развернула узелок с холодной картошкой и хлебом, стала крошить мелкими кусочками ломтик сала. Манька тут же натыкала их на вилку и отправляла в рот.

Значит, началось. Дошла и наша очередь: никуда не уходить, сидеть тут и ждать, пока за тобой не придут.

Может быть, Янка проговорился? Манька проболталась, что они нездешние, что отец в армии? Да едва ли она это сама-то понимает... Так почему меня?.. А почему других? Нипочему.

Приправ к косяку окна, она видела, как по двору проходят солдаты, нестройно, неторопливо, почти не разговаривая. Без шуток и смешков, как было еще недавно...

Вот у ворот уже только двое остались — тот самый долговязый фриц, который с Манькой заигрывает, и еще один — тонконосый, щекастый, с квадратным подбородком, всегда до того черным от пробивающейся грубой щетины, что казался бородастым.

Он стоял, позевывая, и потягивался, потирая поясницу, потом

с размаху хлопнул рыжего по плечу, видно, приглашая идти вместе. Тот не двинулся, остался сидеть.

Махнув рукой, черный ушел один. А этот не уходит... Чего-то ждет.

Вдруг недобрая догадка кольнула в сердце, и Мария быстро спросила:

— Да кто тебе говорил-то? Чтоб не уходить? Что плохо будет? Он?

Манька с полным ртом подошла к окну, прижимаясь щекой к стеклу, заглянула, равнодушно буркнула «угу» и вернулась к столу подбирать крошки с тарелки.

Губная гармошка дурашливо пиликнула туда-назад: п-л-м, б-л-м! Манька засмеялась и вскочила.

— Куда ты, стой!

— Да он же меня зовет!

Мария стояла и смотрела на дверь, которую Манька оставила открытой, смотрела и ждала, что будет. Так и есть, рыжий, лупоглазый, долговязый, этот самый вошел, держа Маньку за руку, и притворил за собой дверь.

Трудно запинаясь на русских словах и спеша, немец заговорил:

— Фрау, ваше занятие... это есть: чистить, умыть... — он сделал вращательное движение рукой, показывая, как пол моют тряпкой, — это кирхе, цер-ков-ны... это так?

— Уборщица? Уборщица, да.

— Там этот раз много человек есть, да?

— Не знаю, — равнодушно сказала Мария; именно так, как должна говорить тупая, грязная, усталая уборщица.

— Очень совсем плохо дело эти люди... А-а, капут! — Он безнадменно махнул рукой, что означало: «Совершенно пропащее их дело».

— Почему же так... Это ведь просто жители? Их куда-нибудь угоняют... — показала туда... — вег... дальше...

Фриц поморщился и опять махнул безнадежно рукой, что-то быстро проговорил по-немецки, опомнился и с трудом вернулся на русский:

— Со всем маленьким двер другая сторона, тихо открывать маленький такой двер, можно люди ходить вег... куда-нибудь, ничего, можно.

— Их же все равно заметят и поймают. Или догонят и перестреляют.

— Может быть, да, может быть, нет! — без запинки выпалил намертво запомненную фразу. — Может быть, вы имеете это ключ?

— Откуда? Да нет же у меня ключа, — правду сказала Мария, чувствуя, что звучит это неправдой, потому что думает она все время только о том, к чему тот клонит. — Маленькая дверь — вход в ризницу, никогда мне этого ключа не давали, он, наверное, у сторожа... Вахтман? У него, может быть?

— У вахтман нет маленький ключ — только большой, — показал на пальцах, — два такой.

— Да, да, он мне всегда сам отпирал. Да, большие! А у меня нет никаких. И не давали мне никогда. Разве мне дадут!

— Нун, все порядки... Нет, дас ист ниht, — сказал немец, постоял минуту в раздумье и сказал «до свидание!».

— До свиданья, — сказала Манька и дернула его за палец.

Проводив его глазами, пока не скрылся за воротами, Мария, стиснув зубы, простонала: «О господи! — упала лицом в подушку: — Убежать бы куда-нибудь отсюда, память потерять, провалиться бы...»

Удивительно, просто поверить трудно: опять пришло утро.

Мария шла на работу с одной надеждой, что церковь опустеет, людей там уже нет, их угнали куда-то дальше, куда других угоняют, а с этим уж ничего поделать нельзя. С каким облегчением она стала бы, ползая на коленях, мыть пол в этой пустой церкви!..

Часовой прохаживался по-прежнему у ступенек входа, позевывая, ожидая смены. Широкие и тяжелые, как небольшие ворота, двери были наглухо замкнуты.

Мария растопила кипятильник и, как всегда, стала мыть полы в комендатуре, в прихожей, в коридоре и, переменяв тряпку, мыла каменные ступени входа. В комнаты, в служебные помещения ее не допускали, там была своя уборщица.

Работая, она все время думала об одном и том же, мучилась, не решалась, потом решалась и тут же со страхом отшатывалась от своего решения.

Ничего еще не решив, она сполоснула руки, спустила рукава, завязала платок под подбородком, заправив под него растрепавшиеся волосы.

Вышла в переулок, свернула за угол и через заднюю калитку, мимо заросших грядок прошла по дорожке и постучала в дверь.

Никто не ответил, она вошла в пустую кухню пасторского дома, опять постучала, опять никто не ответил, и она нерешительно прошла дальше.

Окончание в следующем номере.

НА БОЛЬШОМ ПОДЪЕМЕ

Успехи социализма в Румынии находят яркое выражение в растущей роли женщин во всей жизни республики. 30 лет назад, до освобождения нашей родины от фашистского господства, почти 98 процентов женского населения было лишено политических прав. Безграмотность и мистицизм держали массы женщин в темноте.

Еще в прошлом столетии революционное движение Румынии имело своей целью и борьбу за полное равноправие женщин. Румынская коммунистическая партия с самого момента ее образования, в 1921 году, считала освобождение женщины от рабства и унижения составной частью борьбы за ликвидацию эксплуатации и угнетения человека человеком. Народная власть всегда положила конец вековой несправедливости, обеспечила женщинам полное равенство с мужчинами перед законом, создала условия для всемерного проявления их способностей в активной социальной жизни.

Массовое участие женщин в решающих событиях истории послевоенной Румынии стало самым убедительным доказательством их политической зрелости.

Румыния сегодня — на большом подъеме. Республика добилась значительных успехов в развитии и модернизации всех отраслей народного хозяйства, в росте образования, науки и культуры, в совершенствовании руководства и организации социальной жизни. На этой основе сложились новые отношения между людьми, новые, свойственные социализму, глубоко гуманистические взгляды и убеждения.

Наш опыт, как и опыт других стран, подтверждает, что общественный труд является первым шагом к реальной эмансипации женщины. Динамика роста народного хозяйства Румынии, высокие темпы индустриализации обеспечили возможности широкого привлечения женщин в сферу материального производства. Нет такой области деятельности, в которой не ощущался бы их вклад, не проявлялись бы их трудолюбие, требовательность, инициативность. Женщины составляют ныне примерно 45 процентов населения, занятого в народном хозяйстве. Их доля в промышленности — 33 процента, более 59 процентов — в сельском хозяйстве, 46 процентов — среди работников связи, 48 процентов — в торговле, 62 процента — в просвещении, культуре, искусстве, более 70 процентов — в области здравоохранения и социального обеспечения. Значительный рост доли женщин в общем труде будет наблюдаться и в последующие годы, особенно в современных отраслях, связанных с техническим прогрессом, таких, например, как станкостроительная и электротехническая промышленность. Весьма показательны успехи женщин в области химии и медицины, получившие мировое признание. Все эти достижения обусловлены созданием благоприятных условий для получения высокой квалификации, для непрестанного совершенствования мастерства. С приобретением профессии возрос престиж женщины, уважение, которым она пользуется в обществе, повысилось ее влияние в семье, ее авторитет перед детьми стал равным с авторитетом отца.

Более полумиллиона женщин состоят в рядах нашей коммунистической партии, а свыше 1 150 000 девушек — члены Союза коммунистической молодежи. Более 50 000 женщин — депутаты народных советов.

Привлечение женщин к общественной жизни,

разумеется, процесс, не лишенный трудностей, которые по мере их появления устраняются или смягчаются. Состоявшийся в июне прошлого года пленум ЦК РКП обсудил вопрос повышения роли женщины в экономической, политической и социальной жизни страны. Постановление пленума подтверждает постоянную заботу Румынской коммунистической партии, лично генерального секретаря РКП, президента республики товарища Николае Чаушеску о том, чтобы женщины — важная сила нации — умножили свой вклад в дело созидания восторженного развитого социалистического общества, играли в нашем обществе все более активную роль, в том числе на руководящих должностях. В то же время эти документы свидетельствуют о научном, перспективном подходе партии к решению такого сложного вопроса, как совмещение обязанностей женщины в обществе и в семье. Гармоническое сочетание двух этих функций, как известно, совсем не простое дело.

Наша партия разработала конкретную программу мер для оптимального решения этих проблем. В чем состоит эта программа? Лучшая организация профессиональной подготовки женщин; привлечение на работу в соответствии с их психофизиологическими особенностями и нуждами народного хозяйства; поглощение промышленностью части женского населения деревень. При разработке программ экономического, социального и культурного развития районов страны учитывается структура трудовых ресурсов, количество мужчин и женщин. Особое внимание уделяется изучению и улучшению условий труда женщин. Программой намечено расширение бытовых услуг в целях облегчения домашнего труда женщин и увеличения их свободного времени. Расширится сеть яслей и детских садов, школьных полунтернатов, лагерей.

За осуществлением этой программы настойчиво следят государственные учреждения, Национальный совет женщин и другие общественные организации.

Борьбу за экономюю времени ведет и сама женщина. С ростом уровня культуры она отказывается от старых привычек и пережитков, лучше дозирует домашние хлопоты, делит их с мужем и детьми.

Утверждается и новый образец женственности, который сочетает увлеченность профессией и общественной деятельностью с естественным призванием материнства. Образец, предопределенный нашим движением и тому обществу, в котором все люди будут равны.

Внося активный вклад в претворение в жизнь принципов Румынской коммунистической партии в области международных отношений, Национальный совет женщин Румынии развивает дружбу и сотрудничество с женщинами социалистических стран, вступивших на путь независимого развития, усиливает связи с миллионами женщин всей планеты, которые борются за мир и социальный прогресс, за права, за демократические свободы, за национальную независимость, за счастливое будущее детей.

Питая чувства теплой дружбы и советским женщинам, румынские женщины внимательно следят и радуются успехам, которых вы добиваетесь вместе со всем советским народом в строительстве коммунизма, в защите мира во всем мире.

Вирджиния ПРИПИТУ,
член бюро Национального совета женщин
Социалистической Республики Румыния

Лина Чобану, член исполкома ЦК РКП, председатель Национального совета женщин.

Виорика Плавицу, инженер химического комбината города Крайова.

Ана Аслан, академик, директор Института геронтологии.

Ельвира Палиган, председатель кооператива села Анаца, уезд Брашов.

ОНИ

И

Я

ПОДРУЖКА

Настала та тихая минута, когда учитель уже на входе, и ребята, вдосталь наладившись шумной переменной, разом замолкли. Но Анна Андреевна задержалась у самой двери: что-то искала в портфеле, замешкалась с нею и я. Вот тогда-то Аля резко рванулась ко мне из класса и тихо сказала, без всяких «пожалуйста» в голосе: «Не говорите о моем письме», — и пулей промчалась мимо. Будто в учительскую, будто по делу.

А я и не думала говорить о ее письме. Я тогда еще не понимала, почему она его написала. И очень хотела понять.

Из письма Али в редакцию:

«Я хочу рассказать о своем классе. И раньше класс был недружный, нас звали «дикари», а то, что происходит в нем сейчас, просто ужасно.

Нас рассадили так всех: мальчиков посадили с девочками, — но вышло, что все сидят парно, на уроках большинство сидят обнявшись, когда не видит учитель. Учителям грубят. Друг другу — тоже. Оля Галкина очень приятная, член комсомольского бюро, кому-то сказала: «Неужели так можно обращаться с учителем?» Полосников ответил ей: «Ты, Галкина, заткнись». Девочки ее не поддерживали, а громко засмеялись. Таких большинство, они задают в классе тон. Есть и другие. Они «ни то ни се». Самы не грубят, но и против наглости не воюют. Среди них моя подружка Лена. Еще Спирина — «благоразумная корова». Когда учительница объясняет, Спирина смотрит на нее с утомленным презрением, элегантно поставив согнутые копыта под подбородок. Противно смотреть.

Еще мне хочется рассказать немного о нашем дорогом комсорге. В классе половина комсомольцев. У нас были комсомольские собрания. Балбоков, правда, ходил, унимал всех, но его мало слушались. Соловьева открыто говорит: «Ну все, по домам, мне уже надоело, а у меня много дел» (именно «делов»).

Теперь немного обо мне. В классе мнение такое: Аля скромная, некрасивая, никогда не смеется, много молчит. А что толку здесь о чем-либо настоящим говорить? Разве они умеют слушать?

Сейчас, я думаю, с классом нашим ничего сделать нельзя, никого не исправив. Я в этом тоже виновата — проучилась здесь восемь лет. Никто не хочет ничего понимать».

Каждый день с первым звонком входила я в класс. Уходила с последними ребятами. Мы привыкли друг к другу. Нет-нет, я не проверяла «факты, изложенные в письме». Да и что за факты? Мальчишка демонстративно обнял за плечи девочку, сидящую рядом. Могло быть, это нынче модно. Кто-то нагрубил учителю — увы, и это не исключено. Кто-то курил... Но каждый случай сам по себе — лишь случай. В письме же — тревожная картина... Как на деле? Мне хотелось почувствовать саму атмосферу жизни восьмого «А».

...Это была прекрасная атмосфера юности. Я поняла, что все нормально, что нет в 8 «А» никаких «ужасов», почти сразу. Ребята учились и задавали на уроках вопросы, потому что им было интересно. Они получали пятерки и двойки. Когда двойки — огорчались. Они проводили полтинформации и горячо, взволнованно рассказывали о том, что происходит в Чили. Они готовили отчетное комсомольское собрание и раздавали закрытую анкету, выясняя, кто в классе «самые авторитетные». Они оставались после уроков и пели хором «Крепко за баранку держись, шофер», готовясь к вечеру, посвященному профессии водителя. Они были разные, эти восьмиклассники. И отношения меж ними складывались тоже разные, подчас очень сложные, подчас не лучшие, неровные, грубоватые — жизнь есть жизнь. Но не встретила я отъявленных циников, не увидела я и «дикарей».

Письмо Али не было правдой. Она и сама это понимала. Потому и испугалась. Потому в первом разговоре со мной откровенно от письма. «Лучше бы его не было». Но письмо есть. И оно заставляет думать об Але. Вот этой чистой, маленькой и пухленькой, как булочка. Кстати, очень хорошенькой. Милые кудряшки, милые веснушки, растерянные глаза. Глаза эти напоминали нечетко-голубые глаза маленького еще котенка: и видят уже, а не зоркие.

Удивительна эта грань между детством и юностью. Позавчера он был совсем мальчишкой и вчера — тоже. И вот таким его запомнили ребята, уходя на летние каникулы после седьмого, — маленький, толстый, щекастый, ушастый и неуклюжий. В насмешку звали кто «худенький», кто сокращенно — «худя». А первого сентября в класс пришел высокий, красивый парень — другой человек, да и только. В восьмом мальчишки, самые «мальчишеские», отчаянные, вдруг пообмякли. Признали негласно то, что презирали в седьмом, — сложность людских отношений. Полосников вытравил кислотой на рыжем портфеле два нежных профиля: Ромео и Джульетта. Не далекие, шекспировские, а киношные: современные мальчишка и девочка — те, что понятны. И, значит, любовь их понятна стала Полосникову.

Девочки и вовсе стали другими. Они и раньше, в седьмом-шестом, носили зеркальца в карманах строгих фартуков. И навивали на мамные бигуди кончики волос. Но все это было вроде бы для себя. Потому что мальчишки в классе и за мальчишек не считались. Мальки-мальчишки, мальчишки-недороски, шнырявшие на переменах среди расцветших, торжественно-медленных и высоких девчат. В восьмом — иное дело. В восьмом — повзрослели и есть кому оценить. И в восьмом вдруг среди девочек обна-

ружились красавицы. К примеру, Надя Ракша — «балерина». Вся особенная, вся не как все, с длинными, напряженно-стройными ногами и пенно-кружевным воротником. Ах, как она может смотреть на Сидельникова — совсем новым, не «классным» взглядом!

Но все эти чисто внешние перемены были слабым отражением иных, глубинных. Во всех они произошли. В Але — тоже.

Нет, Аля не подросла — все те же «метр пятьдесят два». И никто не заметил, что она не та. Но она-то знала.

Каким для нее было это лето! Однажды Аля проснулась утром — солнце в окне рыжим прожектором. Слышно: стучат колеса, они всегда стучат, дом у вокзала. Но лишь сейчас дошло: все куда-то бегут поезда. И люди движутся, и растут деревья. И сама она — уже другая. Впервые осознала и жизнь, и себя в ней, и то, что жить можно по-разному, а как — зависит от нее самой.

Утро отныне — с зарядки. В доме отныне — порядок. Книги отныне читаются по-новому: Как бы это объяснить? До той поры, пока Аля не думала о себе, не пыталась оценить свои возможности, свои поступки, свою жизнь, пока не возникло в ней это страстное стремление стать умнее, добрее, лучше, книги читались легко и гладко. Вновь и вновь повторяла: «Чуден Днепр при тихой погоде» — ритм завораживал. С волнением следила за судьбой бедной княжны Мери, восхищалась молодоговардейцами. Но все это было... ну, как за стеклом, все это было книгой. В это лето ей попала биография Демьяна Бедного из ЖЗЛ. И вдруг... В этой книжке, которую начала читать случайно, она объемно увидела новую жизнь. Жизнь поэта и человека. И свою тоже. Потому что его в юности мучили те же проблемы, что и ее, потому что он тоже рос и тоже становился. В то лето она повсюду искала и находила себя. Любая книга — как беседа с более опытным и мудрым человеком. Аля спрашивает — ей отвечают. И ведут дальше, к новым вопросам. И снова дарят: вот тебе мысли, разбирайся, спорь, находи то, что нужно тебе.

Первое сочинение в новом учебном году Аля писала на вольную тему — о дружбе. «Счастливый, кто умеет дружить. В детстве это легко, конечно. А вот после в человеке накапливается много такого, что всякому не скажешь, да и всякий не поймет». Это сочинение было для Али совсем особенным. Первое в жизни свое сочинение: и мысли свои и слова. И первый раз за все время учения она горько задумалась о тройке, увенчавшей этот труд (ах, уж эти грамматические ошибки!) Раньше тройка огорчала, потому что тройка. В этот раз — потому, что, наверное, Тамара Яковлевна не заметила за сочинением ее, новую Алю. Наверное, еще подумала: «Твердая троечница эта Аля».

Раньше ее выбирали в классе санитаркой, членом санитарной комиссии. И она считала, что так должно быть. Вернее, так было. И Аля не думала об этом, как не думают о простом, о приятном. Отвечать за чистоту в классе ей поручили и в восьмом. «Такая чистюля» эта Аля. Но тут она, сама не зная почему, огорчилась.

Вот ведь что получалось. С одной стороны, с ней столько произошло. Аля вдруг ощутила свою человеческую значимость, свое достоинство. Пришло, на-

конец, самоуважение — ведь она делала многое, чтобы можно было себя уважать. А с другой — она оставалась все той же Алей, которая «скромная, некрасивая, никогда не смеется, много молчит». Как выбиться из старой колеи? Как показать всем, что стала она иным человеком, что научилась по-взрослому думать. По-взрослому?

...Она готовилась к этому комсомольскому собранию. Она им всем скажет. Ребята даже притихли, когда поднялась Аля — неожиданность. Говорила о том, как важно серьезно учиться, рассказала, что бросила из-за учения лыжи. Она говорила о том, к чему САМА пришла, а все решили: повторяет учительские нотации. Верзила Сидельников не дослушал.

— Тью-тью, молчала-молчала, да сказала. Америку открыла!

Аля села на место, красная от обиды. Впервые со злостью подумала, что на собрании нет порядка, что Сидельников и Ракша ведут свои глупые «любовные» разговоры, что никто ее не понимает и понять не хочет.

По ночам ей снился заснеженный лес. Горы, с которых она летит не то на лыжах, не то на крыльях, замедленно, как птица. А за ней... За ней Андрей Гочев. Он один тогда на собрании слушал то важное, что ей хотелось сказать классу. Серьезный. Мягкий. Как-то вечером она увидела Андрея в своем подъезде. Гулко ухнуло сердце. Он подошел к ней и вежливо попросил:

— Вызови, пожалуйста, Таню.

Таня была из тех девочек, которых то и дело через подруг вызывают мальчики. Как он не понимает, какая пустая и глупая эта Таня?

Ночью она плакала и писала письмо в «Подружку». Письмо-неправду. Письмо со злости, потому неоправданно сердитое, несправедливое к товарищам. Так бывает, когда пером ведет обида...

«Подумаешь! — возможно, скажет кто-то из вас. — Ничего не произошло, мелкий случай». Да, но в нем отразилась сложность человеческого взросления. С ними Аля в какой-то момент не справилась. А многим предстоит справляться, и потому задумаемся над ее ошибками.

Все было у Али в восьмом по-прежнему. Рядом тихая мама, спокойный папа, «сладкая», уютная бабушка (как печет она пироги и плюшки!) и теплый четырехлетний братик Павлик. Рядом друзья по классу. Реального одиночества не было: со всеми разговаривала, ходила в кино. Но что-то нарушилось в этом общении, ей казалось, что ее не понимают, и одиночество поселилось в Але.

Так бывает на переломе (отсюда и «переломный» возраст).

Помните, Лев Толстой писал о «пустыне отрочества»? Да и все современные психологи, педагоги выделяют полосу одиночества, лежащую между детством и юностью. «Трудный» возраст потому и труден, и не только для отчаянных, сложных ребят — для послушных, благополучных, как Аля, тоже. Видит ярче, чем иной взрослый, все впервые, все открытые. А поделиться, погордиться, порадоваться своим обретенным не может, не умеет, не знает как. Для этого подчас надо заставить слушать себя, заставить уважать. Как? Детское естественное и простое, на любых условиях, вращение в коллектив уже не годится. Она, Аля, — личность и ощущает себя

личностью. У нее есть свои претензии к окружающим. Но как утвердить себя?

Когда мы подружились с Анной Андреевной, классным руководителем 8 «А», я показала ей Алино письмо. Как огорчилась она! Глубокими складками лоб над погрузневшими, недоуменными глазами.

— Тихая-тихая девочка. Почему же так. И о друзьях своих, о ребятах... — Задумалась. — Знаете... Я вовремя не встревожилась. А повилось в ней это... Понимаете, сосредоточенность на себе. Как выгляжу, какой меня видят, что обо мне говорят. Боязнь вызвать неодобрение. Вот когда Вера на соревнованиях сломала руку, все кинулись к ней в больницу. Аля — нет. Кто-то позвал: «Пойдем». Аля: «А вдруг ей не хочется меня видеть?» И кто-то из ребят очень точно сказал тогда: «При чем здесь ты? Человечек руку сломал...»

Как преодолеть в себе себялюбивую тревогу за свой престиж — она неизбежно ведет к внутреннему одиночеству?

...Большой советский ученый, физиолог и психолог академик Ухтомский ввел понятие «доминанта на лица», «доминанта на других». Это особый настрой человека, позволяющий понимать окружающих, жить их интересами, остро сочувствовать, откликаться на их боль и радость. Эту доминанту Ухтомский считал одним из условий гармонии личности и общества и утверждал, что создать ее в себе может и должен каждый. Начиная самовоспитание, юноша и девушка ставят цель: выработать волю, выработать принципиальность, честность. И здесь многое зависит от установки. Стать коллективистом по строю чувств и мышлению не просто. Художники тренируют свой глаз «на цвет» — ежеминутно, ежечасно, ежедневно. Вот так же тренировать надо и свой духовный взор: как-то тому, кто рядом? Не нуждается ли он в помощи, сочувствии? В чем может заключаться внутренний смысл его поступка?

И становится явным и бесспорным: чтобы достойно «войти в общество», избежать ненужных смещений, стать взрослым, растущему человеку надо много работать. Работать для других. Хорошее буднее слово «работать», делать дело, не требуя оценки и признания.

Работать — заметить усталую складку у маминых губ и постирать рубашечку Павлику. Работать — поспорить с Сидельниковым на собрании, защищая свои

мысли. Не потому что свои, а для дела. Когда человек хорошо работает, о нем говорят: «Забывает себя». А забывать себя ради других — формула личного счастья. Дар полной самоотдачи одному человеку, он не даст ему погрязнуть в тряпине мелких обид и счетов. Как правило, гармоничны, ясны, лично счастливы люди, страстно поглощенные не своими личными делами, а общим делом, общей целью, общей идеей... Революционеры, ученые, люди, горящие на работе, — кому живется труднее? Кому живется полнее? Кому счастливее? И не стоит плоско понимать термин «коллективизм». Как нечто внешнее. Так сказать, общее житейское — не мешай другим, соблюдай правила, и все будет как надо. Может, потому и ошиблась уменьшая и старательная Аля, что первую нравственную задачу она записала неправильно: «Дано: «Я и ОНИ». А надо бы: «ОНИ и Я». Тот случай, когда от перестановки слагаемых сумма меняется.

В последний день командировки я попросила Алю и некоторых ребят остаться поговорить. Ребята рассказывали о друзьях. Аля и я молча слушали.

— Спирина? (Помогу вспомнить, — та, что в Алином письме — «благоразумная королева») Умница. Увлекается литературой. Три воскресенья работали с Тамарой Яковлевной, оформляли кабинет литературы. Рисует здорово. Может быть, из нее выйдет писательница. Ну, как Коптлева.

— Полосников? Он добрый. Все отдаст другу. Жизнь у него тяжелая, отец пьет. Вот он и нервный. Часто смеется, а если чуть обидеть — может здесь же вдруг и заплакать.

— Сорокина? Трудовая. Видели на ней кофточку? Сама вязала. И сестренку всю обшила. Тугодумка, но она упорная, из четверочниц не выходит.

— Балбоков? Настоящий комсорг. Самый справедливый и за принципы свои стоит до конца. Вот кричать, приказывать он не умеет — разве это важно?

...Аля провела меня в гостиницу. Вечер был ранний и светлый, полнолунный. Серебрились Алины кудряшки, и видны были такие юные, такие смешные веснушки.

— Они все правильно говорили. Все правильно. И как так получилось (это о письме)? Что на меня нашло? Я подумала об этом, я буду думать...

И. КОШЕЛЕВА

ТРУДНО ЛИ ЛЕТАТЬ?

«Мы с подругой давно мечтаем заниматься планерным спортом. Но нам все говорят, что для этого нужна огромная воля. Воля у нас не железная, но мы очень любим небо. Скажите, это трудно — летать?»

Нина ДВОРНИКОВА, Ленинград.

Мне всегда кажется, что планерный спорт как бы специально создан для женщин: так он красив и элегантен. Длинные, узкие крылья, изящные очертания фюзеляжей, зеленое поле аэродрома, усеянное ромашками, голубая высь с белы-

ми облаками... От «квадрата», где ожидают своей очереди на полет планеристы, направляется к старту девушка в цветастой кофточке и шортах, забросив за плечи парашют. Она подходит к белоснежному планеру с экзотическим названием «Кобра», уверенно садится или, вернее, почти ложится в узкую кабину, и над стартом, усиленный динамиком, раздается ее четкий доклад: «Тринадцатая к полету готова!» Это мастер спорта, кандидат в члены сборной команды Советского Союза Светлана Гаврилова.

Света не страдает из-за своего «несчастливого» номера, напротив, убеждена, что тринадцать — везучая цифра. Помню, и на нашем аэродроме она впервые появилась тринадцатого июля. Сказала, что только что защитила диплом инженера-самолетостроителя в Харьковском авиационном институте, получила направление в Киев и сразу же пришла сюда, в Центральный авиаспортклуб Украинны, узнать, можно ли ей здесь летать. Так мы и познакомились.

Оказалось, что Света еще на первом курсе института поступила в Харьковский авиаспортклуб — такие клубы есть во многих городах при комитетах ДОСААФ, — потому что «с детства мечтала о небе». Правда, нас, опытных планеристов, такие мечтания никогда не приводят в умиление. Придет такой мечтатель раза два в клуб — и поминай как звали. Не так-то легко зимой, после работы, после учебы, трижды в неделю бегать на теоретические занятия. А летние поездки на аэродром? Они требуют еще больше времени. Такая нагрузка по силам человеку собранному, трудолюбивому, научившемуся все успевать. Так что, слыша от новичков о влюбленности в небо, всегда прикидываешь: а какой у тебя, брат, характер?

Света как-то сразу у нас прижилась, мы быстро оценили ее спокойствие, выдержку. Помню прошлогодние республиканские соревнования. Я, будучи капитаном киевской команды, очень беспокоился за Свету: ведь у нее еще не было опыта серьезных состязаний. Но в первом упражнении — полете по 200-километровому треугольному маршруту — Гаврилова показала скорость, которая превысила норматив мастера спорта, а она тогда еще не носила этот титул. Мы бросились поздравлять Свету с успехом, с нетерпением ждали, что же будет дальше. В ко-

нечном итоге из шести девушек, участниц соревнования, Света оказалась последней. Кое-кто начал ей сочувствовать. И только Светин тренер, мастер спорта международного класса Евгений Руденский, был спокоен, больше того, казалось, он был удовлетворен результатами ученицы и повторял с многозначительной улыбкой: «Проиграла — но как проиграла!»

Часто планеристки избирают пассивную тактику полета. «Цепляются» на старте за кого-то из асов и «висят» на хвосте, боясь принять в полете самостоятельное решение. Из таких не выходят хорошие спортсмены, хотя очки команде они и приносят. А Света проявила в полетах самостоятельный характер. Именно это и обрадовало ее тренера. Никаких поводирей, никакой робости перед неизвестным маршрутом! Знание штурманского дела. Выбор сложной тактики.

Умелая тактика в планерном деле очень важна. Планер — он без мотора, летает только благодаря энергии восходящих потоков воздуха. В них мы набираем высоту и планируем до следующего потока, снова набираем высоту — и дальше. Планирование от потока к потоку называется переходом. И очень важно делать такие переходы на повышенной скорости, то есть за счет быстрого и большого снижения планера. Средняя скорость полета при этом повышается. Но такой метод связан с риском потерять высоту, а потока не найти, тогда остается лишь выбрать подходящую площадку для посадки. Поэтому многие предпочитают летать потише, зато верней.

Света с первых же соревнований взяла курс на смелость, решительность. Ничего, что сделала несколько преждевременных посадок, которые и «потянули» ее назад. Просто пока не хватило опыта. А опыт, как известно, дело наживное.

Вот почему, когда речь зашла о молодых кандидатах в сборную СССР, Гаврилова была названа одной из первых.

«Упрямая, — говорят о ней уважаемые ребята. — Уж если поставила цель — добьется!»

Однажды мы целой группой летели по 300-километровому треугольному маршруту. Синоштики предупредили нас: возможны грозы. И действительно, не успели мы пролететь первый поворот, как середину «треугольника» начала затягивать грозная туча. Гроза развивалась быстро. Казалось, есть один лишь выход: переждать час-два в стороне, пока гроза уйдет с пути. Так многие и сделали. А Света, отчаянная голова, смело направилась к грозному облаку. Но не полезла в пекло, под молнии и град, а стала выжидать в предгрозовой зоне тучи. Потом, набрав высоту в две с половиной тысячи метров, ринулась к аэродрому с тыльной стороны грозного облака. Маневр был задуман смело и точно. Одною только не знала Света: ливень на этот раз был тропический, такой, что за потоками воды ничего не было видно. И Света совершила посадку в пяти километрах дальше заданной точки. А если бы она увидела аэродром, то на целый час опередила бы тех опытных асов, которые сумели в этот день долететь до финиша.

Мы радуемся бойцовскому характеру Светы Гавриловой. Верим, что принесет он ей много успехов не только в небе, но и на земле.

Виктор ГОНЧАРЕНКО,
мастер спорта

Маминны уроки

СУМКА ЗА ОДИН ВЕЧЕР

Хотите сделать сумку, какой ни у кого нет? Возьмите ткань поплотнее — подойдет и мягкое сукно, и кусочек драпа, оставшийся от пальто, и плотная рогожка, и лен, и вельвет. Выкроите два прямоугольника. Размер определите сами в зависимости от того, какую вам нужно сумку. Какую и для чего. Но помните: если вы роста небольшого, то и сумку делайте поменьше. Предположим, размер сумки 33 × 43 см или 25 × 32 см — в такую сумку войдут и книжки, и конспекты, и всякие необходимые мелочи. Подойдет она и для пляжных принадлежностей и для покупок.

Прежде чем шить сумку, подумайте, как ее украсить. Можно аппликацией. Прimitivesкий, непритязательный узор — какая-нибудь ромашка, бабочка, гриб, яблоко — что больше нравится. Для аппликации годятся яркие ткани любой фактуры, в клеточку, полоску или в цветочек. Настрочить можно на машинке. А можно узор вышить — гладью, стебельчатым швом, крестиком. Главное — краски должны быть сочные.

Вышивку расположите с одной стороны. Определите величину ручек — они могут быть и маленькими и длинными, чтобы носить сумку на плече. Пристрочите ручки к сумке и потом сшивайте прямоугольнички. Обработайте край — его можно украсить цветной полоской.

Сумку лучше шить на подкладке, которая кроится так же, как и сама сумка,шивается отдельно и потом на руках потайным швом прикрепляется к верхнему краю сумки. Постарайтесь, чтобы цвет подкладки гармонировал с тканью сумки.

Если вы умеете вязать, свяжите сумку из ириса, кроше, хлопчатобумажной нити, тесьмы или соломки. Крючком или на спицах. В полоску, одноцветную, ажурную. Посмотрите приложения в нашем журнале № 2 и № 3. Можно шить сумку из разноцветных кусочков ткани — «лоскутные» сумки сейчас модны. Не обязательно делать ее прямоугольной формы, она может быть круглой, овальной, напоминать кисет. Если вы вошьете «молнию» в верхний край, она будет закрываться; если сделаете клапан, застегивайте сумку на пуговицу или кнопку. Можно пристрочить к сумке — снаружи или изнутри — небольшие карманы — для кошелька, косметики, ключей, очков. Больше фантазии, изобретательности, и вы станете обладательницей очень модной сумки.

Света Гаврилова. Фото Ю. Сытника.

Молодые родители получили на вооружение еще одну книгу. Нет, это не методическая разработка по вопросам воспитания и не наставления старого педагога, решившего поделиться многолетним опытом общения с детьми. Это — художественное произведение, повесть. Называется она «Единственное мое оружие — любовь». Автор — Вячеслав Ковалевский (изд. «Советский писатель», 1973 г.).

По многим приметам повесть эта автобиографическая. Автор как бы рассказывает о себе, о своей семье.

Начало тридцатых годов. Карточки на хлеб, крупы и другие продукты первой необходимости. Малые заработки. Теснота коммунальных квартир. Из всех теперь нам известных видов городского транспорта только трамвай — ползущий, как черепаха, штурмом берущийся на остановках.

В такое вот время в Москве и появляется на свет мальчик Миша. У него мама и папа, тетя и дядя, бабушка и двоюродный брат Глеб, которому уже три года. Кажется бы, плакать не следует. Смотри, Миша, сколько у тебя родственников. Один устал возиться с тобой — другой подключился. Так незаметно и вырастешь, никому не в тягость.

Но... мама работает в двух больницах, приходит домой измотанная, еле держится на ногах. Она бы и рада заняться сыном, но и ему пора спать и у самой спяют веки. Тетя и дядя? Этим совсем не до Миши. У них не сложилась жизнь, и собственный сын Глеб, считай, растет без родительского присмотра, а тут — племянник. К тому же дядя в конце концов уходит из семьи, а тетя, тяжело заболев, умирает. И бабушка тоже не может всю себя посвятить внуку. Во-первых, он не один у нее, есть еще Глеб, теперь сирота. А во-вторых, на ее плечах все хозяйство: покупки, кухня, уборка. Глеб, конечно, незаменимый помощник. Но этот помощник еще очень мал — за самим нужен глаз да глаз.

И выходит, что из всех родственников всегда при Мише только отец. Он и нянька ему, и товарищ по детским забавам, и воспитатель. Но он еще и работать должен. Реферировать для наркомата иностранную техническую литературу по вопросам строительства гидроэлектростанций. Эта работа без отсыдки в учреждении, домашняя. Поэтому-то и легло на него главное бремя забот о сыне. А с некоторых пор — и о Глебе.

От имени отца и ведется рассказ. Записан он в виде дневниковых заметок: день за днем, месяц за месяцем — сначала только о Мише, о его трудном рождении, о борьбе за его жизнь, о бессонных ночах возле его кровати, а потом мы постепенно узнаем о семье, о квартире, о доме, что стоит на Тверском бульваре — в самом центре Москвы. И все ширится, ширится круг фактов, все обрастают ими — касающимися уже не только этой семьи, но всех советских семей — дневниковые записи: пятилетка, трудовой энтузиазм людей, строящих новую жизнь, поджог рейхстага в Берлине, бои в Испании, война...

Человек родился не в безвоздушном пространстве. Он родился в великое и жестокое время бурь, прокатившихся по земле. И время это накладывает на его рождение, на его только что начавшуюся сознательную жизнь свой — отличный от всех других — отпечаток.

Родители воспитывают не просто хороше-

го, доброго, честного человека, но прежде всего советского человека, равного среди товарищей, готового на помощь, на выручку, на то, чтобы заменить собой выбывшего из строя.

Эта общность сердец героев повести с родной страной, оказавшейся перед лицом гигантских свершений и гигантских опасностей, точно передана В. Ковалевским. Неустроенный быт, неважная одежда, скудная пища — ну что ж поделаешь с этим со всем! Зато построены Днепротэс и Магнитка, пущена первая линия Московского метро, на-

лять сыну так мало времени. Лишь по ночам, отгоняя усталость и сон, она читает дневники мужа, в которых он не только фиксирует каждый шаг ребенка, но и размышляет о природе его поступков, о воспитании вообще. Встречаясь в этих записях с мыслями, не отвечающими ее представлениям о том, как надо воспитывать ребенка в семье, она опасается, что безмерная любовь отца сделает из сына барчонка, человека, который захочет жить только для себя, не думая о других, об обществе, в котором он родился и вырос.

Очень ярко проявляется характер Марины и в случае с Иваном Разбойником. Иван — десятилетний мальчик из неустроенной семьи. Он растет без отца, мать видит редко, а бабушке-старухе с внуком справиться нелегко. Иван — сорвиголова, грубиян, вот-вот встанет на зыбкую тропинку. А мальчик способный, обожающий всякую живность — рыб, птиц, зверушек. И вот он в их доме. Ведет себя резко, грубит. Но Марина уверена: она в ответе и за этого мальчика. Умно и тонко, как с равным ведет она себя с Иваном. И добивается своего: мальчик полюбил ее семью, и семья его полюбила. Для Миши и Глеба стал он лучшим другом, бескорыстным и верным.

Беспокойство Марины, так ли муж воспитывает ребенка, можно понять. Но беспокойство это все же напрасно. Любовь не единственное воспитательное оружие Мишиного отца. Его любовь не слепая, он все время думает, размышляет, анализирует свои действия по отношению к Мише и к Глебу. Самое трудное для него — не выделять Мишу, чтобы не обижать Глеба. А Глеба обидеть просто, он раним, ревнив и не прощает, когда ему отводится в доме вторая после Миши роль.

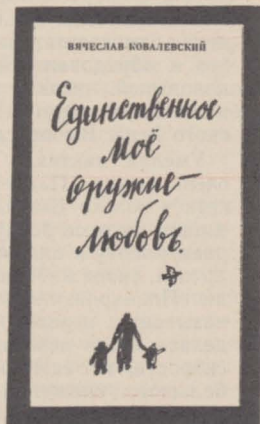
И усилия доброго взрослого человека не проходят даром: Глеб поверил в конце концов в своего нового отца, который чутко и предупредителен в обращении с ним. Ничем не подчеркивает он и своего «взрослого» преимущества перед Глебом. Они товарищи и единомышленники как в семейных делах, так и в делах общественных.

И все-таки есть у отца перед детьми одно преимущество. Преимущество защитника. Он защищал их от простуд, от дурного влияния и необдуманных поступков. А теперь их защитит от фашизма. Второй день войны. Надо идти в военкомат... На этом дневник обрывается.

Вряд ли надо напоминать, что слепое подражание неуместно в воспитании. И тем более обречена на провал попытка копировать воспитательные принципы, которыми пользуются в повести В. Ковалевского взрослые люди, родители, готовя к большой жизни своих детей. И время было другое. И «расстановка сил» в семье, о которой мы прочитали, была не совсем, что ли, стандартная. Да и вообще: семья семья рознь, как, впрочем, и человек человеку — тоже.

И все же молодым родителям (да и не только им!) мы настоятельно рекомендуем прочесть эту книгу. В ней много разумного, тонкого, точного — того, что, попав на благодатную почву, даст новые ростки, даст пищу нашим мыслям об отношении к детям, заставит задуматься и о нас самих — первых воспитателях будущего человека, жизнь которого должна быть еще разумнее, полней и радостней, нежели наша.

Ю. ВЛАДИМИРОВ

НЕ ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ

ши самолеты стали летать выше и дальше всех. Вот оно, настоящее счастье!

Да, именно так понимали счастье люди тридцатых годов. И в повести ощущается гордость автора за широту мировоззрения своего поколения. Герои В. Ковалевского — люди новой формации, новой морали. Рассказывая о них, автор вроде бы главное внимание уделяет их заботам и думам о собственных детях, но в памяти читателя не менее ярко запечатлеваются их, так сказать, общественное лицо.

Страницы повести «собирают» и удивительный образ жены ведущего дневниковые записи. Врач-психиатр Марина — человек самоотверженного характера. Она поглощена своей работой. Она глубоко убеждена, что многие из ее пациентов могут быть возвращены для нормальной жизни. Марина не однажды доказывает это. Умелым подходом к больным, страстным желанием вырвать их из лап недуга она добивается возвращения им трудоспособности, веры в то, что отныне и навсегда они станут такими же, как и все.

И дома Марина — все тот же общественный человек. Она страдает, что может уде-

ОБЫКНОВЕННАЯ БОГИНЯ

Юрий ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской и Государственных премий СССР

Журнал «Работница» предложил мне написать о Галине Сергеевне Улановой. А потом, когда я засомневался, удастся ли мне это сейчас, попросил взять материалы из моей статьи, которая входит в сборник «Учителя и ученики» и подготавливается в издательстве «Искусство».

Я перечитываю присланные мне листы из этой книги и с горечью понимаю, как неточны, несовершенны мои слова о Галине Сергеевне. Читать их сейчас, после того как появилось столько статей в связи с присвоением ей звания Героя Социалистического Труда мне досадно и больно: сколько же не рассказал я, о чем должен был рассказать. Для каждого, кто с ней общался в сфере искусства да, впрочем, и в жизни, это мудрый, непостижимо прекрасный учитель.

Журнал «Работница»! Да, может быть, это более чем правильно, чтобы о ней писала «Работница», так как первый урок, который своим собственным примером дает Уланова,— это ее преданность работе, труду. «Я все взяла трудом»,— повторяет она часто. И это правда. Труд Улановой — это труд высокий, труд вдохновенный.

«Без музыки нет искусства»,— сказала однажды Галина Сергеевна. Для нее это не просто слова, а «символ веры». И музыку она слышит во всем прекрасном, живом, ее окружающем мире. И в себе самой. Здесь, вероятно, и лежит объяснение ее танца, к которому так хочется обратиться слова Пушкина «Душой исполненный полет».

Говорить и писать об Улановой трудно, как о всяком сложном художнике. К какой аналогии обратиться, чтобы рассказать об Улановой — единственной, неповторимой, недостижимой? Я не знаю этого. И все же попробую. В осмыслении искусства Улановой мне, быть может, придет на помощь наша многолетняя дружба. Мне посчастливилось видеть, как Галина Сергеевна трудится, как воспринимает жизнь, оценивает свое и чужое искусство и что в нем ищет. Общение с Улановой, бесконечно поучительное для меня, стало величайшим счастьем моей жизни.

Уланова принадлежит не одному искусству, не одному балету. Она принадлежит сотням тысяч людей, разноязыкой и необозримой аудитории, видевшей ее на сцене и навсегда запомнившей эту встречу.

Уланова заставила нас по-новому взглянуть на сущность и возможность балета. Она уверенно и смело повела нас за собой к постижению красоты танца и красоты человеческой души. Она сделала Человека с его страстями, мыслями, мечтаниями и победами, смыслом и целью искусства хореографии.

...Детство Улановой не было слишком радостным — были трудные годы возрождавшейся после Октября страны, тяготы неустроенного, бедного быта ложились и на плечи девочки. Родители Гали, Мария Федоровна и Сергей Николаевич, артисты балета (впоследствии Мария Федоровна стала первоклассным педагогом-репетитором, чутким, внимательным и бескорыстным, ее с благодарностью вспоминают многочисленные ученики), по вечерам выступали между сеансами в кинотеатрах. Ребенка не с кем было оставить дома, и Галя везли в санках по морозным улицам Ленинграда, оставляли где-нибудь за экраном — ждать конца танцевального номера, с которым выступали родители, тосковать по дому, теплу, тишине и родительской ласке. Естественно, эти вечера не могли не запомниться девочке. И первые дни в балетной школе она чувствовала себя такой же покинутой, одинокой, несчастной, обреченной на незавидную судьбу, сходную с судьбой ее родителей. Галя рыдала, умоляла взять ее из интерната, но у добрейшей Марии Федоровны хватило выдержки и решительности. Начались годы учения, годы воспитания и развития танцевального дарования Улановой, годы труда, которые вернее всего назвать временем превращения «гадкого утенка» в Царевну-Лебедь.

Педагоги сомневались, выйдет ли из Гали танцовщица — уж очень она была хрупкой, — не были уверены, сумеет ли она освоить сложную танцевальную технику, и уж вовсе не угадывали в ней артистизм, ставили ей самые низкие оценки по мимике, ба-

летной выразительности. А «гадкий утенок» все очевиднее приближался к счастливому моменту преображения.

Галя росла дичком, держалась независимо, вела себя как мальчишка — любила лазить на деревья, бросать камни в воду, да так, чтобы они подпрыгивали по нескольку раз на водной глади. Интересно, что подружкой ее детства была Таня Вечеслова — чинная, скромная, воспитанная, украшенная бантиками и кружевами. Как все парадоксально обернулось во времени! Вечеслова превратилась в блестящую характерную танцовщицу, танцевальному стилю которой были свойственны какая-то особая, бесшабашная удаль, безудержный, смелый порыв. Уланова стала олицетворением девичьей стыдливости и лирического одухотворенного очарования.

Впервые я увидел Уланову в «Лебедином озере». Вокруг ее Одетты переливался сказочный, полупризрачный мир, и сама она была как бы порождением этого зыбкого, готового раствориться во мгле царства. Она была такой же, как все, и все-таки не совсем такой. Вокруг Улановой танцевали — Уланова жила. Ее Одетта существовала. И каждое движение балерины рождалось душевным движением, было поэтически осмысленно. В этом искусстве слились правда бытия (то, что Станиславский называл «органикой», а Пушкин — «истиной страстей») и вдохновение.

Существует мнение, что Уланова всегда «танцевала» любовь. Но какую! Любовь героинь Улановой — это полная самоотдача и безграничное доверие тем, кого они любят. Героини Улановой, не сомневаясь, идут след за избранниками к трагическому финалу или к счастью через страдания и жертвы.

Лирическая тема в искусстве Улановой звучала так напряженно, часто развивалась в трагической тональности именно потому, что прекрасные героини Улановой вступали в сложные, как бы чреватые катастрофами отношения с окружающим миром. О, они были непохожи — очаровательная, женственная, чуть кокетливая (вспомните ее полонез) Мария из «Бахчисарайского фонтана» и простодушная, наивно-беззащитная Жизель; поражающая истинно шекспировской свободой Джульетта (Уланова принесла в балет С. Прокофьева дыхание эпохи Возрождения и была в полном смысле «сопостановщиком» С. Радлова и Л. Лавровского) и самозабвенная, робкая почти до забитости Золушка. Однако всем им была свойственна особая, «улановская» задумчивость и возбудимость, внутренняя подвижность и могучая сила воображения.

В каждой роли Уланова была иной и в то же время сохраняла преданность своему пониманию человека, верность своему отношению к жизни. Она умела раскрыть духовное богатство своих героинь и делала это так, что в каждом образе звучала высокого напряжения этическая тема, каждый образ становился страстным призывом, обращенным в зал.

В улановской Золушке мне была особенно близка чистота ее, внутренняя целостность, бесспорная прочность ее нравственного мира, глубокая, естественная народность.

В «Золушке» Уланова рассказывала сказку со счастливым концом. В «Жизели» она раскрывала трагедию обманутого доверия. Жизель Улановой жила таким обостренным чувством счастья, так ценила, так длила каждое его мгновение! Но это не было опьянение любовью — ее Жизель знала цену счастья и именно поэтому была полна предостережений надвигающейся беды. Свет и тень, полнота бытия, трепетность, вера и сомнения, надежда и обреченность, наконец, прошлое, настоящее и будущее удивительно совмещались в образе, созданном Улановой.

Да, героини Улановой, рожденные для счастья, проходили испытание горем. Но даже погибая, они становились победительницами. Смертью своей утверждали несломленность духа, торжество добра.

Уланова — великая драматическая актриса со своей напряженной и возвышенной темой в искусстве. Она прекрасно угадывала роли, которые более всего подходили ее таланту, в которых она ощущала себя свободной и счастливой, — это были драматические роли. От ролей внешне затейливых, внутренне неглубоких она отказывалась.

Она мечтала о Снегурочке, Нине из лермонтовского «Маскарада», о шекспировской Офелии (эти образы ей так и не довелось создать), о тургеневских героинях и более всего — о Еле-

не Инсаровой. Она принимала участие в создании либретто по мотивам романа Тургенева «Накануне», и, вероятно, не случайно в волюнтаристическом финале тургеневского романа героиня приезжала вместе с мужем, болгарским революционером, к нему на родину и вместе с ним возглавляла восстание. Уланова хотела создать в этом балете образ волевой русской девушки. В этой неосуществившейся мечте — напряженные поиски идеала, связанного с жизнью, с реальностью и вырастающего из нее до высот нравственного подвига.

Улановой свойственно обостренное ощущение прекрасного в жизни и в искусстве. Особенно внимательна она к пластике человеческого тела. Она называет балет высшей техникой движений, одухотворенной, ярко выраженной мыслью, глубиной понимания. «Слова» балета — танцевальные движения, позы — создают балетмейстер и режиссер, но, выучив эти штрихи, овладев условной, «балетной» стороной образа, исполнитель принимает всю полноту ответственности на себя, приносит в образ неповторимое, индивидуальное, только ему одному присущее. Самым ценным в балете Уланова считает живое содержание, которое сквозит через танцевальный рисунок.

И сегодня Уланова приучает молодых балерин начинать изнутри, идти от жизни. Жизненные ситуации невозможно перенести в их первозданной естественности на балетную сцену, но они могут помочь в поисках внутреннего содержания, а порой — в нахождении внешнего пластического рисунка.

Ко всему этому Уланова пришла через собственный опыт, через свою творческую практику. Она танцевала сосредоточенно, собранно, самозабвенно. Она была словно бы погружена в самое себя, в творимый ею образ. Галина Сергеевна признавалась, что живет на сцене ощущением предельно искренней исповеди перед собой, перед зрителем. Уланова говорила: «Мне надо, чтобы передо мной был черный провал зрительного зала — как будто я одна в комнате, как будто меня никто не видит».

Мне вспоминается случай мгновенного озарения, которое пережила на моих глазах Галина Сергеевна, случивший редкий и поразительный для танцовщицы «вообще», но очень показательный и естественный для мудрого художника, потенциальной драматической актрисы Улановой.

В годы войны, в эвакуации, в далекой Алма-Ате я репетировала с актерами Театра имени Моссовета «Нашествие» Л. Леонова. Образ Федора был необычайно близок великолепному актеру Михаилу Федоровичу Астангову сложностью и тонкостью внутренней жизни, ее глубиной, трагичностью, противоречивостью. Но в тот день Астангов репетировал трудно — роль, как говорится, не шла. В зрительный зал заглянула Уланова. Прислушалась. Присела на несколько минут с края ряда. Задумалась, привычным движением поднесла палец правой руки к губам... А позже, вечером спросила, почему Астангову с таким трудом давался сегодня этот эпизод «Нашествия». И рассказала свое понимание образа и сцены. Я был поражен той точностью, с которой Галина Сергеевна определила побудительные причины слов и поступков Федора Таланова, как глубоко разобралась в том, чем живет герой в сложнейшей сцене, как верно оценила «предлагаемые обстоятельства». Просто и убедительно.

Уланову спрашивали:

— О чем вы думаете, когда танцуете Джульетту?

— Когда выходишь на сцену, нужно ни о чем не думать. Нужно жить. Все должно быть сделано на репетициях, во время спектакля все должно восприниматься как полная неожиданность. Если балерина выступает в течение многих лет в одной роли, она может ее возненавидеть, начнет танцевать механически, как бы повторяя затверженный урок. Это ужасно! К каждому спектаклю нужно внутренне подготовиться, пропустить через себя и забыть все, что учила. И когда я выхожу на сцену, ощущаю себя так, как будто танцую не твердо выученную роль, а впервые в ней выступаю перед зрителем.

В танце балерины жил свободный дух импровизации. Поэтому так часто партнеры Улановой из тех, кто привык к выучке, почти механическому исполнению от раза к разу одного и того же, терялись, танцуя с ней. Зато талантливым партнерам она помогала: с какой благодарностью говорили они об этой тончайшей импровизации, заражавшей их, помогавшей каждый раз заново жить в образе!

...Уланова встает рано. Включает музыку. Музыка вселяет в нее радость. Гимнастика: сначала физкультурная, очень напряженная, когда чувствуешь каждый мускул своего тела. В гимнастике есть что-то, что пробуждает желание внутреннего совершенства, делает утро светлым. Вот так и в искусстве Улановой: необходимость преодолеть технические трудности, победить косность человеческого тела рождала воодушевление, творческий порыв, а вдохновение приходило на помощь танцевальному мастерству, помогало осуществить самый сложный рисунок танца. Именно

это позволяло Улановой затмить своим искусством самых блестящих танцовщиц своего времени.

Не будет преувеличением сказать: талант балерины Улановой — это страсть к труду, великая преданность труду, одержимость трудом. Я не знаю художника, которому бы более, чем Улановой, пристали слова «служение искусству». Для Галины Сергеевны искусство — это не призвание и труд, это не тягелая обязанность, а органическая необходимость, дело всей жизни. В ее подвижническом отношении к труду, в нетерпимости к ремесленничеству и дилетантизму живет народная точка зрения на труд вообще и на искусство в частности: народ не терпит недочет, ленивых ремесленников, но ценит и уважает мастерство, учение, труд.

...Идет репетиция. Уланова — раскрасневшаяся, мокрая, в стареньком рабочем хитоне — стремится, чтобы непременно вышло каждое движение, чтобы была точно отработана каждая танцевальная фраза, каждая деталь.

Не вышло... В чем же дело? Надо понять причину. Еще раз. И снова неудача.

— Нет, сегодня не выйдет, устала. — Галина Сергеевна, остывая, прохаживается по залу. — Давайте еще раз попробуем. Последний.

И опять что-то не получается.

— Довольно, не могу больше. Не выйдет. Трудно даже ходить... Ну, еще раз, последний.

И так до тех пор, пока не получится. Побеждала несокрушимая выдержка Улановой, беспощадная нетерпимость к немощи собственного тела. Побеждала ненависть к словам «не могу».

Заканчивался спектакль. Медленно и трудно остывала Уланова. Разгримировывалась, принимала душ, переодевалась. А дома — нет ни кровинки в лице, усталость. Вот только что она казалась невесомой, словно сотканной из воздуха. Только что сияющая, со смущенной улыбкой, по-девичьи стыдливая благодарила зрителей (кто не помнит этих удивительных улановских поклонов!). А дома — ножные компрессы, ноги в наверхнутой на них ткани, боль, которую причиняет каждый переход с места на место. И глаза страдальческие, беспомощные. Кажется, жизнь ушла из Улановой. Усталость, усталость, усталость... Но завтра — снова класс, станок, у которого она будет работать без усталости и без пощады. И будет спрашивать случайно оказавшегося поблизости статиста: «Какие вы можете сделать мне замечания?» И будет внимательно слушать, не побежденная усталостью и болью. «Обыкновенная богиня» — как назвал Уланову Алексей Толстой. Недостижимая. И скромная.

Эвакуация. Алма-Ата. Галина Сергеевна выступает на сцене Театра оперы и балета имени Абая. А в свободные от спектакля часы, не жалея ни сил, ни времени, помогает молодым казахским балеринам. Вот она ведет репетицию с юной исполнительницей роли Одетты — Одиллии. С редкостной простотой, самозабвенно она показывает танцовщице все, что умеет, объясняет все, что знает, раскрывает ей секреты своего искусства. Перед оркестровой репетицией Уланова рядом с исполнительницей, проверяет ее костюм. Вот что-то случилось с туфлями: Уланова опускается на колени, перевязывает ленты и не замечает — действительно не замечает, как их обступают балерины и завороченно глядят на Уланову, стоящую на коленях перед молодой танцовщицей.

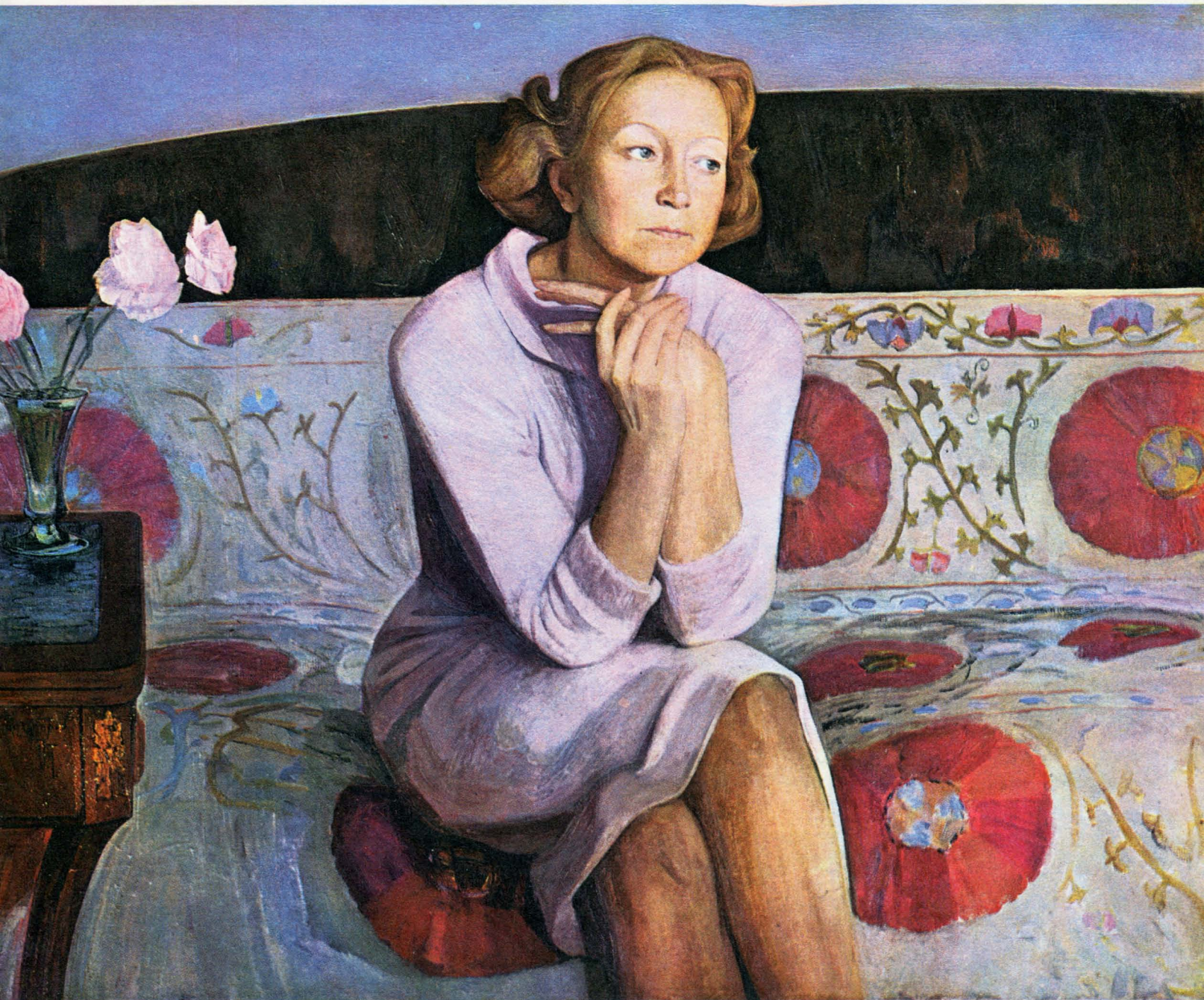
Я думаю, что душа неповторимого искусства Улановой живет в ее учениках и ученицах. В очаровательной Екатерине Максимова, выросшей под руководством Галины Сергеевны в первоклассную балерину со своей неповторимой и яркой индивидуальностью, в замечательном партнере Максимова, мужественном и одновременно необычайно лиричном Владимире Васильеве, хоть Уланова с ним непосредственно и не занималась, в прекрасной танцовщице, подлинном мастере Нине Тимофеевой, в хрупкой и сильной Малике Сабировой. Все они ощущают преемственность своего искусства по отношению к творчеству Улановой, все они и многие другие постоянно чувствуют удивительную работу Галины Сергеевны, ее искреннюю заинтересованность в их судьбе и успехах, ее щедрую, дружескую помощь.

Никогда не пользуется Уланова своим громким именем, которое во многих случаях могло бы служить ей волшебным талисманом. Она выше этого, слишком для этого уважает окружающих. Ее скромность так неподдельна, что и сейчас, когда я пишу о ней эти строки, я невольно испытываю чувство некоторого смущения. И, «выдавая» тайны Галины Сергеевны, я думаю о том неудовольствии, той досаде, с какими Уланова будет их читать.

23 декабря 1960 года Уланова в последний раз выступала на сцене Большого театра в спектакле «Шопениана».

Но ведь великое не кончается. Поэтому Уланова, и сойдя со сцены, остается Улановой. Ибо Уланова — это жизнь, это особый мир в искусстве. Это — незабываемое.

Это — чудо, которое не кончается для тех, кто был его свидетелем. Это — событие, составляющее целую эпоху в духовной жизни нашего общества. И имя этому событию, этому чуду — Галина Уланова!

О. ТИХОМИРОВА, Л. ТИХОМИРОВ. ГАЛИНА УЛАНОВА.

«МЫ НЕ МОГЛИ НЕ НАПИСАТЬ ЕЕ»

Семь лет художники Ольга и Леонид Тихомировы работали над портретом Улановой.

— Почему мы решили писать ее? — повторяет мой вопрос Леонид Петрович. — А как, скажите, мы могли не написать гениальную балерину, нашу современницу — это же все равно, что не сохранить для потомков Шаляпина или Ермолова, живи они в наше время.

Ответ, согласитесь, более чем убедительный. Тем более что здесь же в мастерской я вижу огромный групповой портрет покорителей космоса — Гагарин, Комаров, Королев...

— А непосредственным толчком для работы, — дополняет мужа Ольга Вячеславовна, — была встреча с Галиной Сергеевной в Большом театре на собрании творческой интеллигенции столицы. Встреча, о которой она, конечно, и не подозревает. Помнится, мы стояли в нижнем фойе и смотрели, как по широкой центральной лест-

нице стекала шумная, нарядная толпа. Мы сразу заметили в ней Уланову, привлеченную внимание светлой простотой своего костюма и какой-то застенчивой естественностью. В ту пору мы не были знакомы с ней, а познакомившись, удивились, насколько точно было то, первое впечатление. Не случайно свои работы (триптихи) мы решали в пастельных тонах, которые, пожалуй, точнее всего выражают неброский внешний и неизменно поражающий глубиной внутренний облик Улановой.

Но прежде чем встретиться с Галиной Сергеевной и уговорить ее позировать, Тихомировы больше года работали над эскизами, решая, как они выразились, «идею Улановой». Перечитали массу книг о балете, посмотрели не один спектакль Большого театра, сделали уйму эскизов.

— Нелегко было уговорить Галину Сергеевну позиро-

вать, — рассказывает Леонид Петрович, — занята она сверх меры, а главное, всегда смущается повышенным вниманием к своей особе. Но мы все же убедили ее позировать, доказав, что не случайно решили писать ее. Ну, а дальше уж все пошло много легче. Сама неутомимая в работе, Галина Сергеевна всегда преисполнена уважения и к чужому труду.

— Трудно судить о своей работе, — снова вступает в разговор Ольга Вячеславовна, — но нам хотелось выявить человеческую и творческую сущность Улановой, показать, что покой для нее чисто внешнее состояние, внутренняя же работа идет непрерывно, чем бы она в данный момент ни занималась.

...Первую часть триптиха, которому художники посвятили семь творческих лет, читатель видит на этой вкладке.

Е. ПАВЛОВА

ДЕТСКИЙ САД «СКАЗКА»

[г. Подольск, Московская область].

- Мой веселый, звонкий мяч...
- Олег и Таня — самые юные космонавты.
- Кусочек речки, кусочек моря — свой бассейн.
- — Скажи: «А-а-а», — просит Танечку старшая медицинская сестра Ю. Д. Левшина.

Фото Н. МАТОРИНА.

Круглый стол
«Работницы»

ЗАБОТА НАША ОБЩАЯ

Это немалая цифра — 10 миллионов! Более 10 миллионов наших ребятишек сегодня воспитываются в стационарных яслях и детских садах, да еще 5 миллионов — в сезонных. За этим фактом — многое. Не только то, что миллионы женщин-матерей имеют возможность работать, участвовать в общественной жизни. Но и другое: воспитывают ребенка, следят за его здоровьем и развитием специалисты, педагоги и врачи. Все реже случаи длительных карантинов в дошкольных учреждениях — в последние годы резко сократилось число инфекционных заболеваний. В два — два с половиной раза реже стали болеть дети, чем в 1960 году. Но все же и родителей, и врачей, и общественность беспокоят простудные заболевания детей. И особенно детей ясельного возраста.

Малыш заболел. Поднялась температура. Это значит — тревога дома, бессонные ночи родителей. Это значит — коллектив, где работает мама, будет лихорадить, ей надо найти замену — страдает дело.

«Скажу честно, — пишет в редакцию экономист судостроительного завода из г. Николаева Л. Красникова, — к женщине на мужском заводе отношение снисходительное. И причина — маленькие дети, которые простужаются и болеют. Могу привести данные: у 15 работниц нашего цеха, имеющих детей до пяти лет, потеря рабочего времени составляет 8,5%. В абсолютной величине — 266 дней за год».

Здоровье растущего человека. Покой и счастье его родителей. Нормальная жизнь производства. Все эти вопросы сплетаются в узел серьезной государственной проблемы. Как же бороться с простудой, провоцирующей острые респираторные заболевания, даже пневмонию? Как уберечь детей от простуды? Где «узкие места» в работе дошкольных учреждений? Об этом говорили в редакции участники «круглого стола»: работники детских учреждений, врачи и ученые — педиатры, работники органов просвещения и здравоохранения, представители министерств и ведомств, работники Госплана РСФСР и ВЦСПС.

1. —————

Это не преувеличение: каждый, буквально каждый выступающий говорил, что дети чаще простужаются в перегруженных детских садах и яслях.

...Представим себе зимнюю прогулку в таком детском саду. Пока воспитательница помогает одеваться последним детям, первые — одетые — успевают перегреться, вспотеть, чуть дунет на дворе ветер — и переохлаждение. Да и легко ли тут проследить за каждым: не развязался ли шарф, не промочил ли ноги, не ест ли снег? А, скажем, подъем малышек после сна — раскрасневшихся, «ожарких», их хорошо бы одеть побыстрее, но где тут успеть.

Каждый воспитатель знает: закаливающие процедуры важны и необходимы, но попробуй проведи их в перегруженной группе! Воспитатель стремится знать каждого малыша, чувствовать его состояние, а при перегрузке группы возможен ли индивидуальный подход? Повседневные житейские наблюдения работников детских учреждений убедительно подтверждают ученые.

Н. ЖУКОВА, директор НИИ педиатрии (г. Горький):

— Хронометраж работы персонала, который был проведен нашими научными сотрудниками, показал, что даже прекрасные сестра и няня способны хорошо обслужить в яслях лишь нормальную группу. Если же в группе детей больше, чем положено, значит, кто-то будет играть в мокрых ползунках.

Почему возникает «перенаселенность» яслей и детских садов?

Участники совещания были едины во мнениях: прежде всего из-за того, что многие области и республики из года в год не выполняют государственный план строительства детских комбинатов.

За «круглым столом» назывались старые адреса неблагополучия: Саратовская, Кемеровская, Калининская области, Казахская, Таджикская союзные республики. Не лучше дело обстоит и с вводом в эксплуатацию детских учреждений предприятий, министерств и ведомств. В прошлом году из 56 министерств 45 не освоили средства, отпущенные на строительство детских комбинатов. Назывались Министерство автомобильной промышленности СССР, Министерство газовой промышленности СССР, Министерство энергетики и электрификации СССР, министерства химической, мясной и молочной промышленности. Из-за невнимания хозяйственных руководителей к строительству для детей, из-за того, что строители не считают детские комбинаты объектами первоочередной важности, тысячи матерей лишены возможности нормально работать, тысячи малышей-дошкольников остаются за пределами яслей и детских садов.

Выступления участников «круглого стола» содержали совершенно конкретные предложения. Вот одно из них: считать «началом года» в детских комбинатах первое сентября. Если строители не сдадут к этому числу здание школы, в городе, в поселке — ЧП. Завершение же строительства детских учреждений, как правило, относится на конец года, идет в спешке, с потерями в качестве, а то и переносится «незавершенка» на следующий год. А комплектуются группы в дошкольных учреждениях обычно к 1 сентября, когда старшие дошколята становятся первоклассниками.

Начальник дошкольного сектора Мосгороно **Н. ДОРМИДОНТОВА** в своем выступлении показала, к чему приводит неравномерное размещение детских учреждений в городе.

Например, в микрорайоне Чертаново не хватает 5—6 тысяч мест, а в центре города

детские сады полупустые. Родителям приходится возить малышей в метро, в автобусах, трамваях. Это и лишние контакты и дополнительная возможность простудить ребенка.

2. —————

Другой круг проблем, поднятых участниками встречи в редакции, был связан с организацией медицинского обслуживания.

Около шести лет назад Министерством здравоохранения СССР был издан приказ № 340: врачи детских дошкольных учреждений переводились в штат районных детских поликлиник. Этим предполагалось открыть большие возможности для концентрации медицинских сил, улучшения специализированной помощи детям. Должно было... Но участники совещания единодушно отмечали: приказ № 340 пока не внес желаемых изменений в медицинское обслуживание детей, воспитывающихся в яслях и садах.

Л. БАКОНЕНКОВА, воспитатель детского сада (Москва):

— Врач теперь бывает в саду 5—10 часов в неделю. Это мало. Невозможно осуществлять ежедневный фильтр при приеме детей от родителей. Редкими стали профилактические осмотры детей: в яслях два раза в год, в саду — один. Да и результаты этих осмотров часто не доводятся до работников яслей, сада, до родителей ребятишек.

М. УСТИНОВИЧ, врач детской поликлиники № 42 (Москва):

— Раньше я знала хорошо не только каждого ребенка, но и каждого родителя. А теперь из-за отсутствия времени нарушились эти контакты. Как же в условиях таких добиваться улучшения индивидуальной профилактики здоровья ребят?

Участники «круглого стола» говорили о том, что при нынешнем положении дел нужна четкая организация работы педиатров и поликлиник. К сожалению, детские учреждения пока не ощущают постоянной, систематической помощи поликлиник. Редки специализированные осмотры психоневрологом, отоларингологом, окулистом. Слабо распространяется лучший опыт работы врачей в новых условиях. На практике «медицинский фронт» в детских садах и яслях ослаблен.

Выступавшие говорили и о тех возможностях, которые не используются для улучшения медицинского обслуживания. Простое дело — изолятор. Казалось бы, заметишь у ребенка признаки насморка, легкой простуды — изолируй его от группы. Глядишь, и болезнь в самом зародыше захватили, лечение не будет длительным, и другие дети не будут в контакте с заболевшим. Комнаты для изолятора отводятся всюду, но практически их не используют: нет в штате детского учреждения человека, который мог бы побыть здесь с заболевшими малышами до выяснения диагноза. Не требуется убеждать, что работа изолятора — это и точность в принимаемых мерах по пресечению инфекции и возможность поддерживать в изоляторе чуть прихворнувшего ребенка, понаблюдать за ним, полечить, не срывать мать с работы.

3. —————

На совещании в полный голос говорилось о том, как зависит здоровье наших малышей непосредственно от тех людей, кому они доверены. Няня, сестра, воспитатель, повар, заведующая могут сделать — каждый на своем месте — очень многое. Речь шла об их ответственности. Об их возможностях. Часто в выступлениях звучало простое, привычное и такое емкое слово — «добросовестность». Когда она есть, все в порядке. Но если она ослаблена, тогда...

Кто виноват, что в детском саду неделю не было прогулок? Воспитатель. Не полени-

Н. П. Жукова

Г. М. Луныянова

Е. Н. Сазонова

Н. В. Дормидонтова

М. С. Устинович

Л. И. Баконенкова

Л. А. Страшникова

Р. А. Курбатова

И. Х. Бужера

лась бы, дети были бы румянее и закаленнее. Кто виноват, что питание поставлено нерационально, мало в меню летом овощей? Чаще всего заведующая — похлопочи она в пищеторге, наверняка бы дали лучшие продукты: детям же! Кто виноват, если в игровой комнате сквозняк? Няня.

Работники детских учреждений относятся к той категории людей, чьи дела не вмещаются в память о должностных обязанностях. Потому что материнское отношение к детям — это настрой, это бесчисленное количество маленьких и важных дел. Вот пример, приведенный на совещании. Говорилось об адаптации малыша, только что принятого в ясли или сад. Ученые обращают внимание, что момент этот для многих малышей связан с определенной психической перегрузкой, которая может привести к общему ослаблению организма ребенка. Особенно труден для адаптации возраст от 9 месяцев до полутора лет — именно тот, когда малыша чаще всего и отдают в ясли.

Работники детского комбината № 406 Черемушкинского района столицы решили встречаться с родителями еще до того, как дети попадут на их попечение. Воспитатели бьются в семьях, знакомятся с малышами, отлаживают домашний режим, учат маму проводить процедуры закаливания. Результат налицо — малыши и в яслях болеют реже.

Наверное, нет его, единственного совета, который помог бы разом решить проблему простудных заболеваний детей. Наверное, вот так, со всех сторон, шаг за шагом надо добиваться результатов.

Ведь есть сады и ясли, где дети почти не болеют! Родители отлично знают эти учреж-

дения в своем районе, в городе, именно сюда стремятся устроить своих ребят. К таким относится детский комбинат № 133 завода автоматических линий г. Москвы. Его заведующая Е. Сазонова не делала секрета: из того, как удается избегать заболеваний ребят.

— В прошлом году у нас простудных заболеваний практически не было. Да, наш сад имеет хорошую материальную базу, завод делает все для детского комбината и его работников. Но главное в том, чтобы каждый воспитатель по-матерински относился к детям. Сегодня в групповой комнате прохладно, значит, нужно малышей спать уложить побыстрее, а поднимать по одному, помогая скорее одеться после теплой постели. У хорошего воспитателя, как у мамы, — «чутье» на малыша.

4.

Но речь шла об ответственности за здоровье ребят и в более широком плане. Наверное, нет дела более всеобщего, чем забота о малышах и их первом коллективе. Долг рабочий переплетается с долгом гражданским, гражданский — с родительским.

А на совещании вновь говорилось, что два основных хозяина детских дошкольных учреждений — Министерство просвещения и Министерство здравоохранения — не могут выработать единой линии в своей деятельности, решить вместе вопросы, связанные с улучшением обслуживания дошкольников.

Один из них — вопрос о кадрах. Кто готовит кадры? В яслях ребят воспитывают в лучшем случае медицинские сестры общего профиля, без специализации по детству. А нередко работают люди вообще без специального образования, как метко сказал один из участников совещания, даже без

того «техминимума», который позволяет заниматься детьми.

Лучше поставлена подготовка кадров воспитателей для детских садов, но и здесь не все проблемы решены. В педагогических училищах даже таким специальным предметам, как физиология, психология дошкольного возраста, отводится мало времени, нет практических занятий.

Труд сестер — воспитателей яслей пока оплачивается ниже, чем труд воспитателей в детском саду, отпуск у них меньше. А работа с детьми ясельного возраста требует не меньших усилий и не меньшей квалификации.

Оба хозяина — и органы здравоохранения и органы народного образования — отдали на волю случая подбор других работников для дошкольных учреждений. А ведь здесь нет «нейтральных» людей. Надо ли доказывать, что здоровье ребят зависит от повара. Повар в яслях — это человек, знающий особенности детского питания. А курсов для таких поваров пока нет.

Многие выступающие подчеркивали: межведомственная недоговоренность наносит большой вред делу, с ней пора кончать.

5.

Целый ряд выступлений можно было бы объединить заголовком: «Там, где о детях заботится общественность».

Мы знаем, какие огромные возможности имеют промышленные предприятия для улучшения условий в детских комбинатах. «Ведомственный» детский комбинат — это, как правило, дополнительные средства на оборудование, питание, игрушки, это премии и тринадцатая зарплата воспитателям. Это

заботливое внимание к яслям и садам администрации предприятия, общественных организаций.

Г. ЛУКЬЯНОВА, председатель женского совета ЗИЛА, рассказала:
— На нашем огромном заводе о детских учреждениях никто не забывает. Недавно по просьбе директора завода женский совет со своим активом детально проверил работу всех яслей и садов. По результатам обследования директор издал приказ с конкретными мерами — они направлены на то, чтобы улучшить условия, в каких растут наши дети.

Фабричные и заводские комитеты профсоюзов, комиссии по работе с детьми и подростками, женские советы со своим активом — большая сила. Об этом говорили участники «круглого стола». Но как часто общественные организации обделяют вниманием дошкольные учреждения, ограничивая свое участие в их работе простым распределением мест! А возможностей активного вмешательства в дела дошкольные куда больше.

Когда на совещании шла речь о помощи общественности детским учреждениям, имелись в виду не только ведомственные комбинаты, но и городские ясли и сады. Действенно заниматься помощью школе стало законом жизни любого промышленного предприятия, на дошкольные же учреждения шефство, увы, распространяется редко. А отдача от него может быть большой.

Простой пример. На совещание в редакции заведующая комбинатом № 325 «Ромашка» из г. Горького Л. Страшникова привезла альбом фотографий, на которых запечатлены ребята в живописном уголке города: зеленом, ярком. Вот что рассказала **Л. СТРАШНИКОВА**:

— Одна из причин простудных заболеваний — плохо организованная прогулка. Прогулка непродуманная, скучная. Как сделать ее живой, чтобы ребята не стояли на месте, не мерзли и в то же время что-то узнавали, чему-то учились?

Нашим детским садом руководит отдел народного образования. Но есть у нас и шефы — институт «Сельэнергопроект». Шефы оборудовали нам площадки и групповые помещения. Здесь бумажки и стенды для лазания, качели и нарусели, небольшой бассейн. Зимой нам помогают заливать каток.

Очень интересным нам кажется опыт Министерства легкой промышленности СССР, где создан методический совет по руководству дошкольными учреждениями. О нем рассказал **И. БУЖЕРЯ**, начальник жилищно-бытового отдела:

— Сегодня, когда детские учреждения берут на себя все более сложные функции по воспитанию детей, все больше прикладывают усилий для того, чтобы вырастить людей гармоничных, здоровых, им просто не обойтись без привлечения общественности. Всех тех, кто работает «на детство». Время кустарных решений на час, на день прошло. А там, где речь идет о перспективе, где все надо продумать, ум хорошо, а много — лучше, одно усилие — хорошо, а общее — лучше.

В нашем совете 45 человек — педагоги, медики, архитекторы. На совете, например, были рассмотрены новые проекты детских комбинатов и рекомендованы лучшие из них. Известно, как часто проекты эти выбираются случайно и неудачно.

И, наверное, основную мысль, основной мотив выступлений участников «круглого стола» точно выразила начальник Управления дошкольного воспитания Министерства просвещения СССР **Р. КУРБАТОВА**:

— Если мы будем привлекать к дошкольным учреждениям внимание самой широкой общественности, наши усилия увенчаются успехом. А успех — это здоровые дети, наше будущее.

Н. ГАВРИЛОВА, методист по дошкольным учреждениям Министерства нефтехимической промышленности СССР, **И. ЯКОВЛЕВА**

«Безрадостный» документ

Для работников часовой гарантийной мастерской № 30 города Перми гарантийный талон — крайне безрадостный документ. При виде талона у них буквально опускаются руки.

— Деталей нету и не ожидается, — холодно проинформировали часовых дел мастера владелицу будильника Соловьеву. Тогда гражданка Соловьева, сменив что к чему, пошла на хитрость. Через некоторое время она снова явилась в ту же мастерскую с тем же будильником, но о талоне умолчала.

— Рубль восемьдесят, — молниеносно осмотрев будильник,

сказал приемщик. — И будет, как в аптеке.

— И детали найдутся? — поинтересовалась гражданка Соловьева.

— Само собой, — уверил ее приемщик. — Без деталей никакой ремонт!

И тут-то хитрая клиентка вынула из сумочки талон.

Увидев талон, приемщик замахал руками:

— Забирайте будильник. Кончились у нас детали.

Ну что тут подлаешь — не лежит душа у работников мастерской к гарантийному талону!

Рисунки О. КОРНЕВА.

ПЕРСОЛЬ

Объявление

ПРОШУ МОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ:

«А НЕЧИСТЫМ ТРУБОЧИСТАМ — СТЫД И СРАМ! СТЫД И СРАМ!» — ВРЕМЕННО НЕ РАСПРОСТРАНЯТЬ НА НЕУМЫТЫХ ДЕТЕЙ ПОСЕЛКА ЧИВИЖЕК, КУРАГИНСКОГО РАЙОНА, КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ, ТАК КАК ДЕТИ НЕ ВИНОВАТЫ. ВЕСЬ «СТЫД И СРАМ» ПРОШУ ВОЗЛОЖИТЬ НА ТРГОВЫХ РАБОТНИКОВ, КОТОРЫЕ ЗАБЫЛИ ЗАВЕЗТИ В ПОСЕЛОК МЫЛО.

МОЙДОДЫР

САМОЕ ТРУДНОЕ

Что на свете самое трудное? Одни — скажут — поднятие штанги, другие — прыжок с парашютом, третьи — изучение японского языка.

Для мужчины, вкусившего хоть один раз все прелести домашней стиральной машины, самое трудное — стирать и гладить обыкновенный пододеяльник. Это изматывающее занятие вселяет в мужчину уважение к службе быта, а именно к прачечным. Мужчина начинает понимать, что прачечные расширяют женщину, а их отсутствие, наоборот, закрепощает ее.

Руководящим мужчинам города Луховицы, Московской области, очевидно, никогда не приходилось выкручивать пододеяльник. Они, должно быть, ни разу не колдовали над ним с утюгом в руках. И наверное, поэтому единственный в городе пункт по приему белья в стирку второй год на замке. Ближайший — в Коломне, за тридцать километров.

УТОЛЕНИЕ ЖАЖДЫ

В жаркий полдень на эстакаде нефтепромыслового управления имени А. П. Серебровского появился передвижной буфет.

— Что у вас сегодня, тетя Поля?

— Пирожки, котлеты, вода...

— Вода — это как раз то, что надо! Бутылочку, пожалуйста.

В бутылочке прозрачной, как слеза, минеральной воды «Сираб» плавал...

— Скорпион! — ахнул кто-то.

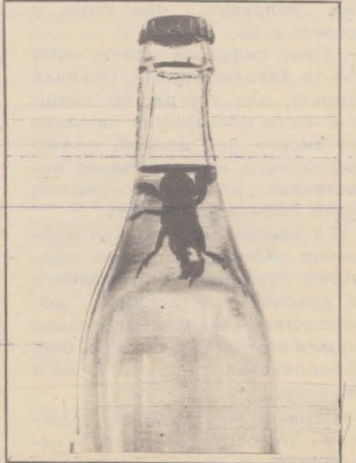
— Фаланга, — уточнил другой.

— Да это просто медведка, — вступил в спор третий.

— Кто б ни был — «Сираб» я больше не пью, — сказал четвертый.

Оживленный спор продолжался, но нефтяники так и не смогли определить, к какому отряду, роду, виду принадлежит членистоногое насекомое размером полтора на пять сантиметров, не считая размаха лапок.

Быть может, работники Нахичеванского завода минеральных вод утолят любознательность покупателей и сообщат, кого они послали в торговую сеть в качестве рекламы своей продукции?

ТАК ПОВЕЛОСЬ

Читая о войне, замечаю одну интересную деталь: герои, стоит чуть-чуть затихнуть орудиам и наступить хотя бы короткой передышке, вспоминают о доме, о том прекрасном и таком далеком мирном времени, когда вся семья собиралась за вечерним столом и чаевничала... «В самые трудные минуты, когда, казалось, все кончено или кончится в следующее мгновение и нет уже ни одной зацепки за жизнь, мы находили в письмах из дома НЗ — неприкосновенный запас жизни.

У меня не сохранились мамини письма. Я не запомнил их наизусть, хотя перечитывал десятки раз. Но в памяти жива картина родного дома, которая возникала из маминих весточек, — размышляет об этом трудном военном времени герой рассказа Юрия Яковлева «Сердце земли». Вспоминаются и случайные события, моменты, происшествия. Но чаще то, что было постоянным в жизни семьи, стало традицией, любовно поддерживаемой и охраняемой всеми домочадцами. У одних это был зеленый, счастливый Первомай: после демонстрации уезжали в пригородный лесок всей семьей — ближние и дальние родственники, у других семейные вечера, на которых много пелось песен, у третьих — вечерняя прогулка по иллюминированному городу в Октябрьский праздник. Чем-то устоявшимся, прочным веяло от этих традиций, их невозможно было предать, не защитит от немецкого фашизма. И люди стояли насмерть. Из малых, глубоко личных ощущений рождалось громадное чувство Родины.

И потому это величайшее достижение нравственной культуры человека — традиции народа, традиции семьи. Они не просто обогащают духовный мир человека, они стоят у истоков его.

...Олег сидел на уроке, явно чем-то взволнованный. Отвечал хорошо, как всегда, но слишком часто поглядывал на часы, что висели над доской, прямо против него, и нетерпеливо переставлял ноги под партой, будто собирался бежать.

И в самом деле, только прозвенел звонок, он ловко подхватил портфель и направился за девочками в кабинет... домоводства. У мальчиков уроков труда в этот день не было, они, обрадованные, неслись вниз к вешалке.

«Странно, — подумала классная руководительница, направляясь к учительской, — что

это Олег не в ту сторону завернул!»

Открыла дверь и обомлела: засучив рукава, подвязавшись каким-то немислимо ярким фартуком, Олег месил тесто. Щеки и нос у него в муке, а глаза от удовольствия превратились в щелчки.

— Это как прикажете понимать, Олег?

— А мне Вера Петровна разрешила.

— Ему разрешили! Правда, разрешили! Завтра его папа приезжает, а дома нет никого. Печенье мы испечем вместе! — неслось со всех сторон.

— Да. Папа совсем не ожидает, что будет как всегда: ведь мама-то в санатории, — объяснил Олег.

— А после и маму вы встретите с печеньем. Ты опыт приобретешь и передашь его папе, — пошутила учительница.

— Нет. Мама любит не печенье. Мы уберем с папой весь дом, вычистим раковину и ванну и поставим хоть какой-нибудь цветок или веточку на ее стол. Ей главное — цветы. Мы с папой знаем, что ей приготовить, когда она откуда-нибудь возвращается домой...

Много или мало это — любимое печенье для папы в день его приезда домой и зеленая веточка на маминим туалетном столике?

И мало. И много. Мало потому, что не так уж трудно и сложно это сделать. То есть даже совсем не трудно и не сложно. И много в то же время. Потому что в этой любви к близким людям — истоки любви к Человеку.

Олегу есть что нести с собою в свою взрослую жизнь: тепло, и надежность, и поэтичность домашнего очага. Наверное, счастливой будет девочка, которая станет его любимой, наверное, хорошо будет и тем, кто станет с ним рядом работать или жить по соседству.

Отягощенные грузом домашних дел, в вечной спешке и торопливости, мы порою не умеем отодвинуть не слишком существенные дела (они зачастую нам только кажутся столь важными и существенными), чтобы подумать над формированием нравственных устоев семьи.

Конечно, семейные традиции и обычаи не установишь ни с того ни с сего, не введешь просто так, единоличным и единовременным решением. Не скажешь, к примеру: с этого понедельника у нас начнутся еженедельные музыкальные вечера. Нет, обычаи — просто

наглядные, видимые вехи содержательной внутренней жизни маленького коллектива — семьи. Потому что лишь повседневная атмосфера этой жизни может рождать обычаи. То, что не забывается, что остается в сердце, в памяти, становится частью нас.

Вот, например, событие не повторяющееся, единственное в жизни: нынешней весной 12 семиклассников одной из воронежских школ вступили в комсомол, как и тысячи других их сверстников по всей стране. Как отнеслись дома к этому важнейшему событию в жизни подростка? Этот вопрос заинтересовал педагогический коллектив школы. Всему классу было предложено письменное домашнее задание — сочинение на тему «Мой вчерашний день». О чем же рассказали те, кого приняли в комсомол?

Они очень живо и взволнованно описали прием, душевное напряжение и волнение ответственных минут: «Нас принимало все бюро. Я так волновался, что все члены бюро были у меня как бы одним лицом. Потом секретарь поздравил нас. И мы пошли домой». На этом заканчивались события вчерашнего дня у половины вступивших. Шестеро из них написали еще и другое.

Миша Д.

«...А потом я пришел домой. Папа пожал мне руку как взрослому, а мама расплака-

лась. Говорит, что незаметно вырос. Потом все вместе — я, отец и мама — поехали на Задонское шоссе к могиле Неизвестного солдата, положили на нее красные тюльпаны. Я долго не мог уснуть. Думал о себе, о том солдате, потом встал, потихоньку, включил радиолу, послушал свою любимую песню «За того парня». Мама не рассердилась; наверное, уже спала и не слышала».

Александр К.

«Когда я пришел из РК домой, у нас уже сидел дедушка при всех своих орденах. Я сразу догадался, что он сегодня пришел к нам из-за меня. Дедушка подарил мне книгу и свою старую пилотку, еще с фронтовых времен. Потом мы немного гуляли, и он все время называл меня полным именем — Александр. Вот и хорошо, а то надоело вечное: «Сашуня, Сашуня».

Галя А.

«Мне хотелось поскорее дождаться маму — как хорошо было на душе! Я знала, что дома увижу праздничный стол, маму в нарядном платье (такая у нас традиция). Мы с ней чаевничали долго-долго и обо всем говорили. Потом она ушла в спальню и принесла мне подарок — часы! Как я о них мечтала! Мама сказала: «Цени время, оно необратимо». И я как-то впервые по-настоящему

Фото И. Константинова.

— Мама, завтра у нас диспут.

почувствовала действительно необратимость времени: положила чайную ложку на стол — нет уже секунды. Посидела просто так, уставив глаза в потолок, — нет десятков, сотен, тысяч секунд! Мне стало страшно. Захотелось вскочить и что-то сделать. Скорей! Скорей! С завтрашнего дня все начну по-новому, буду считать каждую минуту!»

Тот случай, когда день, один день, поднялся до самых высоких семейных традиций, самых крепких...

Заметили? Во всех случаях, где в семье этот день «нашел продолжение», он оставил след в нравственном становлении личности детей. В данном случае — в формировании их гражданской позиции.

И это прекрасно и очень значительно, что истоки формирования гражданских чувств уходят своими корнями в семью, в ее традиции. Как и доброта, красота, совесть. А в самом деле: мы хотим вырастить детей добрыми по отношению к людям? Научим их быть добрыми по отношению к родителям. Мы хотим воспитывать в них любовь к людям? Но пока они еще малы, дадим им почувствовать, как их любим мы.

Давайте, оставив в стороне правильные и очень логичные наши рассуждения о проступках и наказаниях, о наших бедах и победах в воспитании детей, давайте вспомним о самом главном в воспитании — о любви нашей к детям. Просто о любви.

А это совсем не просто. Ведь именно наша родительская любовь и есть та атмосфера, в какой легко родиться добрым традициям. Мы любим сына. Значит, его большой день — он стал комсомольцем — и наш большой день. Вот они, вот где истоки семейных обычаев: вместе радоваться, вместе идти по жизни.

Несколько лет назад, как-то поздно вечером, зная, что утром надо рано уходить на работу, я давала дочке указания на целый день. Потом, видя, что она почти сонная и с трудом соображает, я сказала, что оставлю записку с подробными рекомендациями, как ей жить и чем заниматься в течение дня. Она улеглась. Почти заснула. Потом, приподняв голову с подушки, сказала просительно:

— Мамочка, только ты напиши в конце записки «люблю».

Я даже растерялась немного. И она, видя эту мою растерянность, добавила:

— Мне тогда весь день хорошо и делать все хочется.

Идут годы. Дочка растет. А я все пишу в своих записках дочери «люблю». По чувству. И по маленькой нашей традиции.

М. КАРТАВЦЕВА,
учительница

г. Воронеж.

ГРИБЫ КРУГЛЫЙ ГОД

И снова грибной сезон. Особенно упорные грибники хаживали с луношкой в лес, на «третью охоту», и раньше — в июне, даже мае. Но настоящие грибы появляются лишь сейчас, когда лето переломилось и осени.

Основные виды заготовки грибов — сушка, засол, маринование — известны истари. Мы попытались из всего многообразия рецептов и способов, бытующих в разных районах и областях, выбрать самые рациональные с точки зрения медицины и кулинарной технологии.

СУШАТ грибы обычно в слабо нагретой духовке, при температуре 60 — 75°, или на солнышке, на сивозняке, а когда подсохнут, нанизывают на нитки и досушивают над плитой или возле батареи. Хранят сухие грибы в пластиковых мешках или стеклянных банках, закупоренных наглухо, без доступа воздуха.

Сушеный белый гриб — вкуснейший из всех сухих грибов.

Сушить подосиновники и подберезовики не стоит: они теряют свой вкус и аромат, и бульон получается темный, неаппетитный. Хорошо сушить маслята, осенние опенки. Есть еще грибы, подходящие для сушки, жаль только, что их редко кто собирает, — дождевик и его разновидности: головач, порховка, звездчатка. Но сушить можно только молодые, с белой мякотью. Бульон из таких сухих грибов, может быть, и уступает бульону из сушеных белых, но тоже прозрачный, ароматный и питательный.

СОЛЯТ грибы двумя способами: холодным и горячим. При холодном грибы отмачивают 2 — 3 дня, затем солят, через месяц-полтора можно их есть.

У этого способа много сторонников, я не принадлежу к их

числу. Убеден, что при горячем способе грибы получаются крепче, вкуснее, не крошатся, дольше хранятся, и есть их можно без опаски. Только не стоит варить долго — слегка отварить, а потом охладить.

Грибы моют, опускают в кипящую воду и держат на огне не больше 5 — 8 минут, снимая пену. Затем опускают в холодную воду, отжимают и солят (на 1 кг отжатых грибов 30 — 40 г соли).

Лучше солить грибы в эмалированной или стеклянной посуде. Хороши и деревянные кадочки — только не осиновые. Специи традиционные: чеснок, укроп, лист черной смородины или петрушка — но немного, чтобы грибы не потеряли свой собственный вкус и аромат. Перец, гвоздику, лавровый лист лучше в соленые грибы не класть. Есть грибы можно через две недели, а сыроежки раньше — через 5 дней.

Горячий способ пригоден для засолки всех грибов, включая рыжики, грузди, свинушки. Рыжики кипятят 4 — 5 минут, свинушки — 8 — 10. Истари, для свинушек (а также горькушек, млечников) возможен только горячий засол. Неправы те, кто утверждает, что свинушки в засоле чернеют: грибы окисляются от воздуха, их надо сразу же перебрать и опустить в холодную воду, тогда они не потемнеют.

МАРИНОВАТЬ грибы лучше всего так: моют, отбирают небольшие, крепкие грибочки, крупные режут на дольки и опускают в холодный маринад (столовый уксус, наполовину разбавленный водой). Любители слабого маринада могут взять две трети воды на треть уксуса. Маринад вместе с грибами (он должен покрывать грибы) кипятят 25 — 30 минут. Когда заки-

пит — снимают пену, а за 10 — 15 минут до окончания варки добавляют специи: гвоздику, душистый перец (но не горький, черный), лавровый лист или сельдерей и петрушку. По вкусу — соль и немного сахара. Чтобы грибы были красивые, светлые, можно на литр маринада положить 1 г лимонной кислоты.

Когда грибы сняты с огня, их откидывают на дуршлаг, сливают излишний маринад и горячими раскладывают по банкам. Банки доливают доверху маринадом, чтобы не осталось места для воздуха, и закупоривают пластмассовыми крышками.

И, наконец, новый, пока мало известный способ — **ЗАГОТОВКА СВЕЖИХ ГРИБОВ ПУТЕМ СТЕРИЛИЗАЦИИ**. Для этого пригодны все грибы, которые можно тушить, варить. Но предупреждаем: соблюдать все правила стерилизации нужно очень строго, иначе не получится первоклассного и полностью безопасного для здоровья продукта.

Грибы моют, чистят, режут дольками шляпки (ножки — только у молодых грибов) и варят в кастрюле, долив немного воды, на слабом огне. Когда грибы начнут выделять сок, огонь прибавляют. Тушат грибы 25 — 30 минут, снимая пену, солят по вкусу. Затем откидывают грибы на дуршлаг и немедленно горячими раскладывают в стеклянные банки, заполняя их до самого верха. Доливают еще горячим бульоном, чтобы заполнились все промежутки, и сразу же закатывают жестяными крышками. Теперь можно стерилизовать, чтобы уничтожить содержащиеся в грибах бактерии.

Удобнее всего стерилизовать пол-литровые и литровые банки. Их ставят в большую кастрюлю или таз с водой — так, чтобы вода на полтора-два сантиметра закрывала крышки, — и кипятят 45 минут. Для предосторожности нужно положить на дно кастрюли тряпку и следить, чтобы банки не касались стенок, — тогда они не лопнут.

Но это еще не все! Стерилизация уничтожила микробы, но споры их очень живучи. Поэтому нужна повторная стерилизация. Банки стоят при комнатной температуре два-три дня, за это время споры созреют — и их можно будет уничтожить стерилизацией в течение часа. Пусть вас не смущает столь длительное кипячение: грибы в закупоренной банке не разварятся, останутся крепкими, вкусными и питательными.

И если все правила консервирования соблюдены — можно в любое время года открыть банку, поджарить грибы с маслом, луком, со сметаной и наслаждаться неповторимым их вкусом и густым лесным ароматом.

Последний совет: попробуйте приготовить консервированный бульон из белых грибов. Он настолько вкусен, что не может не понравиться. Свежие грибы (1 кг грибов в 1 л воды) кипятят 45 минут, потом бульон дважды процеживают: сначала через тонкое сито, затем через марлю. Грибы промывают, кладут снова в бульон и доводят до кипения, сразу же разливают в стеклянные банки, закатывают и стерилизуют так, как было рассказано. Этот бульон с грибами отличается совершенно особым вкусом и ароматом, он всегда светлый, прозрачный и крепкий. Когда из такого бульона готовят суп — разбавляют его водой, добавляют по вкусу соль, картофель.

В. МАТВЕЕВ,
действительный член Географического общества АН СССР

г. Ленинград.

Глава семейства

На солнечном зеленом огороде они могут оказаться соседями — пузатая оранжевая тыква, удлинённый бледный кабачок и напоминающий замысловатую тарелку патиссон. Это близкие родственники, относятся к одному семейству тыквенных.

Глава семейства — тыква известна с древнейших времен, жители Мексики использовали тыкву еще за 3 000 лет до нашей эры. При раскопках перуанских гробниц были найдены семена тыквы. В древнем Египте и Индии тыкву тоже знали и любили. В Европу, а затем и в Россию тыкву завезли после открытия Америки, и она быстро распространилась в южных, теплых областях.

В Советском Союзе была предпринята — в тридцатые годы — специальная экспедиция, которая собрала и систематизировала сведения о тыкве. Тогда же, в тридцатые годы, были получены учеными для селекционной работы семена тыквы из Южной и Центральной Америки, из Восточной Афри-

ки, Индии и других тропических стран.

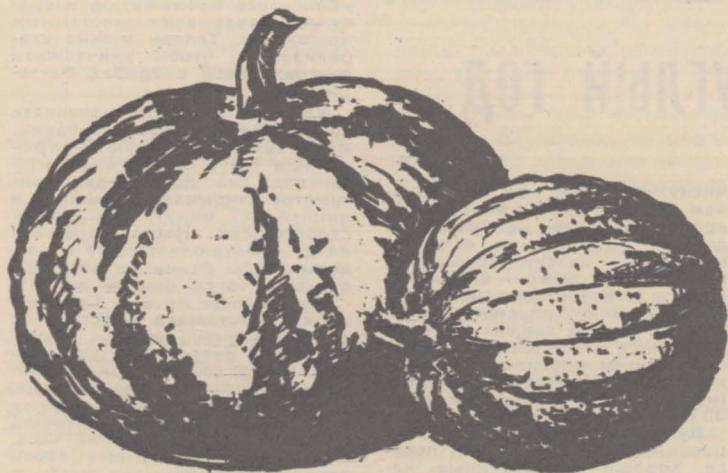
У нас тыква выращивается во многих республиках и областях. Выведены особые столовые сорта — почти для всех районов страны, кроме разве Крайнего Севера. Такой сорт, как, например, «миндальная», районирован в 58 областях и краях. В нечерноземной полосе широко распространены сорта «мозолевская», «урожайная».

Тыква — ценный продукт, по сахаристости южные ее сорта превышают яблоки, до 10—14 процентов сахара содержится в некоторых сортах тыквы, выращиваемых в Узбекистане. Тыква содержит значительное количество крахмала, витамины С, В₁, В₂, Е, РР₁ и каротин, его больше в ярко-оранжевых тыквах. Обнаружены в тыкве и соли калия, кальция, магния, железа, меди, кобальта. Так как в тыкве много пектина, который способствует выведению из организма холестерина, она полезна при атеросклерозе. Блюда из тыквы рекомендуются при недугах, сопровождающихся отеками,

болезнях почек, печени, сердца и сосудов, при подагре. Рекомендуется тыква и для диетического и детского питания.

Интересна история одного из сортов тыквы — посудной, или горлянки. Горлянка несъедобна, она имеет твердую кожуру и по форме напоминает сосуд. В старину ее и использовали как сосуд. И хотя с появлением глиняной, а затем стеклянной посуды значение горлянки уменьшилось, все же в Африке, Азии, Японии и Китае ее по-прежнему выращивали и делали из ее плодов не только сосуды для воды и вина, но и корзины, подносы, маски, табакерки, игрушки. Подобными изделиями славилась также Самарканд и Фергана.

Люфа — мочальная тыква. У нас ее выращивают на Черноморском побережье Кавказа. У перезревшего плода срезают оба конца, вынимают семена и вымачивают тыкву в щелочной воде. Затем очищают от кожуры, вываривают и отбеливают: мочалка готова.

Приготовим из тыквы

ТЫКВА ПЕЧЕНАЯ. Вымойте тыкву, разрежьте ее на четыре части, выньте семена и очистите от волокон. Затем положите на противень или сковороду, кожейцей вниз. Подлейте 3—4 столовые ложки воды и запекайте в духовке. Едят ее и горячей и холодной — с маслом, вареньем, сметаной или творогом.

ТЫКВА ТУШЕНАЯ. Тыкву очистите и нарежьте небольшими кубиками. Поместите в глубокую эмалированную сковороду, на дно которой подлейте немного воды. Слегка подсолите и накройте крышкой. Тушите, пока не станет мягкой. Вместо воды можно положить 1—2 столовые ложки топленого масла. Тушеную тыкву можно залить холодным молоком или сливками, добавить холодные печеные или консервированные яблоки, свежие ягоды, посыпать сахарным песком.

ЖАРЕНАЯ ТЫКВА. Тыкву нарезать ломтиками в сантиметр толщиной, обвалять в муке и жарить в топленном масле, пока не появится румяная корочка. Затем потушить под крышкой на слабом огне. Можно подавать со сметаной и сахаром, с вареньем или повидлом.

ПШЕННАЯ КАША С ТЫКВОЙ. Очистите и мелко нарежьте тыкву и минут пять поварите в кипящем молоке. Промойте и ошпарьте кипятком пшено. Высыпьте его в молоко с тыквой, слегка посолите, положите сахар. Минут двадцать варите кашу под крышкой на слабом огне. Не мешайте, чтобы каша получилась рассыпчатой. Готовую кашу минут на двадцать поставьте в слегка нагретую духовку. Подавайте со сливочным маслом.

На 500 г тыквы: 2,5 стакана молока, стакан пшена, 1 столовая ложка сахарного песка, масло и соль по вкусу.

ОЛАДЬИ ИЗ БЛИННОЙ МУКИ С ТЫКВОЙ. Тыкву запеките кусочками. Блинную муку разведите теплым молоком до густоты сметаны, в тесто выложите тыкву, посолите, добавьте яйца, взбитые с сахаром. Перемешав, жарьте оладьи. Едят их со сметаной, вареньем, консервированными фруктами, гущенным молоком или простоквашей.

На 1 кг тыквы: 3 стакана блинной муки, 2,5 стакана молока, 2 яйца, 1 столовая ложка сахара.

БЛИНЫ С ТЫКВОЙ. Горячую тушеную тыкву протрите через дуршлаг или решето. Долойте теплого молока, положите дрожжи, разведенные в молоке, и муку. Поставьте в теплое место, а когда тесто подойдет, добавьте столовую ложку расплавленного сливочного масла или маргарина, яйца, растертые с сахаром, соль. Промесите хорошо. После того, как тесто поднимется еще раз, можно печь блины. Они вкусны со сметаной, селедкой, кильками.

ПУДИНГ ИЗ ТЫКВЫ С ЯБЛОКАМИ.

Мелко нарезанную тыкву тушите в молоке до полуготовности, затем добавьте мелко нашинкованные яблоки (лучше кислых сортов) и тушите все вместе. Перед тем, как снять с огня, всыпьте сахар и дайте остыть. Положите манную крупу, предварительно минут на двадцать замоченную в небольшом количестве молока. Затем влейте расплавленное масло, добавьте изюм, орехи, цедру лимона, растертые с сахаром желтки, взбитые белки и осторожно все перемешайте. Выложите в форму, смазанную маслом и обсыпанную сухарями, и поставьте на полчаса в духовку. Едят пудинг холодным, украшают его консервированными фруктами.

На 400 г тыквы: 400 г яблок, стакан молока, 3 столовые ложки манной крупы, 3 столовые ложки сахарного песка, 3 яйца, 4 столовые ложки сливочного масла, 2 столовые ложки изюма, 8 грецких орехов, цедра одного лимона.

ТЫКВЕННО-ТВОРОЖНАЯ ЗАПЕКАНКА. Приготовьте тушеную тыкву, манку замочите в молоке, пропустите через мясорубку творог. Разотрите с сахаром яйца, соедините все, добавьте сметану, разогретое масло, ванилин и соль, перемешайте. Масса по густоте должна напоминать сметану, если получится гуще — подлейте немного молока. Запекайте в духовке.

На 500 г тыквы: 400 г творога, 4 столовые ложки манной крупы, стакан молока, 3 яйца, полстакана сахара, 100 г сливочного масла, ванилин и соль по вкусу.

МОЛОЧНЫЙ СУП С ТЫКВОЙ. Вскипятите молоко, всыпьте манную крупу и поварите минут десять. После этого положите в суп протертую через дуршлаг тушеную тыкву, добавьте сахар, соль, сливочное масло и прокипятите.

На 400 г тыквы: 1,5 л молока, 2 стакана воды, 5 столовых ложек манки, 2 столовые ложки сахара, 2—3 ложки масла, соль на кончике ножа.

ТЫКВЕННО-ЯБЛОЧНОЕ ПОВИДЛО. Потушите на сковороде тыкву, а потом протрите через дуршлаг или решето. Яблоки — лучше кислые — очистите от кожуры и семян, потушите и горячими протрите через решето. Затем тыкву и яблоки выложите в тазик, всыпьте половину сахара и, помешивая, варите на слабом огне. Незадолго до конца варки добавьте оставшийся сахар, апельсиновые корочки.

Готовое повидло переложите в сухие горячие банки и закатайте прокипяченными, но сухими крышками.

Можно варить повидло дольше — пока оно не будет отставать от дна посуды, — тогда его можно не закрывать герметически. Его перекладывают в сухие баночки, закрывают марлей в два слоя, а на другой день закрывают пергаментом, смоченным в воде, и завязывают.

На 800 г тыквы: 1,2 кг яблок, 1 кг сахарного песка, 1/4 чайной ложки апельсиновых корочек.

С. КРАСНОКУТСКАЯ

**Эти модели одежды
предлагают художни-
ки Москвы, Новосиби-
рска, Свердловска.**

Фото В. КАМЫШКО.

АВТОПОРТРЕТ РОДИНЫ

Развернувшаяся этим летом в Манеже, в главном выставочном зале страны, Всесоюзная выставка работ самодеятельных художников легко и уверенно заняла стены, где совсем недавно висели полотна академиков, стала рядом и, как это иногда случается в искусстве, потребовала к себе не меньшего внимания. «Эта выставка — автопортрет страны», — сказал в день ее открытия народный художник СССР Д. Шмаринов. Лучшее, точнее не сказать. Автопортрет, созданный руками рабочих, крестьян, народной интеллигенции. 1350 произведений живописи, 530 графических, 350 скульптурных работ. 1600 любителей представляют 21 изостудию страны.

Пожалуй, ни на одном вернисаже, ни на одной выставке прежних лет у меня не возникло такого светлого ощущения естественности происходящего, такой готовности принять и унести с собой радость художнического открытия — как собственного, разделив его со всеми и сохранив навсегда.

Кто не знает рижского завода ВЭФ? Его фабричная марка украшает популярные транзисторные приемники. Завод носит имя Ленина. И ленинский профиль встречает каждого вступившего на территорию завода. Эту монументальную чеканку по металлу создали А. Сакша-Фишере, Л. Нейланд и К. Сейсумс — воспитанники народной студии заводского Дворца культуры. Среди студийцев — инженеры, токари, лаборанты. Экономист Александра Сакша-Фишере давно и успешно работает над скульптурными портретами лучших людей завода, Светлана Ауриня — тоже скульптор, ныне стала студенткой Академии художеств, но обе они не порывают со студией, где начался их путь в искусство.

Профессиональное умение, художническая зоркость и непосредственность отличают большинство работ, представленных на выставке в Манеже. Можно спорить о том, хорошо или плохо, когда интересы одаренного человека, его повседневные заботы лежат далеко за пределами мольберта и палитры, когда в свою творческую мастерскую он приходит только в свободное время и из другой мастерской — с завода, из института, учреждения, с колхозного поля или поисковой партии. Выставка в Манеже сказала достаточно веское слово в этом споре: важно, чтобы искусство было искусством, а не унылым ремеслом.

Стены Манежа лишь условно отделяют выставку картин от тех, кто их создал, и от тех, кто на них изображен. Автопортрет Родины собирателен. И герои и художники, кажется, лишь на миг задержались в этих залах, чтобы сразу вернуться в мир больших дел, в сегодняшний день страны, оставив здесь, в залах, частичку своей души, своего понимания человека, его труда, нашей жизни во всех ее проявлениях. И все-таки у всех нас, посетителей Манежа, возникает твердое убеждение, что этот портрет документально безупречен, что именно он когда-нибудь скажет людям будущего, какими были мы, их предшественники, советские люди конца самого удивительного века, повернувшего историю человечества. Этот сталевар, эта медицинская сестра, этот чабан, эта телатница, этот конструктор...

Конструктору В. Лобанову за сорок. Четверть века проработал он на московском заводе «Станколит». Живопись — его вторая специальность. Именно специальность, а не просто любовь, не просто увлечение. Потому так достоверен колорит его полотен. «Чугун идет» — подписывает он одну из своих работ. И мы видим, какое это большое событие для него, для товарищей. Как это волнуется автор, а потому и нас с вами.

На выставке немало работ, останавливающих взгляд, запоминающихся, тревожащих воображение, точных по мысли, значительных по пережитому. Среди таких удач нельзя не назвать большое полотно свердловского рабочего Ю. Борноволокова. Этот молодой человек (ему двадцать пять лет) нарисовал

старую русскую женщину, не знавшую праздности. Под портретом, написанным маслом, рукой уверенной и сильной, как-то очень по-детски уверено: «Ефимья Емельяновна». С портрета смотрит на нас иссушенное солнцем крестьянское лицо. За спиной женщины — поле, земля с редкими ростками пробившейся зелени. На коленях лежат ее рабочие руны. Они так же выразительны, как и ее лицо. Изборожденное временем и как-то неловко застывшее в неприличном для нее покое. И большие мастера не часто поднимаются на высоту такого видения, такого яркого выражения. Перед нами бесспорный талант, достойный пристального внимания.

Невозможно даже бегло перечислить лучшие работы выставки, назвать имена их создателей, учеников и учителей.

«Надо воспитать актера, но прежде всего человека», — как-то сказала М. Н. Ермолова. Эти слова, пришедшие на память здесь, на выставке, помогли мне многое понять. И прежде всего то, что большинство самодея-

тельных художников — люди вполне сформировавшиеся. И за кисти и краски они взялись не для того, чтобы поиграть в живописцев, а чтобы выразить себя, свое миропонимание, чтобы рассказать людям о деле, которому они служат.

Выставка «Слава труду!» вполне отвечает своему названию. И каждый, кто пришел сюда, становится как бы ее участником.

Автопортрет Родины — это ведь в какой-то мере автопортрет каждой из ее 15 республик с их национальным колоритом, юмором, традициями...

Выставка радуется разнообразию средств и форм выражения, к которым прибегают самодеятельные художники. Тут и темпера, и гуашь, и акварель, и дерево, и гранит, и чеканка по металлу, и мозаика, и аппликация. Народ повествует о себе, о своей жизни, о своей судьбе. Мы видим его и в радости и в горе, в счастье уже совершенного и только-только задуманного.

Е. ТАРАСОВА

● В. Шурков, слесарь (г. Ташкент). Чайханщик. ● В. Цынова, маляр (г. Волжский). В изостудии (фрагмент). ● М. Хубашивили, печатник (г. Тбилиси). Кола и Мана.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
[зам. главного редактора], А. Г. ХРИП-
КОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:

101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; между-
народной жизни — 250-44-80; литера-
туры и искусства — 250-12-30; семья и
быта — 250-11-93; науки и антирели-
гиозной пропаганды — 253-30-76; худо-
жественного оформления — 253-34-79;
писем — 250-57-38; массовой работы —
250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Сдано в набор 24/VI—1974 г.
А 01431. Подписано к печ. 16/VII—1974 г.

Формат 60×90¹/₈.

Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.

Тираж 12 625 000 экз.

(1-й завод: 1 — 10 864 800 экз.).

Изд. № 1727. Заказ № 2415.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Т. Н. ЖУРАБЛЕВА.

На первой странице обложки:
На стройке. Рисунок Л. ХАЙЛОВА.

В приложении к этому номеру: Одежда де-
ловой женщины.

**«СЛАВА ТРУДУ». ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ХУДОЖ-
НИКОВ.**

В. Ждан, шрифтовик (г. Москва). ИЮНЬ.

**Н. Тихомиров, служащий (г. Рязань).
ДЕВУШКА С ЦВЕТКОМ.**

Е. Попкова, упаковщица (г. Киев). ЖДУ ГОСТЕЙ.

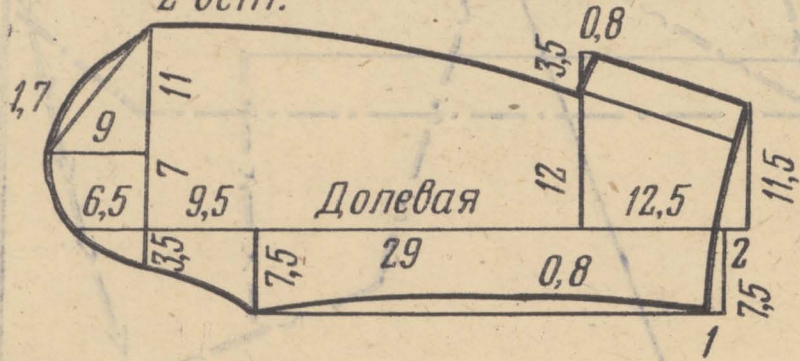
Л. Лебедева, пенсионерка (г. Таганрог). ЗАЗНАЙКА.

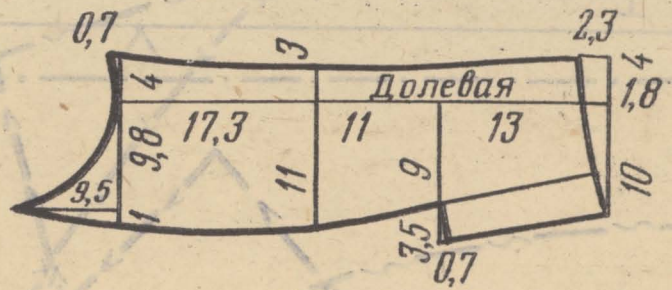
Костюм

размер 52 рост III

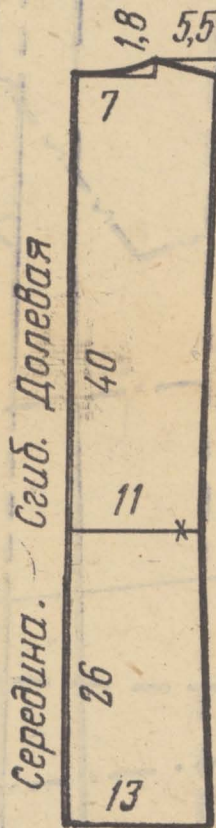
Верхняя половинка рукава
2 дет.

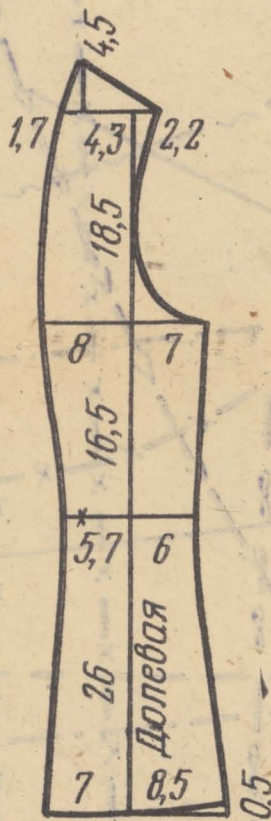
Нижняя половинка
рукава. 2 дет.

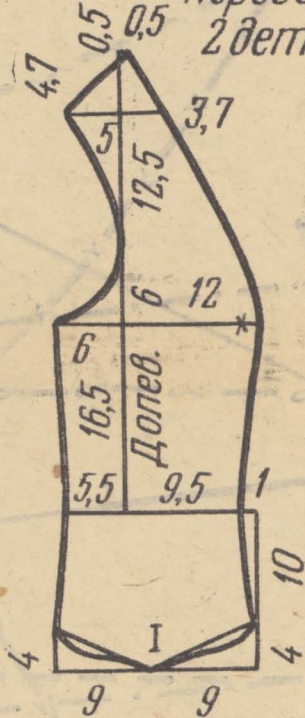
Спинка
1 дет.

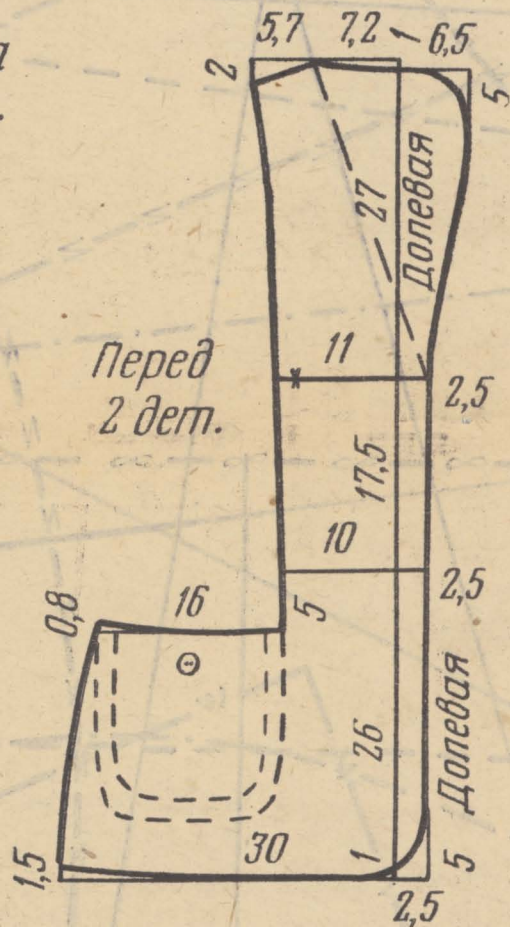
Бочок спинки
2 дет.

Бочок
переда
2 дет.

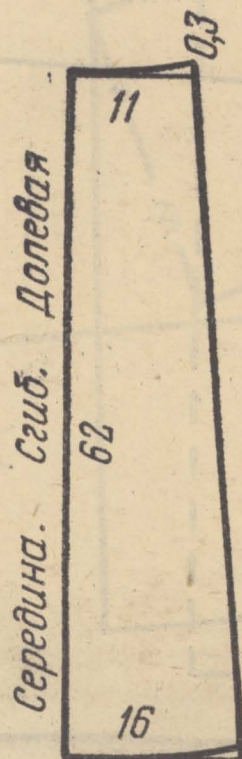

Перед
2 дет.

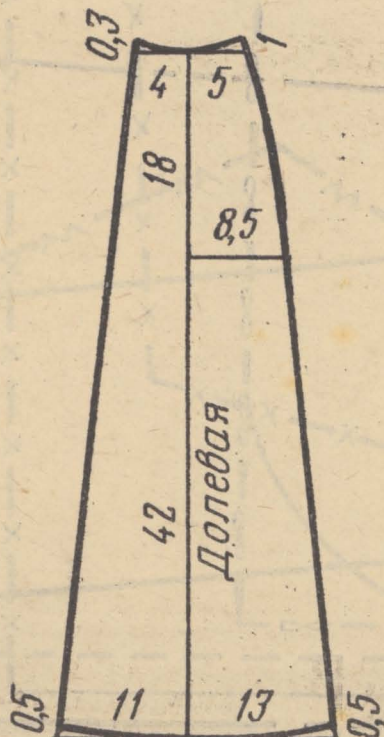

Заднее полотно
юбки
1 дет.

1 дет.

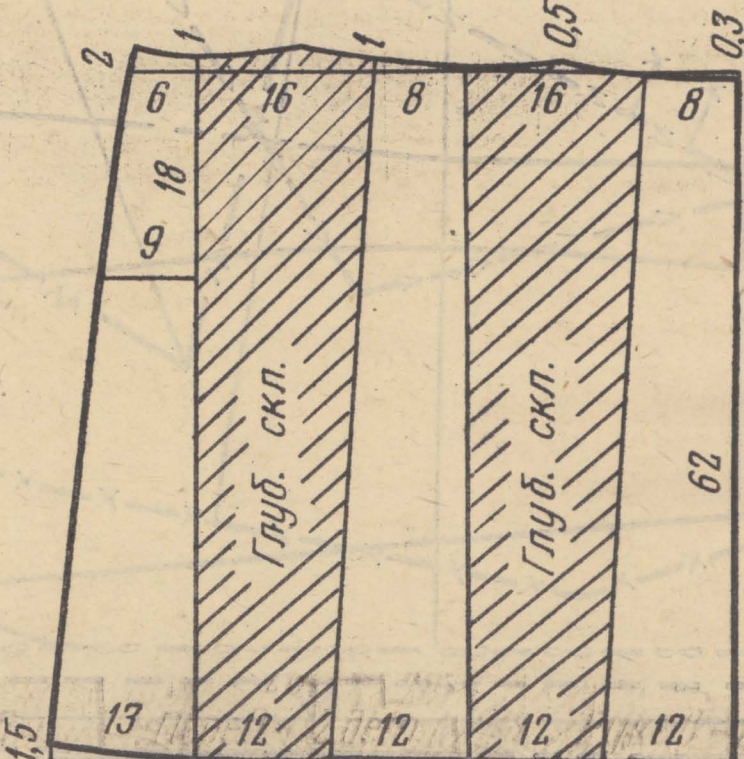

2 дет.

Переднее полотно юбки
1 дет.

1 дет.

Костюм из шерсти или
нижа, с большими отст
клапан кармана, засте
также отстроены. Вык
уменьшенном виде.
Платье с кокеткой—
луэт, рельефы по лини
Цельнокроеный воротни
кройка платья 52-го ра
жения в натуральную
на швы.

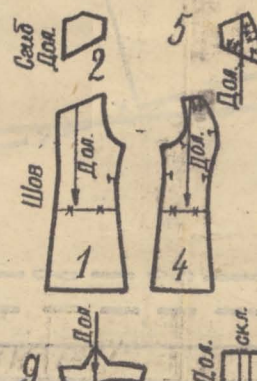
Вязанный из шерсти
зуются вязкой: 6 лиц
полочки под вышивк
гладью, пушистыми то
лее рельефным, можно
ми нитками.

Условный

Платье:

1. Спинка
2. Кокетка спинки
3. Перед
4. Бочок переда
5. Кокетка переда
6. Нижний воротник с планкой
7. Верхний воротник с планкой и подборт
8. Рукав
9. Обтачка рукава
10. Карман
11. Обтачка кармана

Линии соединения

ОДЕЖДА ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЫ

и другой плотной ткани. Жакет без воротничными отворотами. Бочок переходит в вивающийся на пуговицу. Рукава и карманы ройка 52-го размера 3-го роста дана в спереди и сзади. Полуприлегающий си груди и на спинке. Застежка на планке. к со швом сзади. Отделка — строчка. Вы- змера 3-го роста дана на обороте прило- величину. Все выкройки — без припусков

Художник А. ТРОФИМЕНКО.
Конструктор Т. ЛЕСНОВА

жакет 52-го размера, 3 роста. Полосы обра- вых, 2 изнаночные петли. Рукава и часть ой — лицевой вязки. Вышивка крупной стыми нитками. Чтобы узор получился бо- предварительно сделать настил шерстяны-

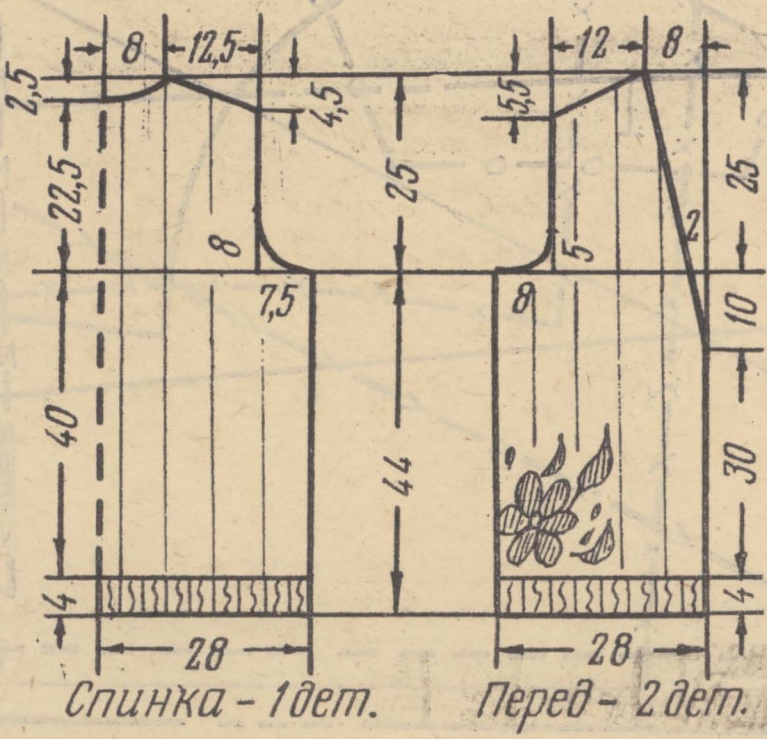
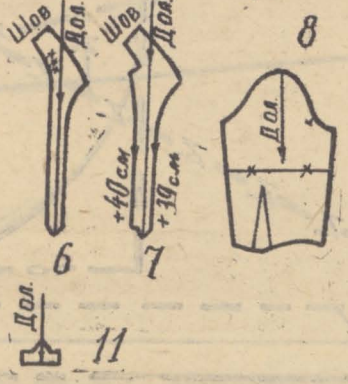
Модель А. ТРОФИМЕНКО.
Вышивка Т. БОЛЬШАКОВОЙ.

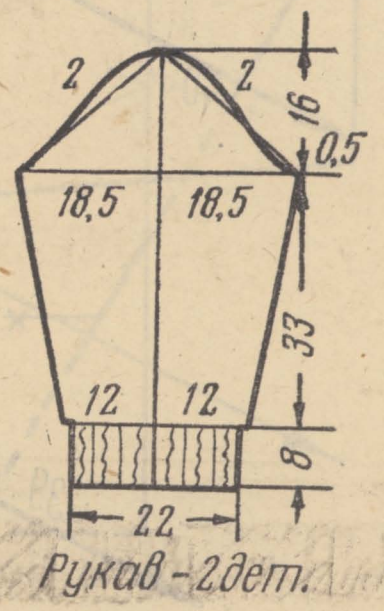
е обозначения:

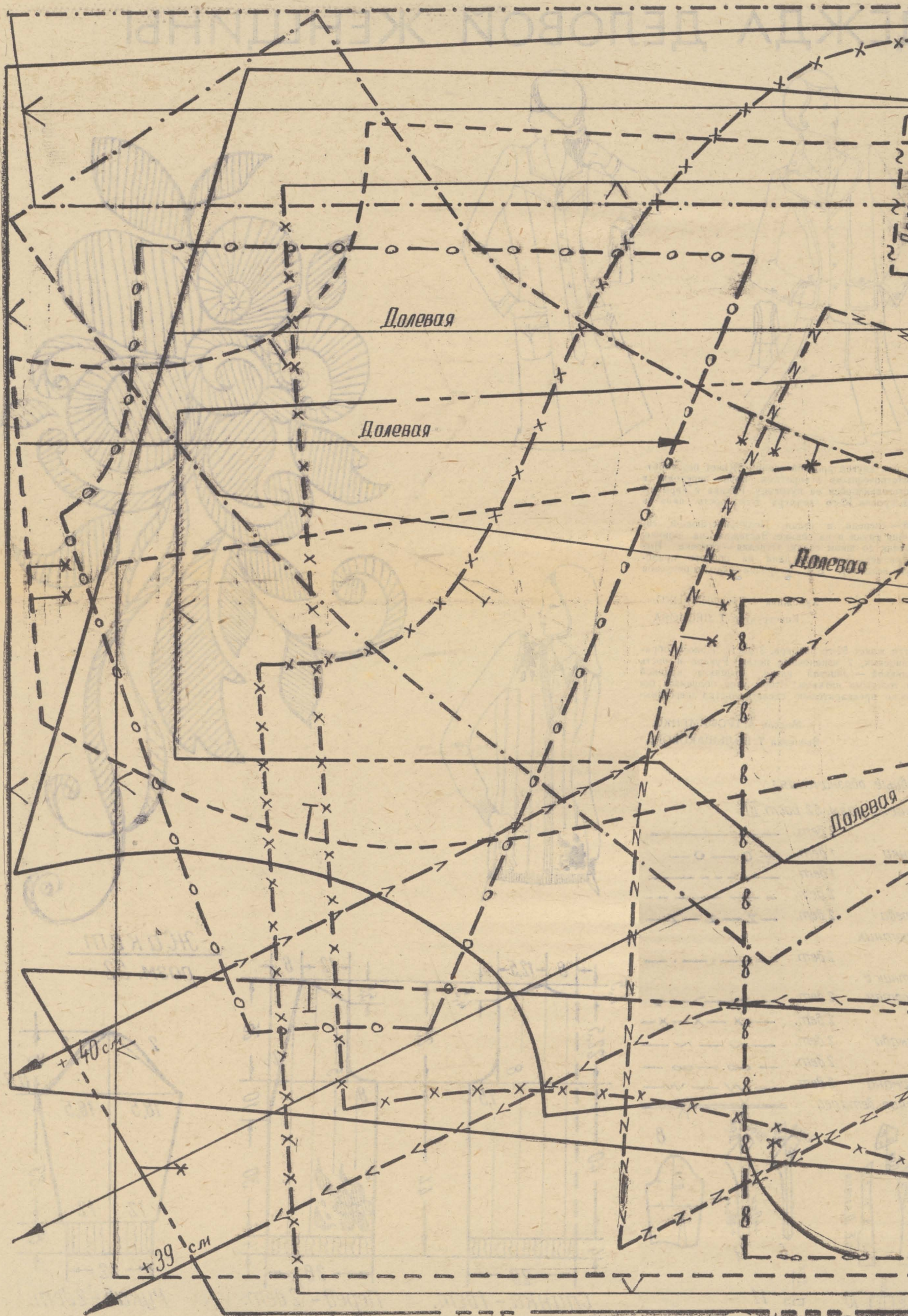
разм. 52 рост. III

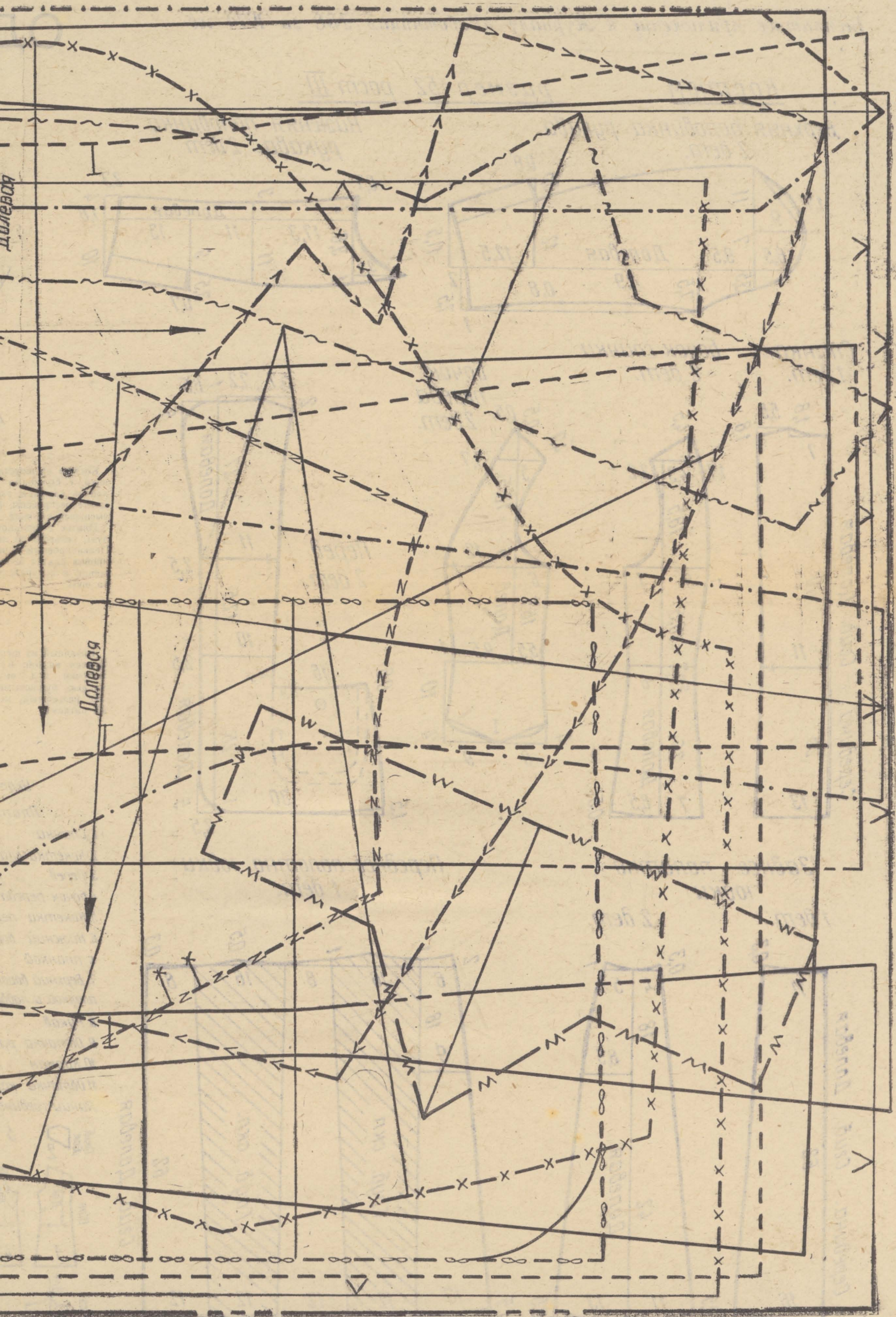
- 2 дет. —————
 - 1 дет. — o — o —
 - 1 дет. - - - - -
 - 2 дет. - - - - -
 - 2 дет. — z — z — z —
 - 2 дет. —
 - 2 дет. —> —> —> —>
 - 2 дет. — x — x — x —
 - 2 дет. ~ ~ ~ ~ ~
 - 2 дет. — ∞ — ∞ —
 - 2 дет. — w — w —
- деталей: — x — x —

Жакет
разм. 52

ПУТЬ В БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО

Двадцать дней в Москве, в залах Консерватории — Большом и Малом, — а также в Колонном зале Дома союзов звучала музыка Баха, Шумана, Моцарта и Шопена, Прокофьева и Стравинского. Но подлинным хозяином конкурса был все же Петр Ильич Чайковский. Его произведения, полные поэтической нежности и любви к родной природе, — «Времена года», концерты для рояля, скрипки и виолончели, арии из опер, романсы звучали чаще других.

«Музыка, — как-то заметил сам Чайковский, — есть сокровищница, в которую всякая национальность вносит что-нибудь свое на пользу общую». Эту «пользу общую» ощущали и слушатели и участники конкурса, носящего имя великого русского композитора.

Действительно, настоящая музыка выражает не только дух создавшего ее народа, она по сути своей интернациональна. Не потому ли русским исполнителям удалось передать гениальную мощь и психологическую глубину Бетховена, а музыкантам из Бразилии — широту и раздольную удаль «Масленицы» из «Времен года».

Главной заповедью конкурса было: не проглядеть талант!

Почти три недели люди, заполнявшие концертные залы, ловили каждый летящий со сцены звук. И волновались, и радовались, и сопереживали. И аплодировали вопреки просьбе жюри хранить при себе восторг, хотя бы на первых двух турах.

И вот конкурс окончен. Названы лауреаты, представляющие разные страны, разные школы.

Оценивать значение Пятого конкурса для мировой исполнительской культуры еще преждевременно. Он едва окончился, и участники, и члены жюри, и любители музыки еще не остыли от конкурсной лихорадки. Впрочем, у нашего конкурса есть история. За 16 лет, прошедших с того дня, когда в Москву впервые съехались молодые музыканты, конкурс окреп,

● Вокалисты — Сильвия Шаш, Иван Пономаренко, Стефна Евстатиева, Колош Ковач и Людмила Сергиенко.

● Виолончелисты — Хирофуми Канно (Япония), Иван Монигетти (СССР) и Сета Балтаян (Болгария).

● Борис Пергаменщиков.

● Рубен Агаронян.

● Пианисты — в первом ряду: Юрий Егоров, Андрей Гаврилов и Мюнг Ван Чунг; во втором ряду: Брижит Анжерер (Франция), Станислав Иголинский и Этери Анджапаридзе (СССР).

Фото А. РУБАШКИНА.

Чунг (США), скрипачи Юджин Фодор (США), Русудан Гвасалия и Рубен Агаронян (СССР), певцы Сильвия Шаш и Колош Ковач (Венгрия), Людмила Сергиенко (СССР), Стефна Евстатиева (Болгария).

Награждены самые талантливые, самые обещающие.

На снимках, помещенных на этой странице, вы видите участников и лауреатов прошедшего конкурса.

став одним из самых представительных соревнований музыкантов планеты. Имена многих лауреатов сегодня известны всем. Это и Ван Клиберна, и Валерий Кжимова, и Владимир Крайнев, и Григорий Соколов, и Тамара Синявская, и Виктория Яглинг, и Владимир Атлантов, и Евгений Нестеренко, и Елена Образцова, и многие, многие другие.

Каждые четыре года съезжаются в Москву музыканты. И от конкурса к конкурсу растет число участников и количество стран, которые они представля-

ют. Если в 1958 году в первом Московском конкурсе приняли участие 60 исполнителей из 22 стран мира, то в нынешнем, Пятом, участвовало уже более 200 человек из 30 стран мира.

Ныне путевку в большое искусство с самой высокой оценкой — золотой медалью — получили советские исполнители: виолончелист Борис Пергаменщиков, пианист Андрей Гаврилов и певец Иван Пономаренко.

Серебряные призеры — виолончелист Иван Монигетти (СССР), пианисты Станислав Иголинский (СССР), Мюнг Ван

